

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№6 (124), 2024



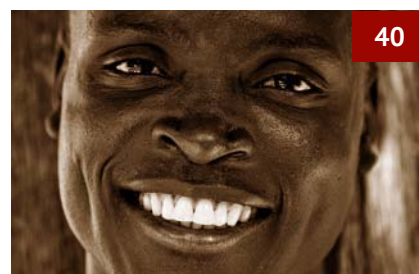
*Контуры
мультиполярности
и новый баланс сил*

Часть 2



Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Разворот Истории
- 6** Андрей СВЕТЛОВ.
Историческая альтернатива
- 20** Сергей ПЕРЕСЛЕГИН.
Миражи многополярного мира
- 30** Гарт Ле Пер.
Меняющаяся геополитика: последствия для глобального порядка
- 40** Владимир ТИМАКОВ.
Планета меняет цвет
- 50** Евгений ВАРШАВСКИЙ.
Стратегическая культура: мягкая сила империи
- 68** Дмитрий ЗЕЛЕНЦОВ.
Мир посредством силы
- 84** Максим КАЛАШНИКОВ.
Тайное оружие войн
- 94** Василий КОЛТАШОВ, Андрей КОРЯКОВЦЕВ, Антон СКНАРЬ.
Академическая наука как проблема
- 106** **Человек будущего**
(беседа с Михаилом КИЛЬДЯШОВЫМ)
- 116** **Библиотекарь**
- 117** **Хронология мероприятий клуба**
- 118** Владимир ОДНОРАЛОВ:
«Чтобы дух наш вовек не зачах...»
(стихи)



Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №6 (124), 2024 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора – Андрей КОБЯКОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
По вопросам распространения: телефон +7(910) 421 92 07
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 25.11.2024

Отпечатано в ООО «Типография «Печатных Дел Мастер»

Тираж 700 экз. Заказ № 246052



/ Александр ПРОХАНОВ /

Разворот Истории



Россию в 1991 году положили во гроб. Не в тот хрустальный, сказочный, что на золотых цепях качается в небесной лазури. Её положили не как спящую царевну — в жемчужном кокошнике и в дивном наряде. Её кинули в дощатый гроб раздетую, изнасилованную, с вырванными волосами и выколотыми глазами, со множеством синяков и порезов. Она лежала в гробу в глубоком обмороке, а на крышке из гнилой осины танцевало ликующее либеральное племя.

Русские сказки сбываются. Россия проснулась во гробе. Её разбудил не восторженный поцелуй влюблённого царевича. Поцелуем, разбудившим Россию, был грохот реактивных снарядов, городские пожары, бабьи рыдания. Россия очнулась и сдвинула крышку гроба, хулители и насильники слетели и разбежались. Россия встаёт из гроба в рубище, тяжело дыша. Её восстание из гроба зовётся специальной военной операцией — обряд русского воскрешения.

Разгромленная, попранная Россия ушла из Восточной Европы, ушла из Закавказья, ушла из Средней Азии, ушла с Ближнего Востока, ушла из Африки и Латинской Америки. Мировая держава превратилась в региональную страну, похожую на обглоданный блин, остывающий среди трёх океанов. Америка, разгромившая СССР, шла туда, откуда она изгоняла Россию. Она захватила Восточную Европу и строила там вереницу крепостей, обративших свои пушки на Россию. Запад захватил казахстанские города и заводы и выкачивал из них уголь, сталь, газ, уран, и русские люди, построившие Темиртау, пахавшие казахстанские степи, сотворившие город будущего Шевченко, теперь были чернорабочими западной цивилизации. Иго захватывало Ближний Восток, сокрушая централистские, некогда дружественные Советскому Союзу режимы.

Впервые Россия прорвала колючую проволоку, которой её окружили после 1991 года, во время восстания Абхазии и Южной Осетии, отбивавшихся от кровавого Саакашвили. Русские танки, спеша на помощь осетинам, прошли сквозь Рокский туннель и пробили геополитический туннель в Закавказье. Это был удар по игу, и иго не вынесло этот удар, отступило.

Иго потерпело поражение в Закавказье. Начиная бурлить русский Крым, русский

Донбасс, русская Новороссия. У ига был страх потерять Украину, что перечеркивало план Бжезинского, путало фигуры на его шахматной доске.

Восстание русского Крыма было бескровным. Ни один украинский гарнизон не расчехлил своего оружия. Возвращение Крыма в Россию было чудом, было солнечным сиянием.

Донбасс возвращался в Россию в грохоте орудий, в оплавленной броне, в истерзанных телах. Украинская армия двинулась усмирять восстание Донбасса. Фашиствующий батальон «Азов»¹ курсировал по донбасским городкам и селениям и казнил пожелавших вернуться в Россию.

Украина формировала своё национальное антирусское фашиствующее государство, где западные советники лепили из Украины антирусский форпост.

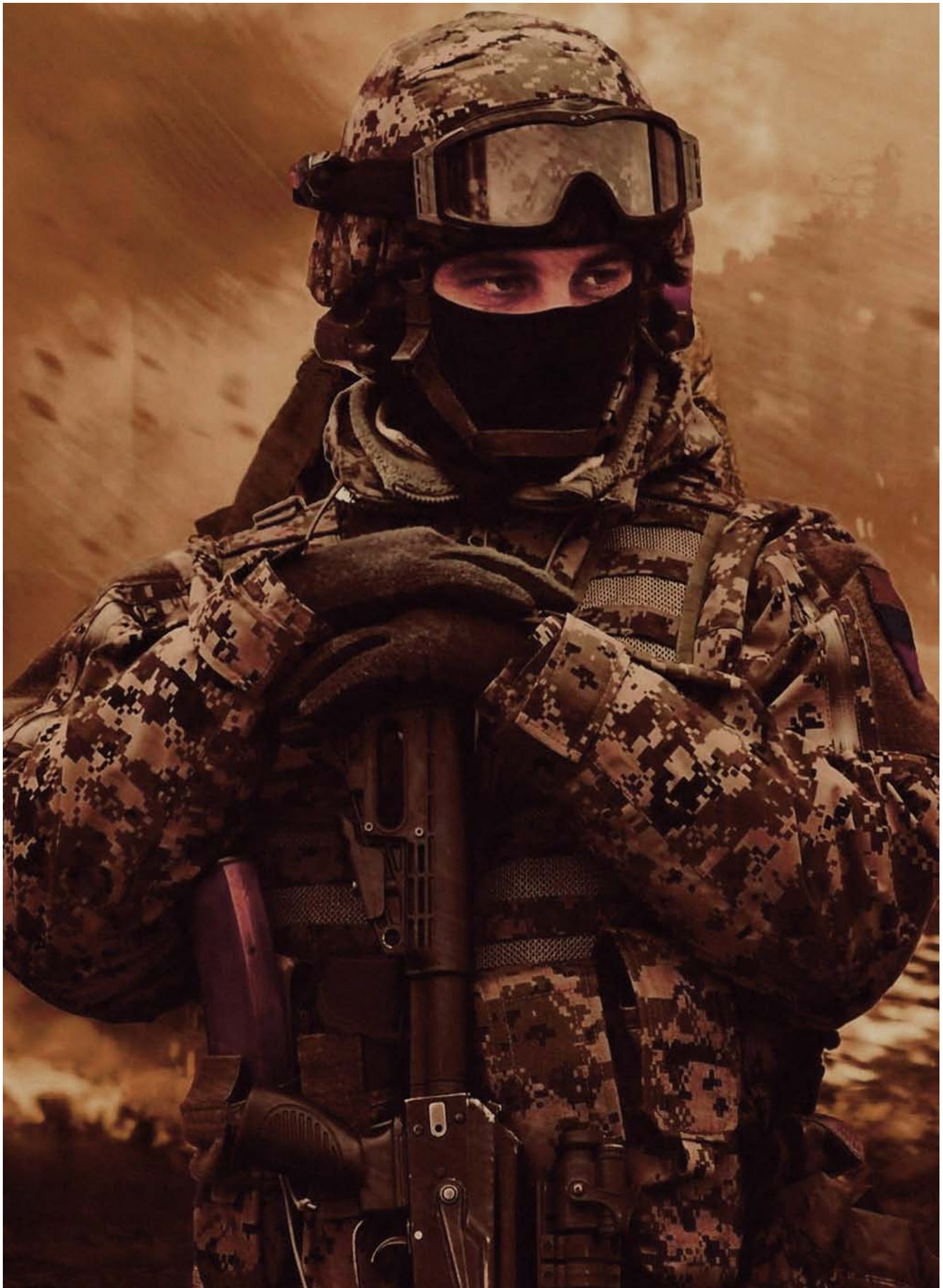
Обстрелы Донбасса и Луганска продолжались. Россия, сходясь перед телевизорами, рыдала, глядя, как из-под обломков выносят искалеченных детей и обезумевшие старухи, махая худыми руками, указывали в небо, откуда прилетели украинские реактивные снаряды.

Мутные Минские соглашения рождали множество бессмысленных встреч, на которых разговоры о мире велись под грохот украинской артиллерии, громившей Донецк. Россия верила в Минские соглашения, ещё не прозвучали слова «нас обманули», но, затягивая время переговоров, Украина стягивала свои войска к границам Донбасса, оснащала эти войска новейшим оружием Запада, учила своих командиров на полигонах Америки и Европы, готовила удар по мятежному Донбассу, планировала вторжение в Крым.

И тогда в феврале 2022 года Путин, верховный главнокомандующий, отдал приказ о начале специальной военной операции, и русские войска пошли на Харьков, Мариуполь и Одессу.

В августе 1991 года, когда войска Язова ушли из Москвы, я испытал космический ужас, кошмар стратегического поражения, в котором захлебнулась и канула вся моя красная эра. Двадцать четвёртого февраля 2022 года я испытал небывалую радость, необъяснимое восхищение, чудесное освобождение, будто сдвинули тяжкую, давившую на грудь плиту,

¹ Признан в России террористической организацией.





и я вздохнул полной грудью, и этой полной грудью вздохнула Россия, проткнула остриями своих боевых машин эфемерные ленточки границы и начала свое наступление, пошла в контратаку.

Подобную мистическую радость испытало вместе со мной множество русских людей, а другое множество испытало ужас, панику и ненависть. В этот день отчётливо зашевелились, заскрежетали тектонические плиты истории, и её зазубренные края терлись, плавились, превращались в стремительную ярость новых русских времён. Специальной военной операцией по сей день называется множество военных, политических, культурных, мировоззренческих явлений, выходящих за пределы донбасских степей, захвативших всю Украину, всю Россию, всю Европу, заокеанскую Америку, Африку и Китай. Весь мир ощутил удар, который нанесли заточенные, как топоры, русские боевые машины, разрубившие забор, которым иго обнесло Россию. Эта война — загадочная, ещё необъяснённая, отличная от всех предшествующих войн, происходивших в двадцатом и двадцать первом веках. В ней, кроме военных компонентов, присутствует множество невоенных технологий, казалось, исчезнувших во тьме средневековых войн, вдруг объявившихся вновь. Эту войну будут изучать военные стратеги, специалисты вооружений, изодранные политологи, психологи, психоаналитики, её будут изучать культурологи, дипломаты и религиозные деятели. Быть может, это главная война двадцать первого века, в которую вылились все предшествующие войны и сражения и из которой последуют другие, ещё неведомые на других континентах конфликты.

Мы шли на Украину за лёгкой победой, полагая, что освобождаем Украину от ига, и на встречу нам освобождённые города и селения понесут караваи, букеты цветов. Чудесный Киев, бесподобная Одесса, русский Харьков и Днепропетровск сольются с другими городами России в союз братских городов.

Не было цветов и караваев. Были бои, что заставили русские войска отступить от Киева, Харькова, Николаева и сжаться в кулак, заслоняя Донбасс, на который был направлен удар заново сформированной и блестяще оснащённой украинской армии. Было многомесячное контрнаступление украинцев с обещаниями Зеленского окончить это наступление в Москве. Были кровавые бои в Бахмуте, где каждый камень, каждый дом,

каждый этаж давались кровью. Была гибель на море черноморского крейсера «Москва», были удары артиллерией по атомным станциям Запорожья. Были бессчётные дроны, полетевшие вглубь российской территории, опустошавшие Белгород, Брянск и Курск. Был переход границы украинскими подразделениями, которые вторглись на территорию России.

Сегодняшняя схватка на Украине — это не просто схватка американских «Хаймеров» и русских «Искандеров», ракет «Шторм Шэдоу» и сверхточных «Кинжалов». Это схватка мистических мировоззрений, которая обнурует себя в сегодняшнем мире, где одно мировоззрение требует для мира железный порядок, господство одних и подчинение другим, а другое — рассматривает мир, населённый народами и культурами, как божественный данный человечеству сад, где царят гармония и благоденствие.

Армия и народ, через горе и кровь идущие к победе, управляются победными кодами, теми глубинными навыками, которые делают русскую армию и русский народ победными, делают победной русскую историю.

Победа на Донбассе — это одоление ига, это нанесение игу смертельной раны. И множество народов, находящихся под властью ига, видят, что оно не бессмертно, что на него есть управа. И победа России рвёт постромки и поводки, на которых иго держит множество покорённых народов, и народы срываются с этих поводков. И звезда русской победы воссияет над Африкой, Азией и Латинской Америкой.

Сегодняшняя схватка на Украине — это не просто схватка американских «Хаймеров» и русских «Искандеров», ракет «Шторм Шэдоу» и сверхточных «Кинжалов». Победа на Донбассе — это одоление ига, это нанесение игу смертельной раны. И множество народов, находящихся под властью ига, видят, что оно не бессмертно, что на него есть управа. И победа России рвёт постромки и поводки, на которых иго держит множество покорённых народов, и народы срываются с этих поводков. И звезда русской победы воссияет над Африкой, Азией и Латинской Америкой.



/ Андрей СВЕТЛОВ /

Историческая альтернатива

*Либо человечество перейдёт на качественно более
высокий этап гармоничного развития, либо понесёт
чудовищные потери в грядущих конфликтах*





За период с начала СВО мир стал заметно меняться. В контексте происходящей трансформации можно констатировать наличие трёх категорий людей с разными взглядами на характер наблюдаемых изменений.

Первая категория — подавляющее большинство. Масса обывателей, думающих, что мир изменился, но не сильно. Да, он стал более «горячим», но какой-то глобальной войны, которая затрагивала бы миллионы семей по всему миру, нет. Пока нет. Он стал менее комфортным с точки зрения ведения международного бизнеса. Растут торговые барьеры, ужесточается контроль финансовых регуляторов. Он стал менее терпимым на уровне заявлений политиков. В нём стало больше риторических угроз и меньше призывов к поиску компромиссов. Но в общем и целом, если сравнивать текущую повседневность с годами пандемии, предшествовавшими СВО, с карантинными режимами и связанными с ними ограничениями, эта текущая повседневность вполне комфортна для рядового обывателя. Это даже рождает крамольную мысль, что социально-экономические эксцессы времён пандемии были своего рода некоей планкой, предельным уровнем стресса, на возможность прохождения которого тестировались разные сообщества. Чем жёсткие карантинные меры, периодически принимавшиеся в Китае, по своей сути отличаются от масштабных учений гражданской обороны на случай применения оружия массового поражения? Кому-то это покажется конспирологией... Как бы там ни было, всё познаётся в сравнении. Не случись событий 2020–2021 гг., текущее состояние дел на планете большинству обывателей показалось бы весьма тревожным. Но после стрессов пандемии это тревожное состояние дел не представляется таким уж страшным. Так думает большинство.

Более осведомлённое меньшинство с растущим всё более удивлением и зачастую страхом конста-

тирует ускоряющиеся перемены, радикальным образом меняющие политическое и экономическое лицо мира. Ко второй категории людей можно отнести подавляющее большинство из этого всё более и более обеспокоенного меньшинства. Эти люди видят перемены, но не ожидали их и не могут понять их природу. Они понимают, что мир сильно меняется, но не понимают, как и в какую сторону и как контролировать перемены. Создаётся впечатление, что подавляющее число лиц, принимающих решения на государственном и верхнем корпоративном уровнях управления, относятся именно к этой категории. Они живут сегодня в перманентном и нарастающем «кризисе сложности», когда, пытаясь реагировать на перемены в привычной им старой логике, они постоянно сталкиваются с тем, что время, которое уходит у них на анализ и принятие решения, сопоставимо со временем, когда ситуация меняется настолько сильно, что выработанное решение теряет актуальность. Это ситуация постепенно нарастающей для них катастрофы. И по мере нарастания того, что воспринимается ими как катастрофа, эти люди будут терять адекватность.

Хорошим примером таких теряющих адекватность людей является «партия заморозки украинского конфликта» в нашей стране. Те, кто постоянно подсовывает на высший уровень управления очередные озвучиваемые президентом нашей

страны мантры о новых «минсках», «стамбулах», «многополярности» и т. д., но обязательно «с учётом сложившейся на земле ситуации». Парадокс в том, что с противоположной стороны им противостоят точно такие же теряющие адекватность представители «партии эскалации», для которых даже провоцирование ограниченного ядерного конфликта выглядит менее страшным, чем изменение существующего и объективно умирающего статус-кво, сложившегося после окончания холодной войны. И тех и других объединяет то, что они хотят сохранения старого мирового порядка и готовы лишь на косметические изменения. Они отличаются друг от друга лишь тем, что по-разному видят в нём участие различных сил и их роли. И те и другие будут выкинуты на обочину истории, потому что такие процессы, как те, что идут сейчас в мире, случаются даже не раз в столетие. Это не просто смена гегемона, очередная перекройка рынков и сфер влияния. Это — начало смены социально-экономической парадигмы. И от того, кто, как и насколько гладко пройдёт процессы, которые могут длиться ещё пару десятилетий, зависит, где будут новые «тёмные века», подобные тем, в которые погрузился регион Средиземноморья после кризиса поздней античности, а где — расцвет новой цивилизации.

Как писал поэт, «лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье». Там, где ограничен-

Такие процессы, как те, что идут сейчас в мире, случаются даже не раз в столетие. Это не просто смена гегемона, очередная перекройка рынков и сфер влияния. Это — начало смены социально-экономической парадигмы. И от того, кто, как и насколько гладко пройдёт процессы, которые могут длиться ещё пару десятилетий, зависит, где будут новые «тёмные века», подобные тем, в которые погрузился регион Средиземноморья после кризиса поздней античности, а где — расцвет новой цивилизации.



Есть лишь две страны, которые могут претендовать на то, чтобы считаться обладателями полного цикла пятого технологического уклада и всеми соответствующими технологиями. Это — Китай и США. И именно этот факт предопределяет неизбежность их противостояния. Пятый технологический уклад способен уже сформировать две суверенных зоны. А реальная политика устроена так, что любой потенциальный суверенитет стремится проявиться.

ный опытом одного поколения ум видит нарастающую катастрофу, ум, способный мыслить категориями исторического процесса, увидит фазовый переход. Такие люди составляют третью категорию — сохраняющих адекватность во всё более бурном потоке изменений реальности. Но эта категория, увы, исчезающе малочисленна даже в сравнении со второй и потому выглядит маргинальной. Кроме того, чем масштабнее анализируемые процессы и привлекаемые исторические аналогии, тем меньше конкретики и больше вариантов будущего. Видя картину мира в целом, такие визионеры редко могут дать конкретные практические советы для короткого горизонта планирования тем, у кого цель «день простоять да ночь продержаться». В контексте нарастающего глобального противостояния ключевых геополитических игроков это переходит в игру «кто сломается первым». Китай, США, Россия, ЕС, Ближний Восток? Открыв тем самым новое пространство, в котором можно решить противоречия оставшихся и которое потом использовать как пространство для роста. В последний раз таким пространством стало пространство «советского блока». До этого — разрушенная Второй мировой войной Европа. Но есть веские основания думать, что сейчас такой циничный и основанный на опытах мировых войн подход не сработает. Таким разрушенным пространством на этот раз может

оказаться весь мир, причём даже без ядерной войны или какой-то очередной смертоносной пандемии.

Постараемся, однако, избежать самых печальных перспектив и для этого сосредоточимся на попытке описать суть глобальных политических и экономических процессов, которые неумолимо и объективно меняют мир. Сразу стоит принять, что мир меняется вне зависимости от воли и сознания отдельных лидеров. Лидеры могут смягчить или обострить процессы, но не идти против хода истории, обусловленного экономическим детерминизмом и иными объективными предпосылками.

НОВЫЕ ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Одним из важнейших факторов, ломающих как минимум сложившийся после окончания так называемой холодной войны глобальный порядок, стали новейшие военные технологии. Что нового для военного дела показали реальные боевые действия в рамках СВО, а также конфликты, которые разгорелись в прошлом году на Ближнем Востоке?

Можно выделить стремительно растущую роль дешёвых морских и воздушных беспилотных и удалённо управляемых средств разведки и поражения. Они меняют войну на земле и на море, вполне возможно скоро изменят характер ведения войны и в воздухе, как минимум — в части улучшения наведения средств

поражения авиации. БПЛА сумели в значительной степени заменить собой артиллерию и стали грозой бронетехники. Они усилили качество разведки таким образом, что организовать какое-то внезапное действие, особенно наступательное, стало практически невозможным делом. Все порядки, противостоящие друг другу вдоль линии соприкосновения войск, в современной войне видны штабам примерно так же, как пиктограммы боевых юнитов на экранах мониторов в компьютерной игре, в режиме реального времени. Это в определённой степени обесценивает фактор человеческого тактического таланта на местах, превращая войну в чисто индустриальное противостояние логистики и систем управления. И это же парадоксальным образом делает современную общевойсковую войну похожей на окопную войну времён Первой мировой. В которой благодаря колючей проволоке и пулемёту хорошо работал принцип «кто наступает, тот проигрывает». Во всяком случае, до изобретения танка. Танк стал «королём» Второй мировой войны, но БПЛА сильно уменьшили роль танка в современной войне, и пока что не видно нового средства противодействия, которое могло бы сделать наступательные операции эффективными.

В китайских СМИ уже обсуждается, какими должны быть танки будущего. В числе прочего они не будут оснащены крупнокалиберным вооружением, будут служить центрами управления беспилотными системами, их вооружение будет сосредоточено на поддержке пехоты, а не на войне танк против танка. Танк будущего должен быть оснащён системой активной защиты от БПЛА и иметь возможность запуска и посадки БПЛА, а также обладать меньшим боевым отделением в сочетании с необитаемой башней. Насколько быстро может быть разработана и внедрена новая техника и как она себя покажет в войнах будущего, мы, вероятно, узнаем лет через десять. А пока что сухопутная общевойсковая наступательная война



стала чрезвычайно затратным мероприятием, что, в свою очередь, резко увеличивает значимость диверсионно-террористической и когнитивной составляющих. Также резко растёт роль кибернетической войны.

Военная победа в традиционном понимании в такой ситуации возможна только в случае тотального уничтожения тыловой инфраструктуры противника, чтобы разрушить его логистику и, по возможности, связь. Возможно, на ограниченном украинском театре военных действий России удастся этого достичь при условии сохраняющейся достаточно пассивной позиции союзников Украины, которые не вмешиваются пока что в конфликт собственными войсками, ограничиваясь лишь поставками вооружений и ограниченных контингентов инструкторов и наёмников. Но при столкновении двух более-менее равных по индустриальному и мобилизационному потенциалам противников современная война превращается в войну на истощение, становясь, по сути, медленным взаимным уничтожением прифронтовых территорий на глубину, на которой возможно поражение ПВО противника.

Какая сторона конфликта в описанных выше условиях получает

стратегическое преимущество? Та, у которой больше глубина тыла при богатых логистических возможностях и при условии, что она способна защитить свой тыл от диверсионно-террористической активности. В этой ситуации очевидно выигрывают крупные, хорошо контролируемые изнутри силовыми структурами континентальные государства и союзы таких государств, которые стоят «спина к спине», прикрывая тыл друг друга.

Стоит в этом контексте отметить, что Российская империя имела такое безусловное преимущество в Первой мировой войне, окопный характер которой похож на характер современной войны, и проиграла войну не на фронте, а в тылу, допустив внутривластную дестабилизацию и сначала февральскую революцию, обрушившую монархию, а вместе с ней политическую систему страны, а затем октябрьский переворот.

Из этой исторической параллели следует вторая особенность нынешнего времени: страны, которые имеют развитый полицейский контроль своей территории и населения, имеют преимущество. Такое, в свою очередь, могут позволить себе лишь те государства, которые имеют сильный собственный ИТ-сектор, а лучше —

полный цикл пятого технологического уклада, включающий производство всей необходимой для систем наблюдения и связи техники. Совсем идеальная ситуация, когда государство имеет полный стек системных ИТ-технологий, обеспечивающих безопасные коммуникации и функционирование высоконагруженных систем: собственное серверное программное обеспечение, собственную массовую операционную систему, транзакционные системы для финансового сектора, поисковые системы, мессенджеры и социальные сети, цифровые платформы для электронной коммерции.

На сегодняшний день в мире достаточно много стран, которые могут реализовать собственные прикладные решения для эффективного полицейского контроля. Но есть лишь две страны, которые могут претендовать на то, чтобы считаться обладателями полного цикла пятого технологического уклада и всеми соответствующими технологиями. Это — Китай и США. И именно этот факт предопределяет неизбежность их противостояния. Пятый технологический уклад способен уже сформировать две суверенных зоны. А реальная политика устроена так, что любой потенциальный суверени-





тет стремится проявиться. Но на сегодняшний день это разделение ещё не окончательно оформлено, потому что по последнему критерию — обладанию полным стеком системных IT-технологий у США всё ещё нет конкурентов. Китай очень многое сделал для достижения цифрового суверенитета, но всё ещё не дошёл до создания собственных системных решений в части операционных систем и серверной IT-архитектуры. Россия отлично импортозаместила множество иностранных IT-решений после того, как в этом возникла необходимость в связи с санкционным давлением, но всё ПО, что создано в России, написано в конечном итоге с использованием открытых системных американских библиотек, где в ста строчках кода талантливый системный программист может оставить «закладку». Мы по-прежнему массово пользуемся продуктами

Microsoft, серверным программным обеспечением на архитектуре IBM и американской доменной системой имён интернета.

Это — критическая зависимость, опасность которой осознаётся лишь узкой группой экспертов. Эта критическая зависимость даёт нашему главному оппоненту по гибридной войне возможность причинить нашей IT-инфраструктуре ущерб, сопоставимый с ограниченным применением ядерного оружия. Возможно, именно обладание такой возможностью приводит к тому, что любые «красные линии», которые чертит Россия в украинском конфликте, всё чаще намекая на возможность применения ядерного оружия, исключительно последовательно и хладнокровно игнорируются американцами. Тот, кто может парализовать телекоммуникации противника, не станет бояться применения оружия массового

поражения, если только оно не будет иметь тотальный характер. По всей видимости, американцы могут. И это ставит перед Россией, как и перед Китаем и, в перспективе, Индией, которая тоже в силу потенциальной ёмкости своего рынка может претендовать на то, чтобы стать цифровой сверхдержавой, задачу овладения в кратчайший срок полным стеком системных IT-решений.

Теперь рассмотрим морскую компоненту. Беспилотные катера, которые могут быть как надводными, так и подводными (или подтопленными с целью снижения возможностей их обнаружения), стали грозой традиционных флотов. Российский Черноморский флот потерял достаточно большое число кораблей, в первую очередь — десантных, из-за атак беспилотных катеров. Это также новое слово в военной науке, которое, вероятно, в перспективе увеличивает



роль подводного флота. Эти катера, которые по сути своей являются умными управляемыми минами, — универсальное оружие, которое может использоваться и для террористических атак на гражданские суда в нейтральных водах. Комбинация беспилотных катеров с воздушными средствами поражения в руках сравнительно слабого противника может быть смертельно опасна даже для очень сильного флота. Можно ли было себе представить пару лет назад, что йеменские хуситы, оснащённые БПЛА и ограниченным запасом крылатых ракет, смогут отогнать американский авианосец «Дуайт Эйзенхауэр» от своих берегов? БПЛА и беспилотные катера перечёркивают, по крайней мере, на текущем этапе развития военной мысли, могущество классического флота, делая практически невозможным ведение «колониальных» войн с хоть сколько-нибудь хорошо вооружённым современными технологиями противником. Ключевыми факторами для успешного ведения колониальной войны вдали от своих берегов является способность проведения десантных операций и обеспечения безопасности морских коммуникаций. Современные военные технологии делают и то и другое чрезвычайно затратными мероприятиями, нивелируя историческое преимущество развитых морских держав над сухопутными.

Впервые, может быть, даже с VI века, когда викинги стали властителями морей раннего Средневековья благодаря своим быстрым «драккарам», сложилась ситуация, когда морские коммуникации могут стать опаснее сухопутных. После того как йеменские хуситы вступили в войну против Израиля и его союзников на стороне ХАМАС, трафик грузов через Красное море сократился вдвое. Возглавляемая США морская коалиция показала полную ничтожность и бессилие в вопросе обеспечения безопасности судоходства в этом районе. И это — новая, формирующаяся на наших глазах геополитическая ре-

альность, вызванная к жизни современными военными технологиями.

Резюмируя часть, посвящённую новым военным технологиям, стоит отметить главное: технологии развиваются в направлениях, которые дают преимущества хорошо организованным сухопутным державам и союзам, и это изменит коренным образом глобальный мир, который был сформирован британской талассократией и торговлей, модели которых с небольшими изменениями унаследовали американцы. Роль безопасных сухопутных логистических коридоров в самом скором будущем вырастет многократно.

Так что же, добро пожаловать в китайский мир «Один пояс — один путь»? Вполне возможно, хотя в Евразии над этим ещё придётся серьёзно поработать. Но открываются возможности и для других континентальных геополитических проектов.

ПОДЪЁМ КИТАЯ

Перейдём от военного и технологического аспектов слома возглавляемого морскими сверхдержавами глобального равновесия к экономическим. Посмотрим на экономические тренды последних десятилетий с момента падения так называемого железного занавеса и ликвидации социалистического лагеря как автономного рынка. С этого момента можно было констатировать формальное завершение процесса экономической глобализации, когда в мире не осталось больше серьёзных

препятствий для торговли и почти не осталось серьёзных препятствий для инвестиций.

Оставалось лишь несколько крупных стран, контролировавших иностранные инвестиции, и среди них два безусловных азиатских лидера: Китай и Индия. Благодаря ограниченно конвертируемым валютам и мерам контроля капитальных потоков финансовые рынки обеих стран росли, опираясь на внутренний инвестиционный спрос, удовлетворявшийся в значительной степени внутренними же ресурсами. Именно благодаря этому экономики этих стран сохранили определённый суверенитет, способный опираться на значительный потенциал внутреннего спроса, обеспечиваемого миллиардами локальных потребителей.

В большей степени успех сопутствовал Китаю, который, как и Индия, воспринял от СССР четвёртый технологический уклад, но затем удачно вписался в рост пятого технологического уклада, грамотно воспользовавшись как своими логистическими возможностями, обеспечивающими ему достаточно лёгкий доступ к рынку США, так и глобальными политическими ветрами. Китай можно признать одним из главных бенефициаров распада социалистического лагеря, к рынку которого получили свободный доступ его дешёвые и тогда ещё низкокачественные товары. Также индустриальному подъёму Китая способствовало десятилетие дешёвых цен на сырьё, последовавшее вслед за сильным промыш-

Новые военные технологии развиваются в направлениях, которые дают преимущества хорошо организованным сухопутным державам и союзам, и это изменит коренным образом глобальный мир, который был сформирован британской талассократией и торговлей, модели которых с небольшими изменениями унаследовали американцы. Роль безопасных сухопутных логистических коридоров в самом скором будущем вырастет многократно.



ленным спадом в странах бывшего социалистического лагеря.

Подъём Китая, а вместе с ним и развивающихся рынков, для которых Китай стал как всё более крупным импортером ресурсов, так и экспортёром своих товаров, а затем и технологий, можно условно разделить на несколько этапов.

I. Период от начала экономических реформ Дэн Сяопина в конце 1970-х до азиатского кризиса 1997–1998 гг.

В этот период времени Китай повторял путь так называемых азиатских тигров (Япония, Южная Корея, Тайвань, Малайзия, Сингапур), играя роль инвестиционного и технологического сателлита США, опиравшегося на экспорт на американский рынок.

Кризис 1997 года показал всему региону реальную силу и экономический вес, которые к тому моменту набрал Китай. Пока на финансовых рынках «азиатских тигров» царила паника, а экономики столкнулись со спадом, Китай лишь притормозил и продолжил развитие, вступив в период зрелости своей экономики.

Именно с этого момента в США постепенно начинает нарастать ощущение китайской угрозы, которая впервые стала всерьёз рассматри-

ваться американскими аналитиками при президенте Джордже Буше — младшем. Есть мнение, что его администрация допускала возможность начала полномасштабной торговой войны с Китаем для решения накопившихся уже к тому моменту проблем в экономике США, на которую давил сильный доллар и растущий долг. США тогда отказались от конфликта с Китаем, предпочтя экономический путь «рефляции». Поводом для начала соответствующего экономического манёвра послужила провокация 9/11, затем началась так называемая война с терроризмом, которая позволила экономике США перейти к военно-кейнсианским методам стимулирования роста.

Вторжение США на Ближний Восток резко подняло цены на нефть, а вместе с ними и на все сырьевые товары, нагнав инфляционную волну. С начала 2000-х инфляционная статистика США всё больше стала отрываться от реальности и искажаться разного рода манипуляциями. С какого-то момента в первой половине 2000-х рост широкой денежной массы М3 стал настолько впечатляющим, что ФРС США прекратила официальную публикацию этого показателя, оставив лишь официальные данные по М2. Так США

«списывали» инфляцией свой долг, поддерживая экономический рост, драйвером которого стали расходы на «войну с терроризмом».

II. Период с начала 2000-х и до экономического кризиса 2008–2009 годов. Это — период формирования китайского экономического полюса глобальной экономики.

Американский бюджет во время «войны с терроризмом» финансировал не только американский ВПК, бюджетные расходы шли и Силиконовой долине, создавая новый цифровой технологический уклад в рамках пятого технологического уклада. Базовые технологии для высоконагруженных информационных систем, которые станут в будущем фундаментом цифровой экономики и постепенно проникающего в общественную жизнь цифрового контроля и искусственного интеллекта, создавались именно тогда, в первой половине 2000-х. К слову, тогда же были разработаны — и положены до поры до времени в стол — технологии, которые десятилетие спустя дали старт развитию блокчейнов, нового поколения децентрализованного интернета Web 3.0 и платёжных систем, которые становятся сегодня фундаментом для CBDC — цифровых валют центральных банков. В числе прочего — это технологии, на основе которых возможно создание алгоритмических удостоверяющих систем, которые способны устранить третью сторону из любой транзакции, перейдя от привычной пирамидально-сетевой к плоской сетевой организации информационного взаимодействия. Даже в 2024 году можно констатировать, что очень многое в развитии цифрового технологического уклада ещё впереди и американцы пока что сохраняют безусловное лидерство.

Пока американцы закладывали по ходу «войны с терроризмом» технологической фундамент будущей цифровой экономики, Китай, как и другие развивающиеся страны, стал бенефициаром оттока инвестиционного капитала из США. Относи-

С приходом в Россию финансовой стабильности с лёгкой руки главного экономиста банка Goldman Sachs Джима О'Нила Россию включили в список приоритетов инвестиционных банков на развивающихся рынках. Так появился BRIC, и эта аббревиатура, которая звучала как английское «кирпич» (brick), быстро стала финансовым мемом, из которого, усилиями уже России, вырос мем политический. Группа сильнейших развивающихся экономик стала обретать субъектность и институционализироваться. После присоединения к ней ЮАР появился BRICS — «кирпичи». Сейчас это становится аллегорией строительного материала для новой мировой архитектуры.



тельно низкая доходность на фоне заметной инфляции и стагнирующего фондового рынка заставляла американский капитал искать инвестиционные возможности в крупных растущих развивающихся экономиках: Китае, Индии, Бразилии.

Забавно то, что автором идеи альтернативного американскому финансовому рынку полюса мировой экономики стали американские инвестбанкиры, внедрившие в маркетинговых целях в финансовый лексикон аббревиатуру ВИС (от первых латинских букв названий стран Бразилия, Индия, Китай). Эта аббревиатура использовалась в контексте создания продуктов коллективных инвестиций, дающих розничным американским инвесторам доступ к рынкам упомянутых стран. С начала 2000-х, с приходом в Россию финансовой стабильности как следствие эффективных налоговых и регуляторных реформ первого срока Путина с лёгкой руки главного экономиста банка Goldman Sachs Джима О'Нила Россию включили в этот список приоритетов инвестиционных банков на развивающихся рынках. Так появился BRIC, и эта аббревиатура, которая звучала как английское «кирпич» (brick), быстро стала финансовым мемом, из которого, усилиями уже России, вырос мем политический.

Группа сильнейших развивающихся экономик стала обретать субъектность и институционализироваться. После присоединения к ней ЮАР появился BRICS — «кирпичи». Сейчас это становится аллегорией строительного материала для новой мировой архитектуры.

III. Период G20 — от окончания кризиса 2008–2009 гг. до торговой войны США с Китаем, которую инициировал президент Трамп в начале 2018-го.

Финансовый кризис 2008–2009 гг. подорвал доверие к финансовой системе США. Хотя после него она сумела восстановить видимую стабильность, доверие к ней так никогда и не восстанавливалось до прежних уровней. Весь мир мог наблюдать,



как коррумпированные рейтинговые агентства, действуя в сговоре с крупнейшими инвестиционными банками, систематически манипулировали рынками и обманывали ФРС и другие регуляторные инстанции, что привело к астрономическим по масштабу убыткам инвесторов. И всё это случилось во многом потому, что ещё в самом конце президентства Клинтона, как раз перед пиком «пузыря доткомов» начала 2000-х, в США были отменены ограничения на совмещение банковской и инвестбанковской деятельности, известные как «закон Гласса–Стигола», принятый ещё во времена Рузвельта по итогам анализа событий, приведших к Великой депрессии. Именно это дало карт-бланш колоссальным злоупотреблениям в финансовом секторе США, которые уже через несколько лет привели к ипотечному пузырю и новому финансовому кризису.

Перед США встало два вопроса. Первый — о необходимости реформировать финансовый сектор,

чтобы восстановить к нему доверие. Второй — о необходимости реформировать глобальные институты, чтобы сохранить основу своего мирового лидерства и доверия к нему. И то и другое должна была сделать команда демократической партии во главе с президентом Обамой, взявшая власть в Вашингтоне на фоне кризиса. И с тем и с другим она не справилась.

Реформы финансового сектора, призванные усилить надзор над американскими банками и финансовыми организациями, оказались очень ограниченными. Введённые меры надзора легко обходились через офшорные подразделения, ограничения на операции с деривативами — через иностранные филиалы, не подпадающие под американское регулирование.

Попытки реформировать глобальные институты свелись, по сути дела, к трём мерам:

- 1) Была создана группа G20 как площадка для обсуждения глобальных проблем. Её слепили из стран



G7, к которым добавили наиболее крупные развивающиеся экономики во главе с Китаем.

- 2) Китаю дали чуть большую роль в МВФ, признав юань резервной валютой.
- 3) Была анонсирована система торговых соглашений для Азиатско-Тихоокеанского региона, в которой попытались сбалансировать интересы США и Китая.

Всё это, естественно, никоим образом не вело к урегулированию реальных глобальных экономических и политических противоречий между Западом и его кредиторами среди наиболее крупных и богатых развивающихся экономик. Проблема фактического банкротства США и американской банковской системы в 2008–2009 гг. была решена просто огромным объёмом денежной эмиссии. На жаргоне финансистов это называется «вежливый дефолт», когда вместо простого и честного отказа от обязательств вам оплачивают их денежной эмиссией, размывая стоимость всех сделанных в соответствующей валюте сбережений. Следствием такого подхода к решению глобальных финансовых проблем стала волна глобальной инфляции 2011–2012 гг., от которой больше всего пострадали бедные страны. Именно она стала экономической причиной роста социальной напряжённости на Ближнем Востоке в эти годы, которая вылилась в цепочку революций в арабских странах, известную как «арабская весна». В то же время в ЕС случился долговой кризис. Пользуясь статусом доллара как мировой резервной валюты, США выдавили экономические проблемы из долларовой ядра глобальной экономики на периферию. Богатые, как обычно, разбогатели ещё больше, бедные по всему миру ещё больше обеднели. И всем думающим людям стало понятно, что до бесконечности это продолжаться не может.

Иллюзия глобального роста, когда США, накачивая дешёвым кредитом свой рынок, тянули за собой все рынки, обернулась осознанием реальности: США просто росли за счёт



всех остальных, которые работали на них за эмитируемые ими деньги. И когда пришёл кризис, заставили заплатить за него самых слабых. Слабые, естественно, начали искать таких сильных, которые могли бы учесть их интересы, и их взоры всё больше обращались к Китаю и России. К Китаю — как к глобальной экономической силе, к России — как к глобальной политической силе.

В этот период Китай перешёл к политике интернационализации юаня и усилил глобальную торговую экспансию. Итогом стал выход Китая на первое место как экспортёра и по уровню ВВП по покупательной способности. США пытались заигрывать с ним, предлагая ему концепцию G2, сформулированную покойным

Збигневом Бжезинским, который впервые публично озвучил реальное состояние дел: США «перенапряглись» в своих попытках сохранить глобальный контроль под видом продолжающейся «войны с терроризмом» и постоянного вмешательства в дела зависимых государств. В то же время США выступили с инициативой «перезагрузки» отношений с Россией, геополитическая суть которой сводилась к тому, чтобы удержать Россию от установления более тесных отношений с Китаем и другими ведущими развивающимися странами, а также со странами Ближнего Востока. И та и другая американская инициатива провалилась. С приходом к власти в Вашингтоне республиканцев США окончательно определились со своим



отношением к Китаю: он де-факто, а затем и в руководящих документах был признан главным врагом американской гегемонии в мире.

IV. Период кризиса американского лидерства и окончательного формирования глобальной альтернативы — с начала торговой войны США и Китая и по настоящее время.

Китай во времена Трампа выиграл торговую войну с США, которая включала в себя рост таможенных тарифов и ограничения на технологический американский экспорт. Все введённые торговые ограничения не смогли исправить отрицательный торговый баланс США, влияние Китая в мире постоянно усиливалось. Технологические санкции только ускорили локализацию в Китае импортированных ранее из США технологий. Китай обошёл США по количеству патентов в год и, по признанию экспертного сообщества в самих США, захватил лидерство в ключевых отраслях пятого технологического уклада.

Имперская модель мышления и поведения привела американцев к закономерному для любой империи, делающей ставку на финансы как на основы лидерства, финалу. Финансовая отрасль вытеснила из американской экономики производительные отрасли до такой степени, что, когда при Трампе вновь встал вопрос о репатриации отданной ранее на аутсорсинг в Юго-Восточную Азию промышленности, выяснилось, что в США проблематично даже наладить «отвёрточную» сборку смартфонов Apple. В США остались R&D (НИОКР), дизайн и авторское право. Реальное производство ушло, похоже, безвозвратно. Ранее такая же, по сути, участь постигла Британскую империю и привела к её распаду. До Британской империи на те же грабли наступила голландская колониальная империя. История, похоже, ничему не учит...

Остаётся надеяться на то, что Китай извлёк из истории Запада правильные уроки и не повторит сейчас путь лидеров западного мира, купившись на возможность обретения

глобальной власти, которое всегда в конечном итоге разрушает нации изнутри, лишая их созидательного потенциала.

А пока что по миру идёт «китайский геополитический марш»:

- Китай вернул под свой контроль Гонконг.
- Проамериканские политические элиты в последние годы теряют власть в странах Индокитая, даже в исторически враждебном Китаю Вьетнаме. Камбоджа — уже полностью в кармане китайской офшорной элиты.
- Китай проецирует своё влияние в Мьянме, Афганистане, Средней Азии, Иране, Пакистане, Шри-Ланке, Турции.
- Лидеры арабского мира склоняются к сотрудничеству с Китаем, Саудовская Аравия перешла на торговлю своей нефтью за юани с Китаем и, возможно, с некоторыми другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Симптоматично в этом контексте то, что центр ценообразования на реальную торговлю нефтью (речь не о спекулятивных операциях с производными инструментами) в последние годы мигрировал на Ближний Восток. Если существующие тенденции сохранятся, скоро на смену нефтедоллару придёт нефтеюань. Санкции Запада против России очень способствуют этой тенденции.

- В контексте роста влияния Китая в Азии стоит упомянуть два важных события. Первое — фактический отказ от обязательств США перед Пакистаном на фоне индо-пакистанской войны в 1970-е. Конфликтовать с Индией США тогда не рискнули, и именно это в конечном итоге толкнуло Пакистан в китайскую сферу интересов. Второе — чудовищный по репутационным последствиям вывод американских войск из Афганистана, которым бесславно закончилась американская «война с терроризмом». Фактически получилось, что после 20 лет войны с «Талибаном» США вопреки своему тотальному экономическому и военному превосходству над ним проиграли ему. К слову, проамериканское афганское правительство, бежавшее под натиском талибов из Кабула с золотым запасом страны и бесследно исчезнувшее с тех пор, имело статус союзника США вне НАТО. Это — к вопросу о том, чего реально стоят американские гарантии безопасности, которых, например, так упорно добивается нынешняя киевская власть.
- Африка уже давно в сфере китайской модели экспансии («Человечество общей судьбы»), китайское влияние охватило Зимбабве, Эфиопию, Нигерию. Сейчас, по мере того как под давлением россий-

Иллюзия глобального роста, когда США, накачивая дешёвым кредитом свой рынок, тянули за собой все рынки, обернулась осознанием реальности: США просто росли за счёт всех остальных, которые работали на них за эмитируемые ими деньги. И когда пришёл кризис, заставили заплатить за него самых слабых. Слабые, естественно, начали искать таких сильных, которые могли бы учесть их интересы, и их взоры всё больше обращались к Китаю и России. К Китаю — как к глобальной экономической силе, к России — как к глобальной политической силе.



Китайская «мягкая сила» действует гораздо мудрее американской. Китай никому не несёт никаких ценностей, не навязывает модель государственного, политического и социального устройства, не стремится уподобить кого-то самому себе, как-то унифицировать своих сателлитов. Так Китай становится вторым центром гравитации в глобальной экономической системе. Если, учтя опыт империй Запада, все ключевые развивающиеся страны, отбросив противоречия, объединятся с целью дедолларизации глобальной торговли, человечество получит шанс на создание гармоничной глобальной экономики, и Китай может возглавить этот процесс в качестве локомотива.

ского присутствия в Центральной Африке резко снижается влияние Франции, Китай приходит и туда. — Мексика по итогам провальной для США торговой войны с Китаем формально стала основным торговым партнёром США. На самом деле она стала просто хабом для реэкспорта в США китайских товаров и зависимой от Китая страной. Еще ранее Китай установил тесные отношения с Кубой и другими странами Латинской Америки. Пока что из сферы китайского влияния удалось выскользнуть Аргентине, где к власти пришёл чудаковатый президент-либертарианец. Стоит предположить, что это — ненадолго и что его экономические эксперименты в конечном итоге доведут страну до ещё худшего экономического положения, в котором она будет вынуждена обратиться к Китаю за экономической помощью.

Китайская «мягкая сила» действует гораздо мудрее американской. Китай никому не несёт никаких ценностей, не навязывает модель государственного, политического и социального устройства, не стремится уподобить кого-то самому себе, как-то унифицировать своих сателлитов. Делайте

что хотите, живите как хотите: с демократией, автократией, теократией, феодализмом, какой угодно коррупцией, внутренней политикой, правовой системой. Просто продайте нам свои ресурсы и купите наши товары — и делайте это за наши деньги.

Так Китай становится вторым центром гравитации в глобальной экономической системе, которая раньше вся вращалась вокруг США, и делает её менее предсказуемой для американцев. И если раньше в США могли говорить «доллар — наша валюта и ваша проблема», то теперь этот циничный тезис становится всё менее актуальным. Ещё несколько лет назад экономическая гравитация Китая была скрытой, влияя, главным образом, на мировые сырьевые рынки. В последние годы Китай перешёл к активному формированию спроса на свои высокотехнологичные товары и технологии, чтобы продвинуть юань как валюту международной торговли.

В рамках этой стратегии Китай даёт свои технологии, инвестиции и открывает в Африке и Латинской Америке свои производства. В 2023 году Китай ввёл режим нулевых тарифов для импорта из шести стран Африки: Анголы, Гамбии, Демократической Республики Конго, Мадагаскара, Мали и Мавритании.

98% их товаров освобождены Китаем от пошлин и прочих сборов при импорте в Поднебесную. Китай не просто торгует, Китай переходит к более равновесной модели: он начинает использовать трудовой ресурс за пределами своей экономики, финансируя развитие производительных сил. Ключевым партнёром Китая в Африке становится Эфиопия. Китай инвестировал там в десяток индустриальных парков, железные дороги, морской порт Джибути, логистические центры. Он также участвовал в урегулировании старого конфликта Эфиопии с Эритреей, отделившейся от Эфиопии в 1993 году. Эфиопия наряду с Нигерией — одна из самых густонаселённых стран мира, есть прогнозы, что по численности населения к концу этого века она может догнать все страны — члены еврозоны, вместе взятые.

Учитывая демографические тенденции, в долгосрочной перспективе Африка и Латинская Америка, профинансированные китайскими юанями, выведут китайскую валюту на роль основной резервной валюты мира даже без того, чтобы как-то реформировать глобальную финансово-валютную систему. Правда, если её не реформировать, может оказаться так, что Китай наступит в конечном итоге на те же грабли, что все империи Запада до него, и в долгосрочной перспективе станет государством-рантье, передав эстафету производства своим сателлитам. Учитывая сложную этническую структуру китайского общества и региональную неравномерность его развития, это может привести его не просто к упадку, но даже к дезинтеграции в будущем. И это — дополнительный аргумент в пользу того, чтобы склонить Китай к созданию более равновесной глобальной финансовой архитектуры, в которой сам Китай занимал бы важную, но не монопольную роль. Если, учтя опыт империй Запада, все ключевые развивающиеся страны, отбросив противоречия, объединятся с целью дедолларизации глобальной торговли, человечество получит шанс



на создание гармоничной глобальной экономики, и Китай может возглавить этот процесс в качестве локомотива. В этой точке принятия ключевых глобальных экономических решений развивающийся мир находится в настоящий момент времени.

ВЫБОР МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЙНОЙ И ГЛОБАЛЬНЫМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ

С точки зрения постоянной борьбы за глобальное доминирование, в которую играют различные элиты стран и народов Запада со времён как минимум «Войны за испанское наследство», текущий исторический момент представляет собой типичную ситуацию, когда некоторая держава «догоняющего развития» обгоняет в развитии прошлого гегемона. Так Франция в своё время обогнала империю Габсбургов, потом уступила лидерство Голландии, Голландия — Британии, Британия чуть было не уступила лидерство Германии, которая обгоняла Британию перед Первой мировой войной. Тогда Британия смогла всё-таки продлить своё лидерство ещё на 50 лет, отдав его в конечном итоге США.

Каждый раз в такой ситуации возникал более или менее интенсивный вооружённый конфликт, в котором претенденты на глобальное лидерство выясняли отношения. В начале

и в середине прошлого века такими конфликтами были обе разрушительные мировые войны, в результате которых удалось скосырнуть Британию с позиции «царя горы» с последующим демонтажем Британской империи.

По итогам Второй мировой войны победители попытались построить более справедливый мир, но попытку следует признать неудачной. Созданные после Второй мировой войны глобальные институты, регулирующие глобальную политику, экономику и торговлю, такие как ООН, Всемирный банк, МВФ и ВТО, никогда не были эффективными, а после падения СССР вообще оказались так или иначе подчинёнными Вашингтону. Так на руинах социалистического лагеря и наследии общей победы над фашизмом возник глобальный мир в интересах США. Сегодня этот мир не устраивает практически никого, кроме самих США, которые отчаянно борются уже даже не за его сохранение, а за то, чтобы управлять в своих интересах его развалом.

Страны, имеющие потенциал для формирования новой версии глобального мирового порядка, стоят сейчас перед дилеммой: повторить ли снова очередной цикл, пройдя через разрушительную глобальную войну, в результате которой победители в очередной раз напишут новые правила в своих интере-

сах? Этого хотят США. Точнее, США не видят никакого иного варианта развития событий. С другой стороны, их противник — Китай — имеет возможность сделать выбор: либо формировать антиамериканский геополитический блок под своим лидерством, либо выступить лидером строительства новой гармоничной глобальной финансово-экономической архитектуры.

Впервые в новейшей истории сложилась ситуация, в которой отношения выясняют не две державы авраамической культуры, для которых победитель может быть только один, а держава авраамической культуры и держава, близкая к дхармической культуре. Гармония для дхармической культуры является отдельной высшей ценностью, и Китай использует отсылку к этой ценности, в том числе, и в выстраивании внешней политики, по крайней мере — формально.

Фактически же Китай стоит сейчас перед выбором: идти на лобовое столкновение с США и их союзниками в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на прокси-войну с США на Ближнем Востоке или выйти из ловушки истории, поднявшись на новую ступень эволюции глобальной системы и проложив путь всем, кто хочет подняться вместе с ним. Проблема Китая, однако, в том, что он сам не может сформулировать миру достойное альтернативное предложение на понятном миру языке. Не предложить сделать выбор между американской и китайской гегемонией, а предложить сделать выбор между старым миром гегемонизма и новым уровнем развития глобальной социально-экономической системы. На котором, конечно, останутся какие-то локальные конфликты, но будет минимизирована возможность глобальной войны. Формулирование такой концепции может стать миссией России.

США больше не глобальный лидер. В реалиях современных способов ведения войны они утратили военное могущество настолько, что йеменские хуситы смогли отогнать от своих





берегов американский авианосец. Они бежали из Афганистана, их военные базы на Ближнем Востоке подвергаются эпизодическим атакам со стороны проиранских сил и, при необходимости, могут быть уничтожены. Масштабная американская военная помощь Украине лишь опустошила склады, продемонстрировала уязвимость их оружия и не помогла Киеву достичь ни одной военной цели. Если США встрянут в военный конфликт с Китаем у китайских берегов, с высокой вероятностью они проиграют. Если КНДР решит атаковать союзную США Южную Корею, они также вряд ли смогут оказать эффективную военную помощь. Пока что США могут лишь опустошать свои военные склады, оказывая помощь Украине и Израилю. И при том уровне интенсивности военных действий, который наблюдается как в российско-украинском, так и в палестинско-израильском конфликтах, скоро возможности США закончатся. И это приведёт к необратимым геополитическим изменениям как в Восточной Европе, так и на Ближнем Востоке.

США также больше не могут опираться и на свою финансовую мощь. Эрозия репутации, начавшаяся ещё в 2008 году, интенсивно продолжается как следствие их авантюрной санкционной политики и весьма сомнительной монетарной политики, следствием которой стала необоримая инфляция. Неспособность вернуться к прошлым показателям инфляции уже официально признана самой ФРС, которая подняла свою оценку нейтральной ставки в долгосрочной перспективе, и это — тренд. Центробанки стран, не являющихся сателлитами США, сокращают долю доллара в резервах, отдавая всё больше предпочтения старому доброму проверенному всей историей человечества золоту, и это — тоже тренд.

США больше не могут опираться на своё технологическое лидерство, потому что они его утратили по большей части ключевых направлений, отдав его по большей части Китаю,

и это — признанный самими американцами факт.

США больше не могут опираться на политическое лидерство. Четыре года они демонстрируют всему миру фактически недееспособного лидера государства и расколотив до состояния холодной гражданской войны политическую элиту. За это время их дипломатия провалилась везде, кроме критически зависимой от американских гарантий безопасности и поставок энергоресурсов Европы. И даже в Европе есть страны, весьма прохладно относящиеся к антироссийской политике демократической администрации Байдена: Австрия, Словакия, Венгрия и даже антисербская Хорватия выступали против эскалации напряжённости с Россией. Италия, формально поддерживая Киев, фактически заняла в последнее время нейтральную позицию. По всей Европе популярность набирают правые партии, ставящие национальные интересы выше амбиций Вашингтона. Становится всё более очевидным, что демонтаж глобализации по-американски для Европы чреват просто превращением в зависимую от США эксплуатируемую террито-

рию, вся ценность которой заключается лишь в оставшемся там капитале и квалифицированной рабочей силе. Природных ресурсов, которые могли бы обеспечить существование полноценной индустриальной экономики, в ЕС нет. Энергоресурсов, достаточных для поддержания существующей сегодня в ЕС плотности населения, — тоже нет. Судьба Европы в рамках сценария нового блокового разделения мира будет очень незавидной, и осознание этого придёт со временем, лишь бы была предложена альтернатива.

Время для альтернативы настало, но окно возможностей не просуществует долго. Инерционный сценарий — это скатывание к глобальному конфликту Запада и Востока, в котором победит Восток, но ценой больших жертв и разрушений.

Задача России, с учётом известного исторического опыта, — выработать и предложить странам, не желающим быть американскими марионетками, но не желающими также быть вовлечёнными в конфликт с США и их союзниками, новую глобальную архитектуру, которая должна включать в себя:





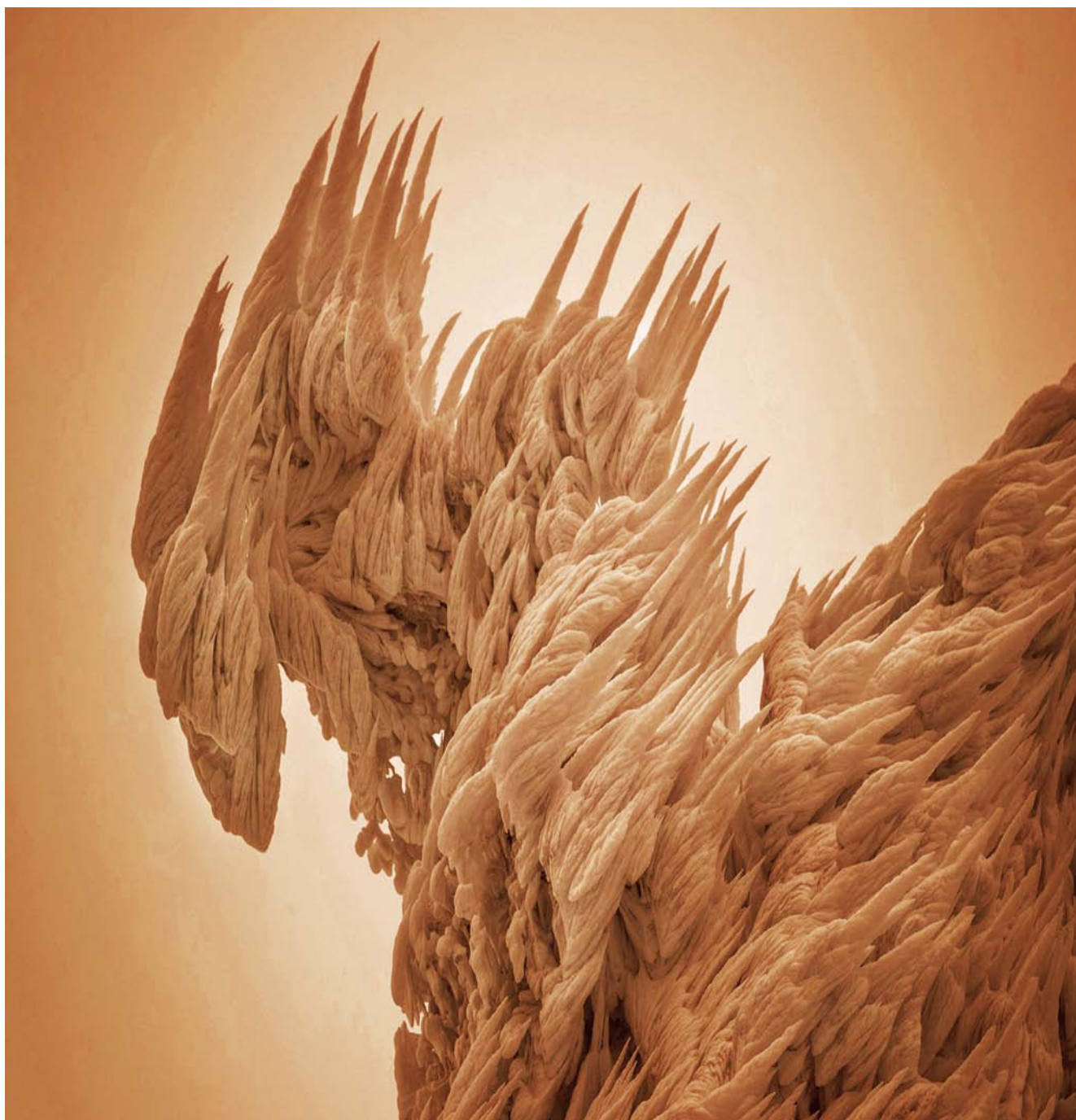
- Военно-политическую компоненту. Если не глобальную альтернативу НАТО, то как минимум взаимные обязательства поддерживать дружеский нейтралитет и оказывать военно-техническое содействие в случае, если какая-то страна новой глобальной архитектуры подвергается агрессии. В обязательном порядке страны, которые входят в новую архитектуру, заключают пакт о ненападении на других участников и обязуются решать все противоречия мирным путём с привлечением арбитража других стран-партнёров. Это в первую очередь касается Китая и Индии, между которыми периодически вспыхивает военная напряжённость.
- Торговую компоненту. Должна быть создана глобальная клиринговая система, которая позволит эффективно осуществлять международную торговлю в национальных валютах. В качестве учётной единицы глобального клиринга можно использовать старое доброе и понятное всем участникам рынка золото. Не стоит городить огород с «корзинами валют» и вести сопутствующие этому конфликтные дебаты о том, кому в этой корзине сколько должно достаться. Для целей клиринга на современном уровне развития цифровых технологий и аппаратного обеспечения высоконагруженных IT-систем будет вполне достаточно небольшого золотого запаса, который все участники системы сформируют в новом аналоге МВФ.
- В рамках новой торговой архитектуры нужно разработать новые правила динамического таможенного и тарифного контроля, которые регулировали бы товарные потоки на основе межстрановых межотраслевых балансов, рассчитываемых в режиме, приближённом к реальному времени. Задача таких правил — предотвратить недобросовестные практики демпинга, завоевания доминирующе-

Вместе со всеми, кто не хочет больше проливать свою кровь в борьбе за глобальное доминирование, мы можем создать новый, более справедливый и гармоничный мир, предложить и помочь присоединиться к нему всем желающим. Это случится, как только принцип «разделяй и властвуй» станет слабее общего стремления к объединению ради лучшего и безопасного будущего. Создать образ такого будущего и предложить инструменты — задача России в текущем историческом моменте. Так Россия закончит свою войну не просто очередной победой над фашизмом, а завершит саму более чем трёхсотлетнюю эпоху империализма.

- го положения отдельных игроков на локальных рынках и т. д.
 - Инвестиционную компоненту. Инвестиционные потоки как отдельный контур денежного обращения должны быть отвязаны от торгового финансирования и осуществляться на основе международных регламентов допуска дружественного иностранного капитала на рынки стран-участниц архитектуры. Должен также быть принят принцип открытости дружественных границ для новых гражданских технологий. Никто не вправе вводить односторонние ограничения на передачу технологических знаний.
 - Гуманитарную компоненту. Должен быть провозглашён принцип абсолютного невмешательства всех участников новой архитектуры во внутреннюю политику друг друга, уважительного отношения к традициям, национальным и религиозным, в том числе на уровне гражданских обществ стран-участниц архитектуры. Не допускается создание общественных организаций, которые ставили бы перед собой цель системной критики или изменения внутренней политики другого государства.
- Полагаю, изложенная выше задача по силам российскому экспертному

сообществу, которое должно решить её для российского правительства. Россия также сильна тем, что имеет достаточно квалифицированных IT-специалистов для создания всех необходимых IT-платформ открытой архитектуры, на базе которых могут быть реализованы изложенные выше принципы межгосударственного взаимодействия.

Так, вместе со всеми, кто не хочет больше проливать свою кровь в борьбе за глобальное доминирование, мы можем создать новый, более справедливый и гармоничный мир, предложить и помочь присоединиться к нему всем желающим. И если мы сделаем это, старый мир очень быстро зачахнет, лишившись ресурсов для поддержания своего существования. Это случится, как только принцип «разделяй и властвуй» станет слабее общего стремления к объединению ради лучшего и безопасного будущего. Создать образ такого будущего и предложить инструменты — задача России в текущем историческом моменте. Так Россия закончит свою войну не просто очередной победой над фашизмом, а завершит саму более чем трёхсотлетнюю эпоху империализма. Это нужно сделать, иначе очередное наступление на старые грабли однажды, и может быть, даже очень скоро, приведёт человечество к гибели.



/ Сергей ПЕРЕСЛЕГИН /

Миражи МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

2024–2032 годы: развитие кризиса



После начала СВО в России много говорят о многополярном мире ближайшего будущего. Иногда такой мир даже полагают одной из первостепенных геополитических целей России. Я не уверен, что такое развитие событий вероятно, и ещё меньше убеждён в том, что оно желательно.

КОЛЕСО МИРОВ

Схем мироустройства не так уж много, они периодически повторяются. Чаще всего — и в жизни, и даже в фэнтезийных романах-реконструкциях — встречается *биполярный мир*¹. Как правило, это диалектическое противоречие двух примерно равных по силе держав. Эти державы являются военными противниками и торговыми конкурентами, как правило, у них содержательно различаются онтологии, не совпадают трансценденции (хотя в языческие времена пантеоны богов могли пересекаться). Египет и Хеттское царство. Греческий и Персидский миры. Римская и пунийская (карфагенская) цивилизация. Рим и Парфия. Византия и Иран.

Биполярный мир вариативен (*рис. 1*). Например, две сверхдержавы и какое-то количество нейтральных стран, которые «ни за белых и ни за красных». Или две сверхдержавы возглавляют примерно равные по своему потенциалу военно-политические блоки (в этой модели возможно «движение неприсоединения», но оно обычно недотягивает до статуса «третьей силы»). Наконец, «Изгой»: сверхдержаве, обычно возглавляемой Тёмным властелином, противостоит союз всех или почти всех остальных стран. Союз не слишком прочный, между любыми его членами найдутся противоречия, но конфликт любого из членов союза с Изгоем носит гораздо более острый характер, чем внутренние разногласия.

Биполярный мир развивается по законам классической диалектики: конфликт разрешается через войну, после чего на руинах предыдущего противоречия возникает новое, структурно эквивалентное. Таковы последние 500 лет европейской истории. Испания и Британия. Франция и Британия. Германия и Британия. Германия и СССР. СССР и США. Разумеется, за эти столетия реализовались все

возможные версии — и борьба сверхдержав, и столкновение блоков, и структура «Изгой».

Широкая представленность биполярного мира в человеческой истории объясняется отчасти его «сюжетностью», отчасти — законами динамики систем с законом «аккреции» многих мелких конфликтов в один крупный, отчасти — наличием «стратегического барьера», когда сверхдержавы разделены пустыней, морем или горами. Барьером также может стать ядерное оружие, делающее открытый военный конфликт слишком рискованным. В результате вместо горячей войны возникает холодная, а противостояние пары сверхдержав растягивается на столетие².

Монополярный («глобальный») мир возникает очень редко, существует недолго — одно-два поколения — и всегда заканчивается катастрофой.

Монополярный мир всегда возникает из биполярного. Как это происходит?

Во-первых, одна из культур может превзойти по военным и экономическим возможностям все остальные, взятые вместе. В чистой форме это Египет Древнего царства, в несколько ослабленной — Римская империя эпохи расцвета.

Во-вторых, одна из сверхдержав в вековом конфликте может банально «слить» свою позицию из-за внутренних причин, культурного

Широкая представленность биполярного мира в человеческой истории объясняется отчасти его «сюжетностью», отчасти — законами динамики систем с законом «аккреции» многих мелких конфликтов в один крупный, отчасти — наличием «стратегического барьера», когда сверхдержавы разделены пустыней, морем или горами. Барьером также может стать ядерное оружие, делающее открытый военный конфликт слишком рискованным. В результате вместо горячей войны возникает холодная, а противостояние пары сверхдержав растягивается на столетие.

¹ Речь, конечно, идёт о связанных землях, о территориях «национального общежития». Если между Римской империей и Поднебесной прямые военные, политические и экономические связи полностью отсутствуют, а косвенные близки к нулю и не рефлексированы ни элитами, ни населением, — это не биполярный мир, а два монополярных.

² «Вековые конфликты». В Ранней древности они могли носить и тысячелетний характер.

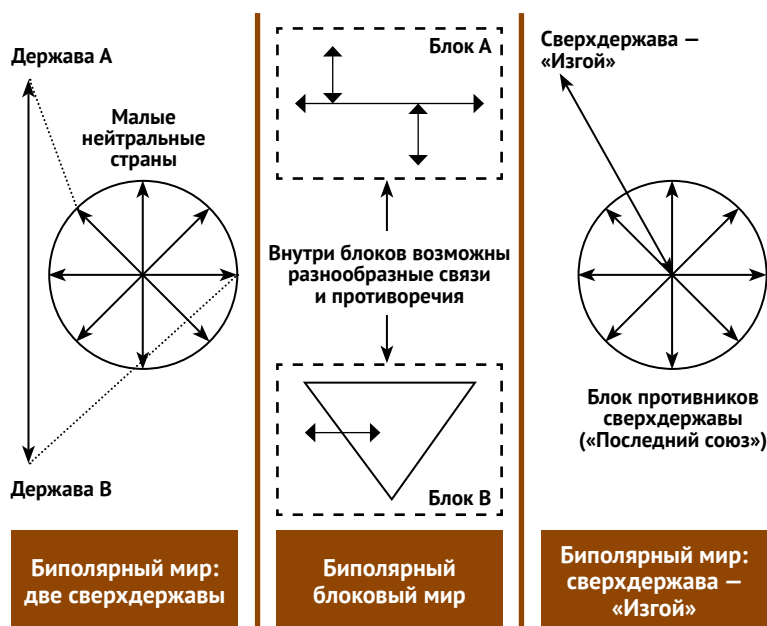


Рисунок 1.

Вариативность биполярного мироустройства.

или экономического кризиса, предательства элит (СССР в 1980-е).

Наконец, сверхдержавы могут договориться между собой («серебряный мир» Египта и Хеттов).

Монополярный мир некоторыми влиятельными социальными группами воспринимается как «золотой век», в качестве такового он и остаётся в истории — на контрасте с последующей катастрофической эпохой. В условиях глобализации мир открыт, международная торговля хорошо развита, военные расходы минимальны. Всё это должно обеспечить высокий уровень жизни, но в действительности лишь приводит к катастрофическому социальному расслоению³.

Здесь нужно учесть, что держава-гегемон получает в условиях глобализации значительную геоэкономическую ренту, поэтому в ней уровень жизни много выше, чем на периферии глобального мира. Кроме того, гегемону нужны квалифицированные кадры для управления миром, поэтому в эпоху глобализации, по крайней мере, на начальном её этапе, благо-

денствует средний класс профессиональных управленцев. Именно эти люди пишут историю, отсюда и представление о «золотом веке» глобализации.

Монополярный мир неустойчив. В нём «заметены под ковёр» десятки жёстких межгосударственных противоречий, которые ждут удобного момента, чтобы неожиданно актуализироваться. На периферии нарастает напряжение между преданными гегемону компрадорскими элитами и массами. В самой метрополии обостряется борьба фракций внутри элиты, и страна оказывается на пороге гражданской войны⁴.

Наиболее существенной причиной является потеря управления. Качество его непрерывно снижается, прежде всего — из-за желания элит контролировать средний слой (в результате управленцами становятся исполнительные посредственности). Кроме того, задача управления миром из одного центра исключительно сложна сама по себе и, по-видимому, превосходит возможности как отдельного человека, так и государственного аппарата одной страны.

Монополярный мир всегда находится в кризисе и неизменно заканчивает своё существование в войне. Гражданской часто, но не всегда соединённой с варварскими вторжениями (Египет, Рим, Поднебесная империя). Или предельной, когда единственным результатом оказывается разрушение всех устоявшихся организованностей с последующими Тёмными веками.

Как выглядит кризис монополярного глобального мира? Хорошей моделью является Россия 1990-х годов: «берите столько суверенитета, сколько сможете...», власть криминалита, распад логистических связей и разрушение промышленности. Но в 1990-е это случилось хотя и на большой, но ограниченной территории, управление не развалилось окончательно, и была продовольственная помощь из-за рубежа. Здесь же никакого зарубежья не будет, кризис коснётся всех одинаково.

Фазовый кризис заканчивается миром, в котором нет ни силы, ни центров силы. В это состояние — Тёмные века — можно упасть сразу,

³ Теорема Сципиона-младшего утверждает, что приток любого значимого ресурса повышает расслоение общества по данному ресурсу. Сам Сципион установил это после того, как в Рим хлынул поток Пергамского золота, что привело к появлению слоя сверхбогачей и массовому разорению римских граждан.

⁴ Нынешние Соединённые Штаты. Республиканцы и демократы опираются на разные социальные и национальные группы, у них различные экономические модели и взаимоисключающие образы будущего. Гражданская война уже началась в юридическом и политическом поле, выборы 2024 года приведут к острому внутривнутриполитическому кризису и, скорее всего, к сецессии и гражданской войне по традиционному сценарию «Север против Юга».



а можно — через мир макрорегионов. Сейчас как будто реализуется этот вариант.

Все пытаются построить макрорегионы. Очевидные региональные лидеры — США, Китай и Индия. Бывшие империи — Россия, Великобритания, Турция. Европа, всё ещё полагающая себя Игроком. Укажем для полноты возможность, скорее теоретическую, создания макрорегионов на географически изолированных территориях Южной Америки или Южной Африки.

Проблема в том, что ни один из проектируемых макрорегионов не является замкнутым. Кому-то не хватает технологий, кому-то промышленных предприятий, у кого-то недостаточно высок военный потенциал или отсутствует самообеспечение по воде и продовольствию. Поэтому ядра макрорегионов принуждены к войне за периферию. И эта война уже идёт на территории Украины. Не представляет большого труда перечислить другие земли, на которых сталкиваются интересы нарождающихся макрорегионов: Средняя и Центральная Азия, Бангладеш — Мьянма, Корейский полуостров, Тайвань, Индонезия...

В принципе, мир макрорегионов может рассматриваться как одна из версий политической многополярности. Такая многополярность всегда является промежуточной ступенью — или при распаде глобализации и переходе к Тёмным векам (рис. 2), или при выходе из Тёмных веков. Если Тёмные века короткие (это возможно и на практике реализовалось, например, в XIV столетии), эти версии накладываются друг на друга. При длинных Тёмных веках между многополярными мирами находится политическая пустыня, где центров силы вообще нет или же, если хотите, их неопределённо много.

В политической пустыне ничего не происходит. В этом сама сущность Тёмных веков, времени без истории.

«Осенью 1953-го Величайшая война близилась к концу. Не было армий. Оккупационные войска, чаще всего отрезанные от тыла, редили и исчезали куда-то, словно вода в песке. Генералы-самозванцы брели от города к городу, вернее, от одних руин к другим, во главе горстки солдат, среди которых был один барабанищик, один мародёр, один гимназист, один запевала и ещё один непонятный человек, которого никто и не старался узнать поближе. Они брали выкуп за то, что не устраивали поджогов, или давали благотворительные концерты «в пользу инвалидов, их вдов и сирот».

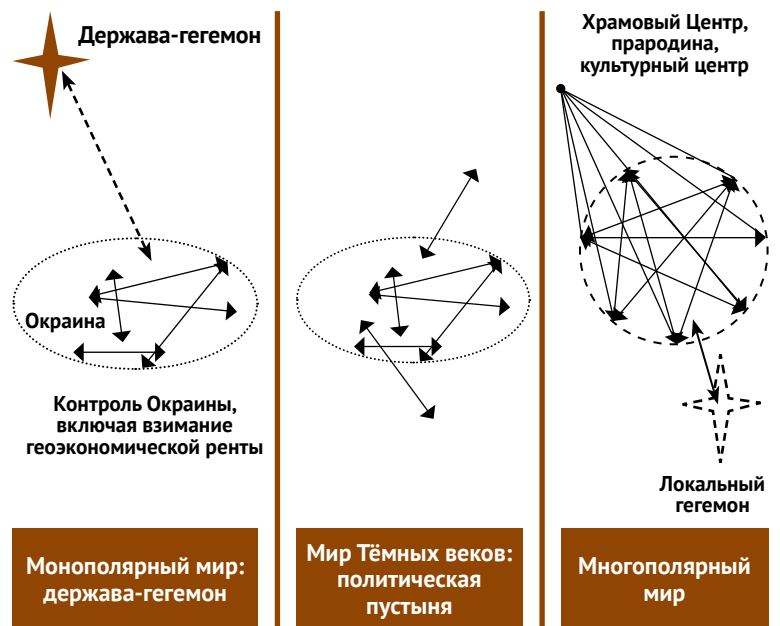


Рисунок 2.

Многополярность как переходное состояние.

Сколько стран участвует в войне, теперь никто точно не знал.

<...> Историки ведут нескончаемые споры о том, какая из битв знаменовала собой разрешение и окончание мирового конфликта. Кое-кто (Дюрих, Асбридж и особенно Морони) склоняются к выводу, что такой битвой явилась битва под Линцем. В этой довольно крупной операции участвовали шестьдесят солдат, представлявших различные враждующие страны». (К. Чапек «Фабрика Абсолюта».)

Ни один из проектируемых макрорегионов не является замкнутым. Кому-то не хватает технологий, кому-то промышленных предприятий, у кого-то недостаточно высок военный потенциал или отсутствует самообеспечение по воде и продовольствию. Поэтому ядра макрорегионов принуждены к войне за периферию. И эта война уже идёт на территории Украины. Не представляет большого труда перечислить другие земли, на которых сталкиваются интересы нарождающихся макрорегионов: Средняя и Центральная Азия, Бангладеш — Мьянма, Корейский полуостров, Тайвань, Индонезия...

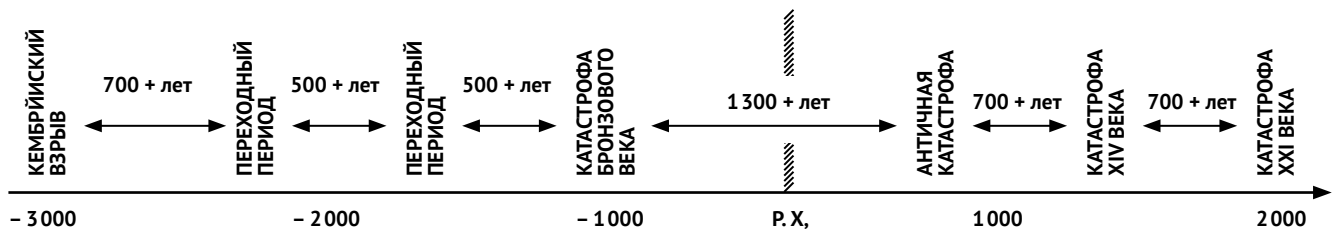


Рисунок 3.

Семисотлетняя периодичность «цивилизационной усталости».

Что же касается собственно эпохи многополярности, то в ней уже есть центры силы, они стратифицированы тем или иным способом на первый, второй и третий мир, причём игроков в «высшей лиге» достаточно много. Хорошим примером служит Двуречье Ранней древности или Китай эпохи Сражающихся царств.

Вся суть многополярности заключается в непрекращающейся игре в «царя горы»: каждый из центров силы стремится стать главным, а ещё лучше — единственным. В результате многополярный мир достаточно быстро эволюционирует в биполярный.

Теоретически возможна ещё одна — и очень интересная — конфигурация: «триумвират», баланс трёх примерно равных по своим возможностям сверхдержав. Такая социальная пиктограмма регулярно встречается на внутривосточном уровне или в масштабе военно-политического блока, но мне не удалось найти её проявления на уровне рассмотрения «мир». Сугубо формально такая картина могла возникнуть во время возвышения Рима (Римский мир, Пунийский мир, Азиатский мир), но, во-первых, были и другие центры силы, а во-вторых, Карфаген практически не взаимодействовал с Востоком и, во всяком случае, не имел с ним непреодолимых противоречий.

Это, конечно, не означает, что в современном мире глобальный «триумвират» невозможен. Он может возникнуть, если прогнозируемый конфликт США — Китай будет управляться третьей силой, в качестве которой может, при некоторых обстоятельствах, выступить Россия.

В любом случае «триумвират» можно рассматривать как редко встречающуюся (просто из-за заведомо большей сложности) замену биполярного мира.

Получаем вполне понятный цикл, коррелирующий и с семисотлетней периодичностью «цивилизационной усталости»⁵ (рис. 3), и с «Европейским колесом»⁶: политическая пустыня — полицентрический мир — биполярный мир (или — теоретически — мир-«триумвират») — глобализация — катастрофа — пустыня... (рис. 4).

СТАНОВЛЕНИЕ И КРИЗИС ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ФАЗЫ: ТАЙМЛАЙН

Конечно, такие рассуждения носят слишком общий характер, чтобы их можно было принять без возражений. В конце концов, человечество развивается, и современный мир лишь в отдельных аспектах похож на Римскую империю, поскольку относится к другой фазе развития. Европа давно овладела понятием линейного времени. Это означает, что все её циклы квазизамкнуты: что-то, конечно, повторяется, но многое ощутимо меняется. Кроме того, любая цикличность в линейном времени имеет свойство заканчиваться.

Посмотрим более пристально.

Начало индустриальной фазы развития связывается с кризисом феодализма в XIV столетии. Из этого кризиса Европа вышла очень быстро, чему способствовало завершение Столетней войны с созданием новой формы организованности — национального го-

⁵ Приблизительно раз в 700 лет поступательное развитие любой культуры сменяется тем, что в истории Египта названо «переходным периодом». Цивилизация устаёт от себя, от лицемерия и несправедливости, от накопления и окостенения обязательных для всех культурных норм, от необходимости противостоять окружающему хаосу, от предопределённости жизни в условиях предельной социальной стратификации и остановки социальных лифтов.

⁶ В сущности, та же самая схема, применённая к развитию европейской культуры: Империя — Варваризация (переселение народов, антропогенез) — Катастрофа — Тёмные века — Схоластика — Возрождение — Объединение — Империя. Между 2008 и 2014 годами начался четвёртый цикл. Можно довольно точно отследить последний (третий) цикл: VI–XX века (Средневековье, Новое время). Начало второго цикла (Классическая Древность) лежит между VIII и X веками до н. э. Первый цикл (Ранняя Древность) связан с Критом и Микенской Грецией. Он почти полностью легендарен.



сударства, сборка схоластического Знания в «Сумме теологии» и эпоха географических открытий. Три человека — Жанна Д'Арк, Фома Аквинский и Энрике Мореплаватель — сократили эпоху Тёмных веков до минимума, хотя начиналось она, «как все». Голодом, чумой и колоссальной войной.

Географические открытия расширили мир и обеспечили Европу пространством экспансии и колониальными товарами. Начинается быстрый экономический рост, возникает промышленность (пока в форме мануфактур). Происходят буржуазные революции в Нидерландах, Англии, на американском континенте, во Франции. Критическое изобретение — паровая машина Уатта. Далее — мануфактуры паровых машин, создание фабрик и рождение мира-технологии «стимпанк».

Это — уже индустриальная фаза развития в её полноте. В индустриально пустом мире. Кровью индустрии являются энергоносители, их очень много, они доступны и дешёвы. Создаётся сеть железных дорог, пароходы связывают между собой континенты. Столетие устойчивого развития, которое переходит в столетие мировых войн и заканчивается фазовым кризисом.

Таймлайн выглядит следующим образом:

- XIII век. Высокое Средневековье. Схоластика. Вершина традиционной фазы.
- XIV век. Кризис Традиционной фазы развития. Климатическая катастрофа. Чума. Столетняя война.
- XV век. Географические открытия.
- XVI век. Кругосветное путешествие. Начало колониальной эпохи. Реформация и войны Реформации. Буржуазная революция в Голландии.
- XVII век. Экспансия и колониальная борьба. Мануфактурное производство. Буржуазная революция в Англии. Тридцатилетняя война и формирование Вестфальского миропорядка. Создание эмпирической когнитивной парадигмы (научного метода познания).
- XVIII век. Век философии, развития научного познания. Буржуазные революции во Франции и в Северной Америке (Война за независимость США). Изобретение паровой машины. Мануфактура Уатта по производству паровых машин. Начало массового строительства каналов в Европе. Формирование колониальных империй.
- XIX век. Мир-технология «паровая машина». Мир-технология «электричество». Индустриальный мир. Фабрики. «Нулевая» мировая война, Крымская. Ранняя глобализация

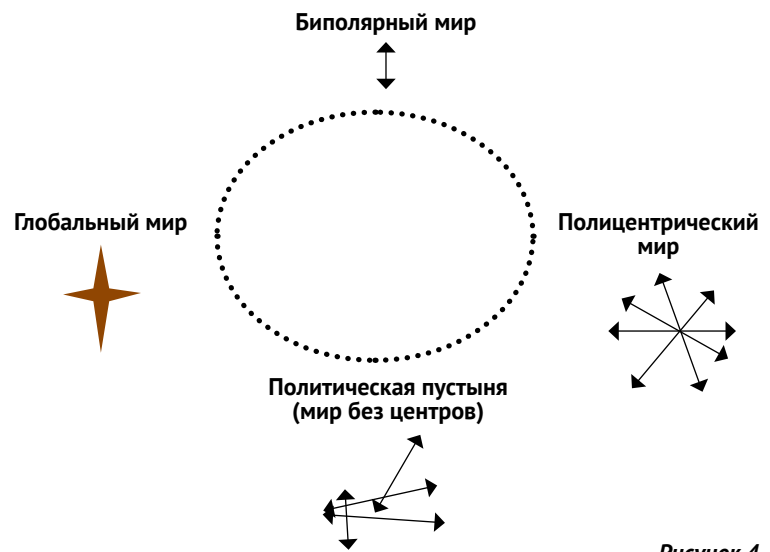


Рисунок 4.

Такты политической истории мира.

в формате «блестящей изоляции» Великобритании.

- XX век. Первая, Вторая, Третья (холодная) мировые войны. Крах кайзеровской Германии. Крах гитлеровской Германии. Крах Японии. Крах Британской империи. Крах Советского Союза. Разрушение биполярного мира и создание американского глобального государства.
- XXI век. Кризис индустриальной фазы развития. Разрушение глобального мира. Предельная война и переход к миру-саванне, политической пустыне. Или?..

Теоретически возможна ещё одна конфигурация: «триумвират», баланс трёх примерно равных по своим возможностям сверхдержав. Такая социальная пиктограмма регулярно встречается на внутривнутриполитическом уровне или в масштабе военно-политического блока, но мне не удалось найти её проявления на уровне рассмотрения «мир». Это, конечно, не означает, что в современном мире глобальный «триумвират» невозможен. Он может возникнуть, если прогнозируемый конфликт США — Китай будет управляться третьей силой, в качестве которой может, при некоторых обстоятельствах, выступить Россия.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Здесь обращают на себя внимание два момента.

Сама логика индустриальной фазы с её машинным производством и механическими двигателями приводит к очень быстрому фазовому развитию. Практически за девятнадцатое столетие индустриальные технологии охватывают весь мир. Это и приводит к первой глобализации, к викторианскому «золотому веку». Происходит очень быстрый рост численности людей на Земле — с 1775 по 1914 год (длинный XIX век) население растёт приблизительно втрое. Уровень жизни впервые «зашкаливает» по сравнению с «золотым веком» Рима.

Двадцатый век выглядит загадкой. Вместо фазового кризиса и быстрого краха глобализации с переходом к политической пустыне возникает и почти столетие существует биполярный мир. Многолетнее существование на грани ядерной войны, при этом уровень и качество жизни продолжают расти, как и население Земли. Атомно-космический мир-технология, который все ожидали в 1960-е годы, не случился, зато к концу века формируется ИКТ-мир⁷, никак не менее фантастический.

Собственно, информационная революция, создание персонального компьютера и сети Интернет — несомненная «дикая карта», маловероятное, но значимое событие. Но, вероятно, была реализована ещё одна значимая «дикая карта».

Анализируя XX век, трудно не заметить выдающейся роли России в странной истории этого столетия. Участник и едва ли не структурообразующий фактор Первой мировой войны, несомненный и неоспоримый победитель Второй мировой, сторона Третьей, космическая сверхдержава... В конце концов, и глобальный миропорядок возник вследствие перестройки в СССР и «слива» советской верхушкой мирового конфликта в начале 1990-х.

Вероятно, «дикой картой» стала Октябрьская революция.

Эта революция решила несколько групп задач. Выход России из Первой мировой войны (которую страна проиграла ещё в 1915 году), проведение догоняющей индустриализации, завершение «застрявших» реформ 1860-х годов. Всё это — обычные задачи буржуазной революции, и любая партия, пришедшая к власти в 1917 году, попыталась бы их решить — другой вопрос, насколько успешно. Но у революции



⁷ ИКТ — информационно-коммуникативные технологии. (Прим. редакции.)



было ещё одно измерение — коммунистическое. Да, попытка создать общество с убывающей социальной энтропией⁸ на технологической базе 1920-х годов напоминала эксперименты Дедала с восковыми крыльями, но очень похоже, что это — необходимое условие фазового перехода. Не случайно постиндустриальный мир мы называем К-фазой, имея в виду не то «космическое», не то «когнитивное», не то «коммунистическое» общество.

Когда модель фаз развития и фазовых кризисов только создавалась, считалось, что кризис или приводит к созданию новой фазы, или же провоцирует откат на несколько десятилетий или столетий с восстановлением предыдущей фазы и новой попыткой развития. При этом для того, чтобы преодолеть фазовый барьер, нужно просто накопить достаточный потенциал развития в формате критических технологий и ресурсов, необходимых для инсталляции этих технологий.

Всё оказалось сложнее.

Прежде всего, воссоздать после отката фазу развития в её исходной версии не удаётся из-за банальной исчерпанности критического ресурса. Земля устала или засолена. Или её просто не хватает на всех. Кончились дешёвые энергоносители (для того чтобы добыть и доставить на предприятие 1000 баррелей топлива, нужно потратить 800 и более баррелей). Нет людей с необходимой квалификацией, и их не откуда взять.

Поэтому в случае отката, более или менее глубокого, возникает не фазовый переход, а фазовая пересборка. Создаётся другая версия предыдущей фазы, более «продвинутая». Ранняя древность — это технологии письменности, государства, армии — и очень много дешёвой плодородной земли. Классическая древность — севооборот, высокоинтенсивное сельское хозяйство, развитая торговля. Потому что земли мало, приходится использовать не слишком плодородные пустоши, а для выращивания урожая на таких землях нужны совсем другие умения. И железо вместо меди и бронзы. При феодализме интенсивность сельского хозяйства быстро доходит до предела, используются любые доступные земли, вырубается европейский лес, в феодах

Вполне возможно, что текущий фазовый кризис закончится не фазовым переходом, а созданием «продвинутой» индустриальной фазы с ядерной энергией вместо нефти.

Но это — ненадолго. По тем же причинам, что и в XIX веке. Вновь игра в «царя горы», вновь биполярный мир, вновь война, глобализация и её распад. В условиях, когда «глобализация» и в самом деле подразумевает «глобус», то есть всю Землю целиком, разумной альтернативы фазовому переходу, по-видимому, всё же нет.

с натуральным хозяйством минимизируются расходы на оборону.

Вполне возможно, что текущий фазовый кризис закончится не фазовым переходом, а созданием «продвинутой» индустриальной фазы с ядерной энергией вместо нефти. Но это — ненадолго. По тем же причинам, что и в XIX веке. Вновь игра в «царя горы», вновь биполярный мир, вновь война, глобализация и её распад. В условиях, когда «глобализация» и в самом деле подразумевает «глобус», то есть всю Землю целиком, разумной альтернативы фазовому переходу, по-видимому, всё же нет.

Видимо, критические ускоряющие технологии К-фазы — это ядерная энергетика, космонавтика и искусственный интеллект. Эти технологии в целом созданы, хотя и не на том уровне, как нужно, в особенности это касается космонавтики. Но нужны и управляющие технологии. В конечном счёте, нужен особый антропотип человека фазового перехода. И возникает ощущение, что 1917 год породил такое Революционное поколение. Оно погибло в Отечественную войну, но создало следующее переходное поколение по обычной для России схеме передачи ценностей от дедов к внукам. Космическое поколение родившихся в 1950–1960 годы было истрачено в перестройку, но также сумело передать свои ценности внукам.

Каждое следующее поколение перехода знает и умеет больше, чем предыдущее.

⁸ Понятие «социальная энтропия» введено писателем-фантастом Иваном Ефремовым под названием «инферно»: мера страдания человека в обществе. Индустриальные, да и более ранние общества развиваются за счёт создания социальных машин, работающих по разомкнутому циклу. Эти машины производят большую полезную работу ценой роста инферно. Результатом является снижение пассионарности социума и его замена мигрантами. «Европейское колесо» можно рассматривать как предельный пример социальной машины.



МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И ЗАДАЧИ РОССИИ

Итак, многополярный мир возможен. Есть высокая вероятность его возникновения в ходе распада глобализации на макрорегионы. Но эти макрорегионы не самодостаточны, поэтому обречены на войну, в ходе которой сложится — и очень быстро — привычная всем биполярная структура.

Это может быть структура США против Китая.

В принципе, это может быть и Россия против США/Запада, хотя для этого необходимо, чтобы Китай сам, по своей воле отказался от цивилизационного лидерства, за которое он борется, по крайней мере, с начала 1990-х годов. Да, когда распался СССР, Китай не был конкурентом Запада — ни военным, ни технологическим, ни культурным. И здесь мы касаемся очень тонкой и сложной «материи».

Когда говорят о многополярном мире, обычно имеют в виду политический и военный потенциал. Иногда его дополняют экономическим. Что же — и кайзеровская Германия, и Рейх, и СССР, по крайней мере, не уступали по геопланетарному потенциалу мировым гегемонам.

Сейчас мы понимаем, что Россия — при всех недостатках своего управления и хронической технологической недостаточности — способна противостоять западной коалиции, даже без заметной помощи со стороны Китая. И Россия пытается спроектировать миропорядок, который позволит ей реализовать свой потенциал.

Только вот всё это уже было! Конечно, нынешний Запад не тот, что прежде, но и Россия, которая, напомним, воюет с Украиной, очень далека от возможностей бывшего СССР.

Да, у России есть основания для борьбы. В конечном итоге не столько усилиями российской дипломатии, сколько стараниями противника сложилась ситуация, в которой

Россия защищает традиционные христианские ценности и, между прочим, одновременно ценности европейского модерна от языческого и людоедского «инклюзивного капитализма», готового обречь на смерть от голода пять или шесть миллиардов людей во имя спасения экологии⁹. Но ведь и Советский Союз имел образ будущего, за который было не страшно умереть.

Поэтому целью России в конфликте должен стать именно фазовый переход, создание космической цивилизации, владеющей Солнечной системой, мечтающей о звёздах и способной предложить иные правила игры, нежели те, по которым человечество живёт со времени изобретения письменности.

Это, увы, много сложнее создания своего макрорегиона и многополярного «регионального» мира.

Что для этого нужно?

Да, конечно, сначала победа в войне с Украиной и формирование макрорегиона, приблизительно совпадающего с границами СССР, формирование соответствующего военно-политического блока¹⁰ и экономического пространства. Включение в это пространство Ирана и некоторых других территорий, что особенно важно в условиях прогнозируемого распада ЕС. Оформление собственного образа будущего и своих цивилизационных принципов.

Кроме этого, потребуется интеллектуальный суверенитет.

Интеллектуальный суверенитет предполагает:

1. Безопасность страны — военную, ресурсную, инженерную, технологическую, демографическую, онтологическую...
2. Собственный концепт мира, а именно:
 - 2.1. Собственный формат связи с Небом — трансценденцию;
 - 2.2. Собственную онтологию, хотя бы в формате идеологии;
 - 2.3. Собственный образ будущего.

⁹ Всё очень просто. Ликвидация крупного рогатого скота, что поставлено как основная цель инклюзивного капитализма в горизонте 20 лет, приведёт к отсутствию органических удобрений. Химические же удобрения являются превращенной формой электроэнергии, и их массовое производство в условиях перехода к зеленой энергетике тоже невозможно — в связи с низкой плотностью возобновляемой энергии и, следовательно, с её высокой ценой. В результате происходит резкое падение урожайности зерновых и разрушение мирового рынка продовольствия с неизбежным глобальным голодом, масштабы которого можно оценить по аналогии с голодом в Казахстане в 1930-е годы. Вопрос заключается лишь в том, произойдёт ли падение населения катастрофически быстро, за 20 лет, или сравнительно медленно, за 200 лет. Собственно, вероятно именно голодомор и является подлинной целью инклюзивного капитализма, борьба же с глобальным потеплением служит лишь формальным обоснованием принимаемых решений.

¹⁰ Собственно, причиной конфликта Россия — Запад была попытка России обеспечить свою безопасность через создание блока постсоветских государств в блоковой би- или многополярной логике и отказ Запада признать за Россией такое право в рамках логики глобализации, где право на создание пояса безопасности имеет только лишь держава-гегемон, но никак не окраина.



3. Собственный когнитивный код и основанные на этом коде собственные линии мышления:
 - 3.1. Упоминание науки/познания данной страны в школьных учебниках других стран. Россия уже представлена через спутник, формулу Циолковского, уравнение Мещерского;
 - 3.2. Создание собственной, общеизвестной, неотменяемой когнитивной техники. Для России — техники сборки разнородного в схему (Менделеев, Бутлеров);
 - 3.3. «Чудо света» в познании — общеизвестное, неотменяемое когнитивное достижение. Для России: таблица Менделеева, модель расширяющейся Вселенной А. Фридмана, спутник, полёт Гагарина, первая АЭС (Обнинск), первая промышленная АЭС на быстрых нейтронах (БН-600, Белоярская АЭС);
 - 3.4. Создание собственного, общеизвестного, неотменяемого научного направления. Для России — например, обобщённые функции (шире — почти вся матфизика XX века);
 - 3.5. Создание собственной, общеизвестной, неотменяемой научной дисциплины. Для России, например, тафономия И. Ефремова, геометрия Лобачевского;
 - 3.6. Наличие собственной уникальной научной или научно-образовательной инфраструктуры. Для России — «шарашки», Академгородки, физматшколы;
 - 3.7. Создание/наличие собственной интерпретации квантовой механики. Для России — Блохинцев, Фок;
 - 3.8. Создание/наличие собственной научной фантастики. Российская фантастика 1960-х.
 4. Полноту поля НИРов или же возможность эмулировать такое поле.
 5. Собственный полный технологический пакет «Мышление» (в крайнем случае, «Знания», в самом крайнем случае — «Наука»).
 6. Собственные представления о методологии исследования, включая понимание предмета, метода и инструмента исследования, собственную когнитивную парадигму или, по крайней мере, собственную версию такой парадигмы.
 7. Собственные неотменяемые интеллектуальные результаты.
- То есть России сегодня недостаточно выиграть войну. Она должна создать научную парадигму следующей фазы развития, подобно тому, как Ф. Бэкону, а затем И. Ньютону удалось создать эмпирическую парадигму, которая открыла путь к научному познанию и превратила Англию в «мастерскую мира» и основу индустриальной фазы развития.





/ Гарт Ле Пер¹ /

Меняющаяся геополитика: последствия для глобального порядка²



XV BRICS SUMMIT, JOHANNESBURG, SOUTH AFRICA



Brazil



Russia



India



China



South Africa



ВСТУПЛЕНИЕ

Предстоящий саммит БРИКС, который пройдёт в Казани с 22 по 24 октября 2024 года, предоставляет благоприятный момент для рассмотрения нынешней эры геополитики, которая всё чаще характеризуется многочисленными очагами напряжённости и раскола. Это состояние является симптомом растущего беспокойства и неудовлетворённости международным порядком с главенствующей ролью Соединённых Штатов, установившимся после окончания холодной войны. Падение Берлинской стены в 1989 году вызвало чувство донкихотского оптимизма, даже эйфории, особенно на Западе, в результате чего глобализация и взаимозависимость стали неизменными метафорами более процветающего, интегрированного и справедливого мира. И в самом деле, глобализация и взаимозависимость рассматривались как пресловутые приливы роста и развития, способные поднять все лодки.

Однако — и глобальный финансовый кризис 2007–2008 годов здесь выступил маркером и водоразделом — эти ощущения и взгляд на установившийся миропорядок изменились на фоне таких реалий, как растущая военная напряжённость, разрушение торговых отношений, ширящийся протекционизм с разнообразными формами неомеркантилизма, распространение правого популизма в Европе и Соединённых Штатах, увеличение разрыва между развитыми странами Глобального Севера и развивающимися странами Глобального Юга, постепенная деградация окружающей среды, более высокий уровень бедности и неравенства во всём мире, а также расширение и усиление атактистического фанатизма, мракобесия, нетерпимости и расизма на Западе.

Международная обстановка стала более нестабильной, неопределённой и сложной главным образом из-за вызывающего беспокойство системного дисбаланса сил и влияния, который обнажил слабые основания глобального мира, безопасности и стабильности вслед за финансовым кризисом 2007–2008 годов. Подобные слабости содержат в себе симптомы нарождающейся (пока еще частичной) многополярности и растущего веса развивающихся держав в международных отношениях, особенно группы БРИКС, состоящей из Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки.

Кроме того, растёт двойственное отношение к общеевропейской идее среди различных групп населения в ЕС, особенно в том, что касается потенциала и перспектив интеграционного процесса. Среди наиболее глубоких проявлений кризиса этой идеи — BREXIT, возвращение к формам евронативизма, национальной обособленности и правого популизма, растущий общественный скептицизм по отношению к шатким бюрократическим, идеологическим и институциональным основам ЕС. Особенно это касается продвижения торговой, политической, денежно-кредитной интеграции и интеграции в области безопасности на фоне серьёзного структурного паралича и финансовых ограничений, которые в настоящее время оказывают давление на европейское государство всеобщего благосостояния.

Геополитическая напряжённость ещё больше усилилась из-за расширения НАТО на восток, которое охватило и ряд бывших советских республик, находящихся в непосредственной близости к границам России. Только в 2004 году НАТО пополнилось семью новыми членами, а именно Болгарией, Латвией, Эстонией, Литвой, Румынией, Словакией и Словенией. За этим последовало присоеди-

ние Албании и Хорватии в 2009 году, Черногории в 2017 году и Северной Македонии в 2020 году, в результате чего число нынешних членов НАТО с момента его основания в апреле 1949 года достигло 30.

Это расширение НАТО на восток, которое в настоящий момент осложнилось присоединением Финляндии и Швеции в качестве новых членов, не только означало утрату *raison d'être* (разумного основания) Трансатлантического альянса Европы с Соединёнными Штатами и Канадой, обусловленного реалиями времён холодной войны. Критически важно, что это также придало абсолютно новую логику легитимации альянсу НАТО после распада Организации Варшавского договора, в который входили восемь государств-членов, в июле 1991 года.

Однако на фоне усилий Запада по противодействию Специальной военной операции России на Украине не следует закрывать глаза на интервенции НАТО на всём геополитическом ландшафте и в различных зонах военных действий и конфликтов: в Боснии и Герцеговине в 1992 году, Косово в 1999 году, Афганистане в 2001 году; обеспечение учебной миссии в Ираке в 2004 году; антипиратская деятельность в Аденском заливе в 2009 году; а затем, что самое вопиющее, деструктивная роль НАТО в Ливии в 2011 году.

МЕНЯЮЩИЙСЯ ГЛОБАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ

Принимая во внимание эти вводные соображения, можно сказать, что в настоящее время мир попал в тревожный водоворот геополитических кризисов, когда старый либеральный международный порядок, возглавляемый Соединёнными Штатами и Европой, стремительно приходит в упадок. Однако новый,

¹ Гарт Ле Пер — доктор философии, экстраординарный профессор Университета Претории, ЮАР, специалист в области международных отношений, активный участник многих международных форумов и конференций.

² Перевод с английского Андрея Кобякова.



Растущий вес развивающихся держав, отражающийся в их группировании в рамках БРИКС+, указывает на углубление недовольства глобальной институциональной стагнацией и растущей инерцией либерального международного порядка, который не в состоянии приспособиться к новым реалиям расклада сил, возникающим вследствие многополярности и растущего значения цивилизационных норм, верований, мировоззренческих принципов и традиций в глобальных делах. Поскольку БРИКС+ обеспечивает значительную часть гравитационного притяжения, динамика регионализации, таким образом, представляет собой убедительную нормативную альтернативу идеологии сопернических и конфронтационных международных отношений.

но неопределённый и альтернативный порядок не может возникнуть, и в этот период междуцарствия мировому сообществу приходится сталкиваться с огромным разнообразием болезненных симптомов. Одним из таких критических симптомов является девальвация стабильных и основанных на сотрудничестве международных отношений, которые становятся всё более подверженными кризисам и разнообразной центростремительной динамике. В области изучения международных отношений растёт тревога по поводу системной судьбы современного мирового порядка и его сбоев, а также его тенденции к возникновению «кризисных моментов».

В ходе этого процесса основополагающие и взаимоподдерживающие элементы, а также дух солидарности, лежащие в основе сложного, но взаимозависимого современного мирового порядка, систематически подрываются и ставятся под сомнение западными странами во главе с США.

Положительные черты переходного миропорядка в решающей степени обусловлены многосторонностью и включают, во-первых, обоснования и поведение, построенные на широком нормативном и принципиаль-

ном консенсусе, которые включают уважение к международному праву, осмотрительное применение военной силы и разумное ведение войны. Во-вторых, существует аспект инклюзивности, который требует последовательного поведения, основанного на недискриминации, отказе от злоупотребления властью для продвижения исключительных или узкогрупповых интересов и, таким образом, обеспечения коллективного повышения благосостояния на основе сотрудничества, взаимности, доверия и обоюдной выгоды.

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ

Есть и другие факторы, которые бросают вызов современному мировому порядку и его либеральным лозунгам, сформулированным в принципах многосторонности и Уставе ООН. Сюда мы можем, во-первых, отнести степень, в которой Соединённые Штаты всё больше превращаются в слабеющую или незаинтересованную сверхдержаву, представляющую угрозу многосторонности, глобальному миру и безопасности, а также экономическому сотрудничеству. Эпоха

после Второй мировой войны, начавшаяся после 1945 года, считалась синонимом американской гегемонии, поскольку центральная роль её жёсткой и мягкой силы нашла отклик во всех многосторонних структурах и межправительственных организациях. Действительно, Соединённые Штаты — с Западной Европой в качестве основного поддерживающего звена — широко считались законным хранителем этой многосторонней архитектуры и вытекающих из неё глобальных общественных благ, которые в конце концов представляли их собственный образ и подобие. Это включало американское (совместно с британцами) авторство стратегических принципов, таких как Бреттон-Вудские учреждения, Организация Объединённых Наций и Генеральное соглашение по тарифам и торговле.

Однако статус и величие Америки уже не такие блестящие и гегемонистские, как когда-то, и бывший президент Дональд Трамп обосновал и возглавил этот сдвиг своим заявлением «Америка прежде всего», которое возвело односторонность в ранг ключевого канона внешней политики США, а вместе с этим уменьшило долю американской поддержки многосторонности и международного экономического сотрудничества, а президент Джо Байден ещё больше усугубил наметившиеся разделительные тенденции. Возникли геэкономические линии разлома, отражающие новую логику конфликта и правила торговли. Экономические связи, которые когда-то связывали страны в глобализованном мире, стали объектом манипулирования и применения давления для достижения национальных интересов в сфере сделок, это привело к появлению новых форм протекционизма и неомеркантилизма, что имело серьёзные последствия для устоявшихся схем мировой торговли, от которых особенно зависели развивающиеся страны.

Второй аспект современного мирового порядка связан с тем, способствуют ли развивающиеся державы и растущая «регионализация»



глобальной политики экономической открытости и всеобъемлющей многосторонности, или подрывают их? Существует убедительный тезис о том, что многополярность не только предвещает изменение глобального распределения власти, но и выступает антитезисом либеральной международной политической культуре, в которой реальная политика (*realpolitik*) больших держав сохраняет существенное влияние. Растущие Россия, Индия и Китай, воодушевлённые партнёрством БРИКС+, придают этому тезису содержательность и убедительность как в концептуальном, так и в эмпирическом плане.

Эти страны БРИКС+ часто рассматриваются западными аналитиками через призму деструктивных, конфронтационных и дестабилизирующих факторов, а альтернативные региональные соглашения видятся как проявление растущей самостоятельной автаркии под знаменем новых форм «Южного мультилатерализма», которые также бросают прямой

вызов гегемонии и могуществу США и Запада. Примерами могут служить Азиатский банк инфраструктурных инвестиций Китая, Шанхайская организация сотрудничества, инициатива «Один пояс, один путь», Новый банк развития БРИКС, Евразийский экономический союз под лидерством России и Континентальная зона свободной торговли Африканского союза.

Таким образом, можно утверждать, что растущий вес развивающихся держав, отражающийся в их группировании в рамках БРИКС+, указывает на углубление недовольства глобальной институциональной стагнацией и растущей инерцией либерального международного порядка, который не в состоянии приспособиться к новым реалиям расклада сил, возникающим вследствие многополярности и растущего значения цивилизационных норм, верований, мировоззренческих принципов и традиций в глобальных делах. Поскольку БРИКС+ обеспечивает значительную часть гравитационного притяжения,

динамика регионализации, таким образом, представляет собой убедительную нормативную альтернативу идеологии сопернических и конфронтационных международных отношений.

Третьей характерной чертой современного мирового порядка является эрозия принципа многосторонности и растущая слабость его институционализированных механизмов, которые всё больше подрывают устоявшиеся нормы глобального управления. Вместе взятые, эти факторы породили конфронтационную геополитику двойных стандартов, основанную на собственных интересах и создании силовых альянсов для продвижения таких эгоистических интересов, особенно в западных коридорах власти и влияния. Вот лишь несколько примеров, которые включают в себя: двухдесятилетний тупик Дохийского раунда переговоров по вопросам развития во Всемирной торговой организации, который нанёс смертельный





ущерб перспективам более глубокой интеграции развивающихся стран в глобальную торговую систему; неспособность расширить постоянное представительство в Совете Безопасности ООН, несмотря на разрозненные, но беспорядочные усилия по его реформированию; неспособность укрепить Договор о нераспространении ядерного оружия в условиях, по сути, снисходительного отношения к безудержному распространению оружия массового уничтожения; односторонний выход США из Парижского соглашения об изменении климата при Трампе, который замедлил прогресс в создании глобальных режимов смягчения последствий и адаптации; неэффективный и вялый многосторонний ответ на борьбу с пандемией COVID, когда жители развивающихся стран снова были отнесены к категории второсортных глобальных граждан в плане доступа к вакцинам и их распространения.

КРУПНЫЕ ДЕРЖАВЫ И ГЕОПОЛИТИКА СОПЕРНИЧЕСТВА

Нынешнюю геополитическую напряжённость и соперничество можно рассматривать в апокалиптических терминах как огромную развилку на пути к формированию того или иного мирового порядка. Либеральный интернационализм и центральная роль его идеологического идеала оспариваются на глобальном ландшафте, где когда-то доминировали крупные западные державы. Это особенно очевидно в отношении внешнеполитической ортодоксии Запада, заключающейся в укреплении ценностей демократии, прав человека, свободных рынков и верховенства закона, которые помогли расширить геополитическое влияние Америки после окончания холодной войны и триумфальное господство которых было преждевременно отпраздновано в тезисе Фукуямы о «конце истории». Таким образом, мир государств и обществ вступает в фазу неопределённости и непредсказуемости, кото-



рая может сигнализировать о начале мрачного сползания в тёмную бездну, где многополярное соперничество, торговая конкуренция и протекционизм, территориальные споры, войны и конфликты определяют дух нашего времени.

Этот настрой был недавно подхвачен Робертом Гейтсом, министром обороны США в 2006–2011 годах, в статье The Washington Post, опубликованной в 2022 году. По его словам, впервые со времён Второй мировой войны Соединённые Штаты сталкиваются с агрессивными и боеспособными противниками в лице России и Китая, которые «...стремятся вернуть былую славу вместе с заявленными территориями и сферами влияния ... бросая вызов международному порядку, в значительной степени сформированному Соединёнными Штатами». По словам Гейтса, период, прошедший с окончания холодной войны в 1991 году, стал для США метафорическим эквивалентом 30-летнего «отпуска», отдыха от истории, но Специальная военная операция России на Украине «стала холодным душем, пробудившим демократические правительства к осоз-

нанию реальности нового мира...», где Россия и Китай являются главными угрозами для наших экономических, политических и военных интересов».

Китай, с другой стороны, представляет собой более долгосрочный вызов либеральному порядку, как его видит Гейтс. Председатель КНР Си Цзиньпин в значительной степени следовал стратегии Дэн Сяопина, провозглашённой четыре десятилетия назад: «скрывать» силу Китая и «выжидать» подходящего момента на мировой арене, чтобы не спровоцировать враждебность и сопротивление Америки. Однако по мере того, как Си Цзиньпин укрепил свою власть и влияние Коммунистической партии Китая внутри страны и значительно повысил статус Китая в качестве глобального лидера, по мнению Гейтса, он стал более решительным в проведении агрессивной внешней политики за рубежом.

Таким образом, Россия и Китай представляют собой ось великих держав, которые готовы и способны бросить вызов Pax Americana в глобальной борьбе за власть, авторитетность и влияние, и эта борьба может иметь неопределённую продолжительность.



Координаты этой борьбы находят выражение в негармоничной и неравновесной модели многополярности, сформированной сочетанием великих и развивающихся держав с исключительными зонами влияния, власти и авторитета в поствестфальской межгосударственной системе. Эта высокоэластичная модель глобальной политики имеет значение не только для высокой политики войны и мира, но и для международных режимов энергетики, торговли, производства, снабжения, распределения и финансов. Здесь абсолютизм «демократических» ценностей, возглавляемый США и Европой, будет открыто сталкиваться с «перераспределительными» амбициями, возникающими в семье БРИКС+ в целом и в России и Китае в частности.

США, НАТО И ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС

С помощью НАТО Европа, по сути, передала свою национальную безопасность и оборону на аутсорсинг, чрезмерно полагаясь на ядерный зонтик, предоставляемый США. ЕС и его нынешний состав из 27 членов, безусловно, занимают видное место в качестве нормативной и экономической силы в мировых делах. Например, в 2021 году ЕС запустил свой «Глобальный шлюз» (Global Gateway) в качестве бренда для всех своих новых инвестиционных проектов в области мягкой и жесткой инфраструктуры на общую сумму 300 миллиардов евро в период с 2021 по 2027 год. Эта стратегия направлена на усиление влияния ЕС во всём мире, предлагая странам более устойчивую альтернативу Евразийскому экономическому союзу России и китайской инициативе «Один пояс, один путь».

Однако ЕС не обладает независимой способностью защищать свою собственную территорию и межгосударственную систему, сформированную странами-членами, и, следовательно, находится в центре геополитического водоворота со-

перничества между Соединёнными Штатами и Россией. Более того, ЕС оказался в стратегических тисках, пытаясь уменьшить свою зависимость от поставок энергоносителей из России, но в процессе этого изо всех сил пытается найти альтернативные источники энергетической безопасности и самообеспечения, несмотря на то, что переход к зелёной энергетике является ключевым приоритетом ЕС.

В этой связи следует иметь в виду и обратный эффект, связанный с мерами экономического давления Запада на Россию. К ним относятся последствия финансовых санкций, конфискация её денежных активов, нанесение серьёзных, но корыстных последствий для её экономики, снижение её способности торговать своими энергетическими ресурсами и попытки подорвать стабильные институциональные и организационные основы правительства президента Путина.

Когда президент Байден вступил в должность, его внешняя политика была сосредоточена не столько на Европе и Ближнем Востоке, сколько на внутренних приоритетах и «повороте» в сторону Азии. Намерение его администрации состояло в том, чтобы

передать управление безопасностью в Европе на аутсорсинг Брюсселю, Берлину и Парижу, но при условии, что США продолжают оказывать поддержку НАТО, давая понять, что США предпочитают стабильные отношения с Россией в качестве меры укрепления доверия. Таким образом, США были более склонны использовать свой военный и политический вес для укрепления НАТО после неудачного заявления президента Франции Макрона о том, что НАТО «безмозглая организация».

Конечно, эта позиция коренным образом изменилась после начала Специальной военной операции России, когда Байден увидел в Трансатлантическом альянсе и НАТО квинт-эссенцию и краеугольный камень не только противостояния России на Украине, но и обеспечения стратегической, дипломатической и политической сплочённости Западного блока против России и её главного союзника, Китая. Это включало в себя совместные действия по поставкам вооружений, финансовой помощи и гуманитарных пакетов — с двухпартийного одобрения Конгресса США — для поддержки Украины; принимая во внимание увеличение расходов на оборону, особенно среди

Россия и Китай представляют собой ось великих держав, которые готовы и способны бросить вызов Pax Americana в глобальной борьбе за власть, авторитетность и влияние, и эта борьба может иметь неопределённую продолжительность. Координаты этой борьбы находят выражение в негармоничной и неравновесной модели многополярности, сформированной сочетанием великих и развивающихся держав с исключительными зонами влияния, власти и авторитета. Здесь абсолютизм «демократических» ценностей, возглавляемый США и Европой, будет открыто сталкиваться с «перераспределительными» амбициями, возникающими в семье БРИКС+ в целом и в России и Китае в частности.



Геополитические проблемы придали дополнительный импульс процессу деглобализации — государства и общества бегут из убежищ взаимозависимого и основанного на правилах порядка, который успел стать неотъемлемым элементом в современной глобальной политической экономике. Речь идёт о смене парадигмы: наблюдается заметный переход от модели эффективности («точно в срок») к модели большей устойчивости («на всякий случай»), причём последнее всё больше определяется геополитическими мотивами, которые разъединяют цепочки поставок, а также разделяют и изолируют рынки.

колеблющихся членов НАТО, таких как Германия; и, что очень важно, учитывая усиление передового присутствия США в Европе для обеспечения гарантий безопасности двум новым членам НАТО — Финляндии и Швеции.

ОЦЕНИВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

Приведённые выше контекстуальные соображения указывают на усиление негативных геополитических последствий из-за высокомерия Запада в его конфронтации с Россией и Китаем. Это, безусловно, составляющие «новой холодной войны», а также неоспоримая возможность ядерной эскалации, и всё это отразилось на мировой экономике и на развивающихся странах по трём направлениям: финансовые санкции, цены на сырьевые товары и сбои в цепочках поставок.

Всё это напрямую затрагивает африканские и развивающиеся страны, но также имеет тревожные и каскадные последствия для мировой экономики вскоре после вирусной бури, вызванной пандемией COVID. Следует отметить, например, что из-за роста цен с 2019 года число людей, испытывающих ту или иную форму отсутствия продовольственной безопасности и голода, увеличилось

на 46 миллионов в Африке, на 57 миллионов в Азии, на 14 миллионов в Латинской Америке и Карибском бассейне, в то время как к числу тех, кто живёт в крайней нищете, добавилось еще 77 миллионов человек.

Кроме того, по данным Целевой группы ООН по реагированию на глобальные кризисные ситуации, в результате резкого воздействия геополитической напряжённости на мировые сырьевые и финансовые рынки 1,7 миллиарда человек в 107 странах, 41 из которых находится в Африке, непосредственно пострадали по меньшей мере от одного из трёх негативных эффектов, а именно роста цен на продовольствие, растущих цен на энергоносители и усиливающихся финансовых ограничений. Действительно, вскоре после окончания пандемии COVID страны по всему миру столкнулись с резким ростом цен на пшеницу, растительное масло, удобрения и энергоносители, что имело серьёзные и прямые последствия для глобального экономического роста.

Серьёзность этой ситуации имела далеко идущие последствия, поскольку стоит напомнить, что в совокупности на Россию и Украину приходится почти 30% мировых поставок пшеницы. Кроме того, Украина также является крупным производителем и экспортёром кукурузы, ячменя, подсолнечного и рапсового масел;

в то время как на Россию и Беларусь вместе приходится 40% мирового экспорта калийных удобрений, которые используются для устойчивого растениеводства во всем мире. Как прямое следствие, инфляционное давление привело к широкому и беспрецедентному росту цен.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

28 февраля 2022 года США обнародовали пакет карательных санкций, которые лишили Центральный банк России (ЦБ РФ) доступа примерно к 50 процентам из 643 миллиардов долларов, хранящихся в его валютных резервах. Эта мера была предпринята путём ограничения возможности ЦБ РФ конвертировать активы, хранящиеся в долларах США и евро, в рубли. Эта мера также лишила Россию доступа к своему чрезвычайному суверенному фонду благосостояния. Кроме того, США и ЕС включили в пакет мер российские банки, которые будут исключены из Сообщества всемирных межбанковских финансовых коммуникаций, также известного как SWIFT — глобальной платёжной системы для денежных переводов.

Краткий аудит показывает, что глобальное экономическое воздействие выходит за рамки санкций и включает в себя опасения по поводу нарушения цепочек поставок, роста цен на сырьевые товары и общего инфляционного давления. Санкции действительно оказали серьёзное влияние на цепочки поставок и торговлю, и компании сталкиваются со сложностями в попытках найти подходящие финансовые каналы для продолжения торговли с Россией, особенно в отношении нефти и природного газа.

Кроме того, это оказывает влияние на глобальную инфляцию, которая в 2022 году превысила 6% главным образом в результате повышения цен на сырьевые товары. Резкий рост мировой инфляции, безусловно, нейтрализовал любое положительное



воздействие, которое повышение цен на сырьевые товары могло бы оказать на производителей. В дополнение к этим мрачным глобальным перспективам Всемирный банк снизил свой прогноз глобального роста, поскольку геополитическая напряжённость усугубила экономический ущерб, причинённый пандемией COVID, и, как следствие, всё больше стран в настоящее время сталкиваются с угрозой рецессии.

В своём предисловии к отчёту «Глобальные экономические перспективы» бывший президент Банка Дэвид Малпасс отметил, что глобальный экономический рост пострадал из-за геополитических разногласий между Россией, Китаем и Западом, которые усугубляются перебоями в цепочках поставок, карантинном из-за COVID в Китае и риском стагнации — периода слабого экономического роста и высокой инфляции, которых не было с 1970-х годов.

Эти факторы демонстрируют, в какой степени геополитические проблемы придали дополнительный импульс процессу деглобализации — государства и общества бегут из убежищ взаимозависимого и основанного на правилах порядка,

который успел стать неотъемлемым элементом в современной глобальной политической экономике. Таким образом, речь идёт о смене парадигмы: наблюдается заметный переход от модели эффективности («точно в срок») к модели большей устойчивости («на всякий случай»), причём последнее всё больше определяется геополитическими мотивами, которые разъединяют цепочки поставок, а также разделяют и изолируют рынки. Попытка США замедлить рост России и Китая является важным проявлением этого развития. Это породило соперничающие блоки, в которых быстро меняется линия фронта, например, из-за споров о газопроводах, производстве чипов и инфраструктуре связи 5G.

Как следствие, распределительные конфликты внутри стран и обществ и между ними неизбежно будут усиливаться, и тогда поле деятельности будет широко открыто для популистских и протекционистских агитаторов в Европе и США, которые будут определять предварительные условия для предпочитаемой ими модели торговли и экспорта, особенно в отношении того, как потоки товаров, капитала,

людей и идей будут пересекать линии геополитического разлома.

В этих обстоятельствах центральные банки оказались в затруднительном положении. Хотя они и приступили к реализации стратегии ужесточения денежно-кредитной политики для сдерживания инфляционного давления, существуют также серьёзные опасения по поводу побочных эффектов, которые геополитическое соперничество окажет на перспективы восстановления мировой экономики после COVID. Уже намечившееся изменение в отношении Федеральной резервной системы США и Европейского центрального банка к мерам по ужесточению денежно-кредитной политики оказало давление на центральные банки по всему миру, заставив готовиться к решительным действиям. Это делается на тот случай, если повышение процентных ставок приведёт к откату позитивного эффекта мер денежно-кредитного стимулирования, применявшихся в качестве ключевых компонентов восстановления после COVID. Существует опасение, что такой откат может привести к крайне опасным ограничительным глобальным денежно-кредитным условиям.





ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Африка и развивающиеся страны в целом испытали повышенный уровень социально-экономического стресса после пандемии COVID, который усугубился из-за продолжающихся последствий изменения климата, которые усилили их уязвимость. Увеличение цен на продовольствие, энергоносители и ужесточение финансовых условий привело к тому, что африканские и развивающиеся страны оказались в более напряжённом положении из-за роста геополитической напряжённости.

Существует группа стран «идеального шторма», где сходятся все три канала, и это составляет 69 стран с общим населением 1,2 миллиарда человек. Из 69 стран 25 находятся в Африке, 25 — в Азиатско-Тихоокеанском регионе и 19 — в Латинской Америке и Карибском бассейне; многие из них классифицируются ООН как группа «наименее развитых стран».

Эти цифры свидетельствуют как о глубине, так и о разветвлённых последствиях геополитиче-

ской напряжённости в отношениях между Россией, Китаем и Западом для обществ и стран Глобального Юга, которые подвержены угрожающему влиянию пересекающихся факторов незащищённости и уязвимости. Что касается продовольствия, то существуют проблемы с производством и экспортом, связанные с сокращением его доступности и повышением цен. Импорт продовольствия и энергоносителей уже приводит к рекордному сокращению бюджетных поступлений и располагаемых доходов, что имеет серьёзные последствия для бедных и уязвимых сообществ, особенно в странах, которые напрямую зависят от поставок пшеницы из России и Украины.

Энергетические рынки, в основном представленные нефтью и природным газом, характеризуются нестабильной динамикой торговли, что привело к значительному росту цен и имеет противоречивые последствия. С одной стороны, произошёл обратный сдвиг инвестиций в сторону добывающих отраслей и производства энергии на ископаемом топливе, что подорвало успехи в области декарбонизации, достиг-

нутые за последнее десятилетие. С другой стороны, ускорился переход к альтернативным источникам энергии, особенно в африканских и развивающихся странах, которые способны повысить свою энергетическую устойчивость за счёт местных источников.

Что касается финансов, то африканские и развивающиеся страны в совокупности тратят 16% своих экспортных поступлений на обслуживание долга. Более того, доходность облигаций развивающихся стран выросла с сентября 2021 года на фоне ожиданий ужесточения денежно-кредитной политики в США и ЕС. Повышение процентных ставок, усугублённое финансовыми неурядицами, оказало большее давление на африканские и развивающиеся страны, особенно в связи с повышенной волатильностью на рынках товарных фьючерсов и облигаций, что неизбежно привело к увеличению премий за риск в дополнение к необходимости решать проблемы, связанные с обменными курсами и их нестабильностью.

Таким образом, в будущем для решения двойной задачи — восстано-



ления экономики и общества, пострадавших от пандемии, и преодоления опасного дефицита продовольствия, энергии и финансовых средств, вызванного геополитической напряжённостью, — потребуются тщательно выверенная матрица разумных решений со стороны государств, правительств и частного сектора.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Учитывая стратегическую важность предстоящего саммита БРИКС в Казани, перед нами встаёт вопрос о том, как партнёрство может ответить на текущие вызовы роста и развития в условиях крайне фрагментированного и напряжённого глобального порядка. Почти три столетия назад Иммануил Кант ломал голову над загадкой, почему нации так разделены идеологией, политикой и географией, и задался вопросом, не делают ли огромные океаны, разделяющие страны и регионы, невозможным сообщество наций? Загадка Канта всё ещё актуальна сегодня, если не больше.

Однако в наш глобализирующийся и взаимозависимый век в мире, разделённом огромными метафорическими пространствами, существует и обнадёживающее представление о том, что люди, страны и регионы связаны друг с другом как никогда ранее и переплетены воедино как пересекающиеся сообщества судьбы. Это понятие приобретает всё большую актуальность в свете серьёзных экзистенциальных проблем, стоящих перед всеми народами мира в условиях международных отношений, которые становятся всё более неравноправными, жестокими, вызывающими разногласия и разочарование. Оптимизм эпохи глобализации сменился мрачным и зловещим духом времени (*zeitgeist*), характеризующимся расту-

щей стратегической конкуренцией и усиливающимся геополитическим антагонизмом, которые определяют нынешний международный ландшафт.

Это ландшафт, где диктат стонников реальной политики по-прежнему имеет огромное влияние и где мы видим, как лучшие и худшие человеческие инстинкты проявляются на мировой арене, если судить по антиномиям между Россией, Китаем и Западом. Это состояние отсылает нас к «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, в которой он наполняет свой эпос о войне между Афинами и Спартой рассказами о героизме и жестокости, победах и поражениях, блеске и глупости, чести и коварстве. Во многих отношениях и формах эти бинарные свойства продолжают определять текущую глобальную геополитику.

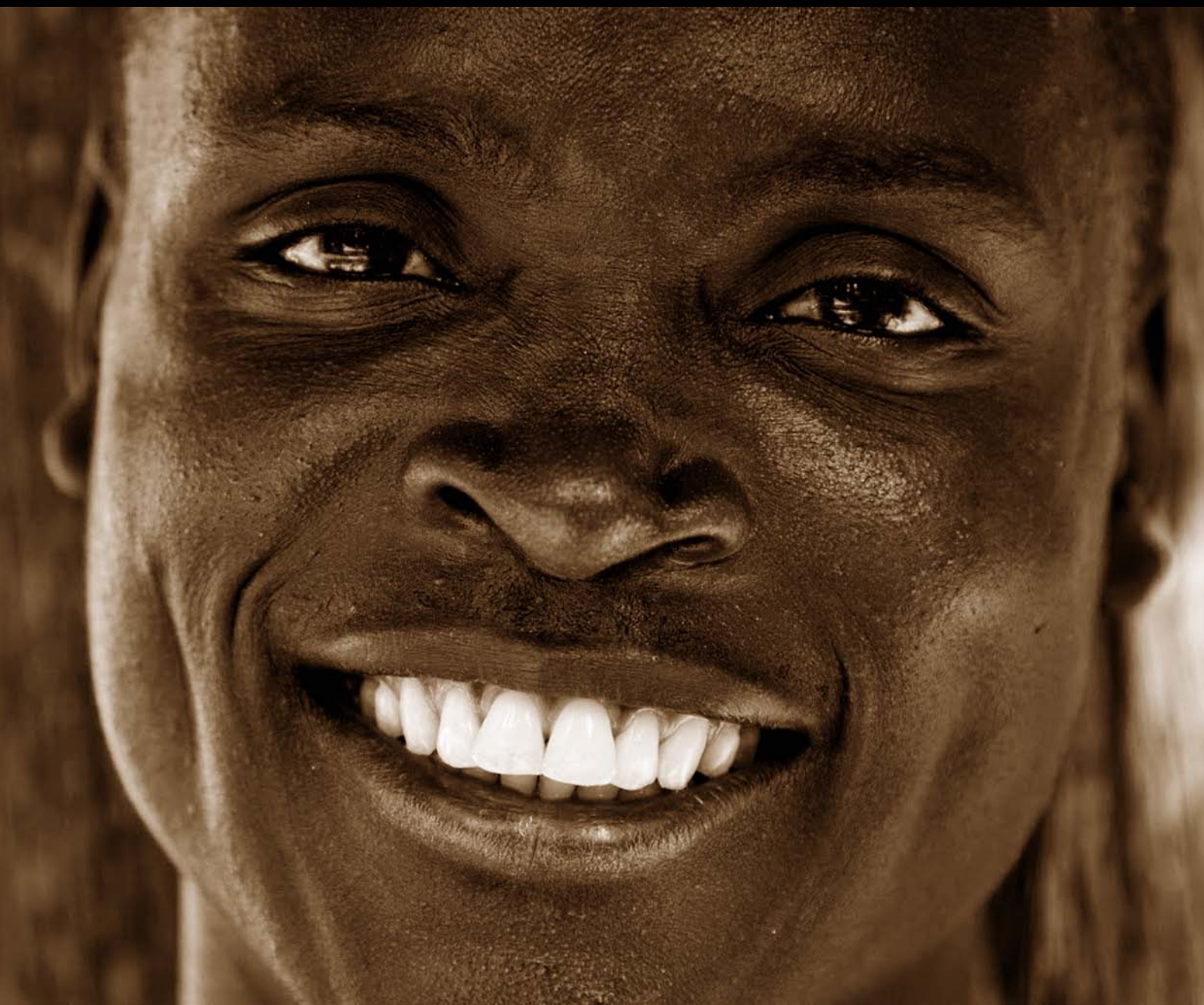
Однако эти бинарные схемы также представляют собой скрытый цинизм, который отражает воспроизводящуюся и доминирующую логику реалистического мышления, согласно которой сильные мира сего получают то, что хотят, а слабые страдают от того,

от чего должны страдать. На этих консеквенциалистских крайностях человеческого поведения нам необходимо сосредоточить нашу деонтологическую критику природы морального долга и социальной справедливости³.

Поэтому критика должна выходить за рамки социальных и политических отношений, основанных на пагубных различиях между своими и чужими, которые всё больше основываются на меняющейся пространственной и территориальной релевантности, апофеозом чего является разделение на Север — Юг и Восток — Запад. Главным критерием моральной озабоченности должно быть бедственное положение людей и способность человека к состраданию в качестве ключа к глобальной солидарности. Таким образом, путь к общему миру, безопасности и процветанию для всех народов мира лежит через выявление всех форм плохой жизни, противодействие им и борьбу с ними с упором на устранение человеческой незащищённости и уязвимости.

Перед нами встаёт вопрос о том, как партнёрство БРИКС может ответить на текущие вызовы роста и развития в условиях крайне фрагментированного и напряжённого глобального порядка. Оптимизм эпохи глобализации сменился мрачным и зловещим духом времени (zeitgeist), характеризующимся растущей стратегической конкуренцией и усиливающимся геополитическим антагонизмом, которые определяют нынешний международный ландшафт. Путь к общему миру, безопасности и процветанию для всех народов мира лежит через выявление всех форм плохой жизни, противодействие им и борьбу с ними с упором на устранение человеческой незащищённости и уязвимости.

³ Консеквенциализм — группа моральных теорий, где критерием нравственной оценки является результат (консеквент) поведения. С точки зрения консеквенциалистов, морально правым является такое действие или бездействие, которое даёт хорошие результаты или последствия. Деонтологический подход к моральному выбору постулирует недопустимость нарушения моральных норм как главное правило, не зависящее от обстоятельств. — Прим. переводчика.



/ Владимир ТИМАКОВ /



Планета **МЕНЯЕТ ЦВЕТ**

*Демографический взрыв в Африке
и его глобальные последствия*



ПРОЛОГ. ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ?

Пятьдесят тысяч лет назад на Земле существовало несколько видов людей. В Европе и Передней Азии обитали коренастые, низколобые, с широким теменем неандертальцы. Восточную Азию и Сибирь населяли носатые, точно птицы, с выступающей верхней челюстью и скошенным подбородком денисовцы.

Правда, палеоантропологи ещё не пришли к единому мнению: можно ли называть их разными видами, тем более — разными видами людей? Ведь слово «человек», строго говоря, относится только к нам, представителям *Homo Sapiens*, и нашим прямым предкам. А генетический анализ останков этих человекоподобных существ (на языке биологов — гоминид) показывает, что они отличались друг от друга гораздо больше, чем отличаются современные человеческие расы. С другой стороны, эти отличия были меньше, чем у тигров и львов. Являются ли эти крупные кошки рода пантера разными видами — тоже спорный вопрос, ведь тигры и львы могут скрещиваться между собой: львица способна принести котят от тигра, а тигрица — от льва. Но в обоих случаях гибридные котята мужского пола остаются бесплодными, а вот потомки от редких встреч неандертальцев, «денисовцев» и сапиенсов, судя по данным генетики, продолжали свой род. Но и о видовом единстве гоминид пятисотвековой давности говорить нельзя, так как гибридное потомство воспроизводилось не столь успешно, как дети внутривидовых браков¹. Наиболее верное и «политически корректное» определение сложившегося в ту эпоху разнообразия сводится к тому, что на планете бок о бок эволюционировало три параллельных человечества.

Бог ведаёт, могли бы возникнуть в ходе такой эволюции три параллельные цивилизации, однако история распорядилась иначе. Примерно 50 тысяч лет назад наши предки, древние сапиенсы, вышли из Африки в районе Синайского полуострова и начали расселяться по всей Евразии. Если первые внеафриканские находки предшественников современных людей

обнаружены в Палестине, то уже 10 тысяч лет спустя их кости датируются повсюду, от Гибралтара до Жёлтого моря. Ещё через 10 тысяч лет методы радиоуглеродного анализа перестают фиксировать останки неандертальцев и денисовцев. Это значит, что после триумфального расселения наших предков из Африки евразийские аборигены двух параллельных человечеств полностью исчезли. Об их былом существовании сегодня напоминают только некоторые гены, уцелевшие в нашем современном генофонде как плоды экзотической межвидовой любви².

Наиболее пылкие реконструкторы прошлого живописуют картины жестокой конкурентности, истребления первобытными людьми непохожих на них конкурентов. Однако никаких достоверных подтверждений кровавых стычек между сапиенсами и неандертальцами, сапиенсами и денисовцами найти пока не удалось. Гораздо вероятнее, что за двести веков сосуществования первобытные люди вытеснили своих исторических дублёров исключительно благодаря демографическому перевесу, в полном соответствии с библейской заповедью: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1:28) Даже если в каждом поколении наши предки оставляли хотя бы на 1% больше детей, чем их параллельные визави, то уже через пять-шесть тысяч лет сапиенсов могло стать на порядок больше. И тогда самой естественной судьбой неандертальцев и денисовцев видится растворение в окружившем их людском море.

Кстати, поучительный вывод для любителей толковать о чистоте расы! На сегодня самыми «чистокровными» людьми, людьми первоначальными, без иной примеси, являются как раз чёрные африканцы. Все остальные расы современного человечества: и белокурые скандинавы, и желтолицые монголы, и темнокожие дравиды-индусы, и кудрявые папуасы, и бородатые австралоиды, и бронзового оттенка индейцы Америки, — содержат хотя бы небольшие дозы неандертальских и денисовских генов. Но, конечно, ни наличие, ни отсутствие такого

¹ В отличие, кстати, от весьма плодовитых и нередко отличающихся повышенной жизнеспособностью мулатов и метисов нашего времени, что свидетельствует о видовом единстве современного человечества.

² Предположительно, одним из таких заимствованных признаков является рыжий цвет волос, встречающийся преимущественно в Северной Европе. По крайней мере, самые древние гены, отвечающие за огненную окраску шевелюры, возникли и получили широкое распространение именно у неандертальцев. Любопытно, что среди большинства европейских народов рыжие волосы у мужчин считаются признаком подозрительным, а у женщин — наоборот, привлекательным, и в обоих случаях — нетривиальным и колдовским. Возможно, это подсознательное поверье отсылает нас к особенностям межвидовых отношений в незапамятные времена первых встреч двух первобытных человечеств. В неандертальцах-мужчинах наши предки могли видеть коварных врагов, а в неандертальцах-женщинах — соблазнительную награду.



То, что Африка была прародиной людей, колыбелью вида Homo Sapiens, — не просто факт антропологической летописи. Это также означает, что африканские ландшафты изначально были наиболее благоприятными для существования людей, лучше других годились для пропитания и убежища. Нет ничего удивительного в том, что долгое время Африка оставалась самым густонаселённым материком. Директор Центра изучения Африки Андрей Маслов считает, что, просуммировав все человеко-жизни, прожитые всеми людьми за всё время существования человечества, мы обнаружим, что не менее половины этой суммы придётся на африканцев.

наследия не даёт никаких дополнительных оснований для гордыни или иных комплексов. Каждый народ прошёл свой путь, внося свой уникальный вклад в разнообразную палитру современного генофонда.

Для нашей же темы гораздо важнее другие уроки прошлого: история стремительного (по меркам того времени) и успешного расселения выходцев из Африки по лицу Ойкумены. Всего за двести веков они заняли пространства, где не менее тысячи веков до них процветали другие гоминиды; вытеснили или ассимилировали своих предшественников; коренным образом преобразили лик антропосферы; изменили весь ход человеческой эволюции.

Наблюдая за современными демографическими процессами, уместно задаться вопросом: не предстоит ли нам стать свидетелями ещё одного такого же расселения? Не приведёт ли бэби-бум на Чёрном континенте и глубокая демографическая депрессия в других регионах Земли к коренной смене расового, этнического и социального облика нашей планеты?

АФРИКАНСКИЙ ВОСХОД. РЕТРОСПЕКТИВА

Африка — колыбель человечества. Это надёжно и убедительно доказано археологами, детально проследившими несколько миллионов лет эволюции высших приматов. Но аргументом в пользу африканского происхождения людей

служат не только рациональные научные выкладки. Похоже, даже те, чьи несчётные поколения предков провели жизнь вдали от Чёрного континента, сохранили особую, мистическую и символическую, связь со своей далёкой прародиной.

Обратите внимание, как чаще всего мы изображаем земной шар, будь то географический глобус или фото планеты из космоса? Почти всегда в центре изображения красуется Африка. А детский фольклор? Какие чудесные тропические земли служат главным источником вдохновения для сказочников? Не Амазония, не Индокитай, не Австралия — а именно Африка! И это относится не только к литературному миру советской детворы, во многом сформированном Чуковским с его айболитами и бармалеями. Посмотрите на место действия персонажей топовых голливудских мультяшек «Тимон и Пумба», «Король Лев», «Мадагаскар» и т. д. и т. п., — мы снова окажемся там, где когда-то звучали песни наших забытых предков.

То, что Африка была прародиной людей, колыбелью вида Homo Sapiens, — не просто факт антропологической летописи. Это также означает, что африканские ландшафты изначально были наиболее благоприятными для существования людей, лучше других годились для пропитания и убежища. Нет ничего удивительного в том, что долгое время Африка оставалась самым густонаселённым материком. Директор Центра изучения Африки Андрей Маслов считает, что, просуммировав все человеко-жизни, прожитые всеми людьми за всё время существования человечества, мы обнаружим, что не менее половины этой суммы придётся на африканцев.

Во всяком случае, большая часть человеческой истории, или, точнее говоря, предыстории, была африкоцентричной, что согласуется с данными палеодемографии. Если условно принять старт существования нашего вида Homo Sapiens в современном обличье со времён т. н. «Y-хромосомного Адама» (предка всех без исключения ныне живущих мужчин по чистой мужской линии) или «митохондриальной Евы» (прародительницы всех без исключения современных людей по чистой женской линии), получится исторический отрезок длиной примерно в 160–200 тысяч лет. Получается, что примерно 70% этого времени люди провели исключительно в Африке, а ещё на протяжении 25% обозначенного периода в Африке проживало большинство людей. Лишь около 10 тысяч лет назад, когда в Плодородном Полумесяце



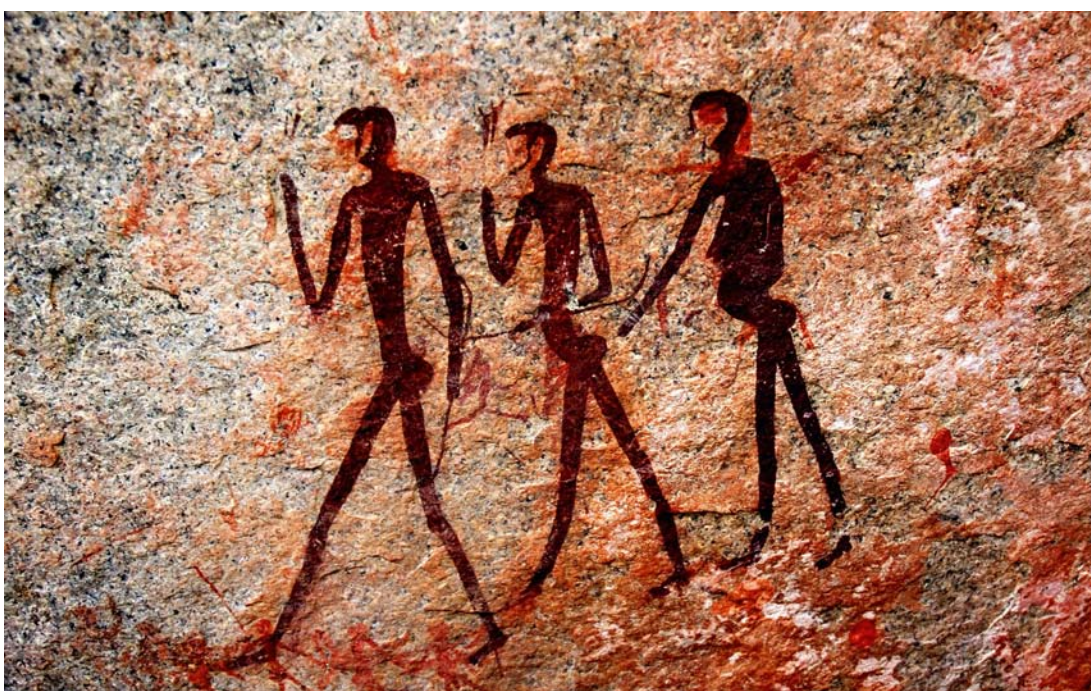
началась агрокультурная революция и по евразийским пространствам начало распространяться земледелие, пальма демографического первенства постепенно перешла к Евразии.

В Африке южнее Сахары земледельческая культура прижилась намного позже. Это случилось отнюдь не потому, что местные жители были глупее или ленивее жителей Ближнего Востока или обитателей ставшей вторым очагом земледелия долины Хуанхэ. Просто природные условия тропической части Чёрного континента настолько благоприятны для произрастания деревьев и трав, что у местных злаков не было необходимости вынашивать крупные сухие семена, способные сохраняться в течение долгого сухого и холодного сезона. Африканские злаки порождают мелкие короткоживущие семена, которые прорастают с первым дождём, — и такие семена очень плохо подходят в кандидаты на сельскохозяйственные культуры. Почему? Да потому, что из всех видов растительных продуктов лишь семена злаков могут конкурировать с мясом добытых на охоте животных по калорийности и количеству пищи и только ради них палеолитические люди отказывались от охоты и переходили к земледелию. Но чтобы такой переворот произошёл, семена находящихся под рукой злаков должны соответствовать двум главным условиям: 1) быть достаточно крупными (собирая крупу размером с маковое семя — скорее умрёшь с голоду, чем насытишься); 2) хорошо храниться в межсезонье, не разлагаясь и не прорастая при первой возможности

(иначе труды земледельца пойдут прахом). Этим условиям, как правило, соответствуют зёрна растений той полосы, где долго длится сухой или холодный сезон.

Глубокие исследования пригодной для доместификации флоры проводил израильский учёный Марк Блумлер, собравший данные по всем существующим на планете злакам. Как выяснилось, из тысяч травянистых семенных растений только 56 видов обладают семенами в десять раз крупнее среднего медианного размера и потому годятся в пищу людям. Из этих пятидесяти шести оптимальных кандидатов в первые земледельческие культуры в Средиземноморье (преимущественно восточном, на территории современных Сирии, Ливана и Турции) произрастало более половины — 32 вида, включая таких рекорсменов, как ячмень и пшеница-двузернянка! Для сравнения: во всей Южной Африке от озера Ньяса до мыса Доброй Надежды (регион, сравнимый по размерам со всей Европой) нашёлся всего один подходящий вид, а в других частях Субсахарской Африки отыскалось ещё три.

Нет ничего удивительного, что африканцы долгое время продолжали предпочитать охоту — благо, крупные звери как раз водятся именно на Чёрном континенте, в то время как в нескольких регионах Евразии начался демографический бум крестьянских земледельческих цивилизаций. В это число древних цивилизаций Тигра и Евфрата, Хуанхэ и Янцзы, Инда и Ганга, Дуная и Меконга на правах самой



знаменитой входит и древнее общество Нила, процветавшее в северной части Африканского континента, однако отделённое от Чёрной Африки Сахарой и связанное с Ближним Востоком тем самым Синайским мостом, по которому когда-то первые сапиенсы отправились на заселение мира. Поэтому культурные достижения и возникшие в долине Нила аграрные и прочие технологии Египта в несравнимо меньшей степени повлияли на Тропическую Африку, нежели на Южную Европу и Переднюю Азию. Центры человеческой истории надолго переместились туда, где колосились одомашненные ячмень и пшеница, рис и чумиза, просо и овёс. Там же обосновались и основные скопления населения.

Лишь примерно три тысячи лет назад, когда евразийские и североафриканские общества уже достигли высокотехнологичной письменной стадии развития, жители Тропической Африки сумели одомашнить два злака из скудного набора подходящих местных видов — сорго и африканский рис *Oryza glaberrima*, после чего южнее Сахары тоже началось становление земледельческих цивилизаций и соответствующий рост плотности населения.

В первые годы Христианской Эры во всей Африке проживало всего лишь около 7–8% населения планеты, к началу Великих географических открытий эта доля возросла до 10–11%. Последующие века колониальной эксплуатации и хищнической работорговли нанесли африканцам тяжёлый демографи-

ческий урон — общие потери этого периода можно оценить в 100–120 миллионов человек. В 1913 году на Африку приходилось лишь 7% населения Земли, притом что аграрные возможности континента позволяли прокормить гораздо большее число людей. При оценке биопродуктивности на Африку можно смело отнести от 25% до 40% продовольственного потенциала планеты.

Начавшийся в XX веке демографический переход в развитых странах «Глобального Севера» и масштабные санитарно-гигиенические мероприятия в Африке, совпавшие с обретением странами материка независимости, решительно качнули глобальные весы в иную сторону. Вот уже около восьмидесяти лет, как удельный вес африканцев в мировой популяции возрастает.

В 1973 году на африканском континенте проживало уже 10% мирового населения, тридцать лет спустя, в 2003 году, — 13,6%, рекордное для документированной мировой статистики число. Не прошло и двадцати лет, как в 2022 году доля африканцев уже приблизилась к 18% глобальной популяции — то есть по сравнению с концом XX века темпы роста этого показателя выросли почти вдвое!

АФРИКАНСКИЙ ВОСХОД. ПЕРСПЕКТИВА

Динамику численности африканского населения можно проследить по таблице 1. Как видно, скоро на Чёрном континенте будет проживать





| Год оценки | 1913 | 1973 | 2003 | 2022 | 2050 (прогноз) |
|-----------------------------|------|------|------|------|----------------|
| Население Африки (млн чел.) | 125 | 390 | 853 | 1420 | ~ 2 500 |
| Доля в населении Земли (%) | 7 | 10 | 13,6 | 17,7 | ~ 25–26 |

Таблица 1.
Изменение доли Африки в мировом населении.

каждый пятый землянин, а к середине столетия — каждый четвёртый. К концу же века, по прогнозам ООН, сделанным несколько лет назад, число африканцев должно приблизиться к 4 миллиардам человек, что составит около 40% глобальной популяции.

Правда, демографические прогнозы сегодня — дело неблагодарное. На наших глазах разворачиваются такие события, что любые долгосрочные расчёты приходится пересматривать каждые два-три года. Дело в том, что учёные рассматривали модель «демографического перехода», сложившуюся в Северной Европе и англосаксонском мире — первых странах, прошедших все этапы этого процесса, — как универсальный образец для всего человечества. Однако, как выяснилось, цивилизационные различия разных культур достаточно велики, чтобы внести в теорию значимые коррективы. Причём чаще всего эти поправки приходится вносить в сторону понижения. В большинстве регионов мира:

- 1) падение рождаемости происходит быстрее, чем у «стран — пионеров демперехода»;
- 2) падение достигает более низких, порой непредсказуемо низких показателей;
- 3) далеко не везде наблюдается характерный для стран-первопроходцев ренессанс, некоторое повышение рождаемости после достижения «дна».

Так, например, если Англия и Франция путь от среднестатистической трёхдетной семьи до менее чем двухдетной, не обеспечивающей простого воспроизводства, проделывали около полувека, то нефтяные монархии Персидского залива пробежали этот отрезок «демографического перехода» за полтора-два десятилетия. Если в большинстве стран-пионеров нижний уровень рождаемости не опускался ниже полутора детей на женщину, то в Объединённых Арабских Эмиратах он провалился до 1,13; в Пуэрто-Рико — до 0,89, а в Южной Корее — до во-

все немыслимого прежде уровня в 0,73! И это не какие-то экзотические примеры, не способные повлиять на судьбу всей земной популяции. Стремительные перемены захватили даже таких гигантов, как Китай и Индия, поскольку и по КНР в целом, и по целому ряду индийских штатов размер семьи тоже опустился заметно ниже полутора детей на женщину. Таким образом, вместо медленного и отложенного во времени сокращения населения, ожидаемого по опыту западной модели демографического перехода, мы получаем во многих регионах планеты стремительное кратное сокращение от поколения к поколению.

Отдельного разговора заслуживает тема так называемого ренессанса, зафиксированного у стран-пионеров. На рубеже XX и XXI веков в Скандинавии, Франции и Великобритании, раньше других съехавших ниже уровня простого воспроизводства, наблюдался некоторый подъём рождаемости³. Ряд демографов предположили, что этот поворот приведёт к восстановлению простого воспроизводства и к долгосрочной стабилизации численности населения. Такая ситуация стала рассматриваться как вероятный «пятый этап» демографического перехода. Под впечатлением подобных выводов наиболее вероятным сценарием для планеты стала считаться ожидаемая к концу столетия фиксация численности человечества около планки в 11 миллиардов. Однако уже во втором десятилетии XXI века временный подъём рождаемости в западных странах сменился упадком, и говорить о «ренессансе» как завершающем элементе перехода перестали.

Все новейшие наблюдения заставляют радикально переоценить наши представления о будущей численности человечества. И уже вполне реальной видится полная остановка роста к середине столетия, а к 2100 году сокращение числа землян до 7 миллиардов — ниже современного уровня. Единственным

³ Речь идёт о повышении рождаемости у коренных народов данных стран, а не об изменении трендов из-за наплыва мигрантов. Прежде чем делать выводы, учёные обсчитали оба процесса отдельно друг от друга.



макрорегионом, где сохраняется расширенное воспроизводство, сегодня остаётся Тропическая Африка. При этом есть все основания думать, что в большинстве африканских стран и 30–40 лет спустя рождаемость будет выше критического уровня (два ребёнка на женщину). Это означает, что уже в силу так называемой демографической инерции рост населения Чёрного континента гарантирован до конца столетия и ожидаемая к тому времени цифра в 3,5–4 миллиарда африканцев может составить отнюдь не 30–40%, как считалось ещё совсем недавно, а большинство человечества.

ЧЁРНЫЙ РАЗЛИВ

Если африканцы опять, как в незапамятные времена, станут большинством на планете, означает ли это, что радикальная смена расового состава ожидается на всех континентах, или происходящий демографический взрыв будет локализован исключительно южнее пустыни Сахара?

На сегодня Тропическая Африка, несмотря на своё безоговорочное звание репродуктивного чемпиона, не стала источником миграции номер один. Массив приезжих, например, в США, за последние полвека формировали преимущественно выходцы из Латинской Америки, а в Евросоюз — из Исламского мира. Темнокожие иммигранты во всех странах, притягивающих миграционные потоки, пока составляют не более одной десятой части новосёлов. Однако трудно поверить, что такое соотношение сохранится надолго.

Несмотря на то что Чёрная Африка в обозримой перспективе останется замыкающим макрорегионом в глобальном рейтинге душевых доходов, уровень жизни там всё-таки устойчиво растёт. А на сегодня главным препятствием для иммиграции африканцев остаётся именно нищета — более половины желающих уехать элементарно не имеют средств на билет до другого материка. Рост душевых доходов и развитие транспортных коммуникаций неизбежно приведут к кратному увеличению армии потенциальных мигрантов.

Во-первых, невозможно представить, что бурно растущее население самого бедного макрорегиона Земли будет стоически прозябать на родине, не пробуя искать лучшей доли в соседних богатых землях, которые, судя по сложившимся трендам, вскоре начнут пустеть, создавая демографический вакуум.

Во-вторых, несмотря на то, что Чёрная Африка в обозримой перспективе останется замыкающим макрорегионом в глобальном рейтинге душевых доходов, уровень жизни там всё-таки устойчиво растёт. А на сегодня главным препятствием для иммиграции африканцев остаётся именно нищета — более половины желающих уехать элементарно не имеют средств на билет до другого материка. Рост душевых доходов и развитие транспортных коммуникаций неизбежно приведут к кратному увеличению армии потенциальных мигрантов.

В-третьих, в пользу развития африканской миграции говорит разворачивающаяся «серебряная революция», неуклонное старение населения. Оно уже стало ключевым социальным фактором в Центральной Европе и Японии, неизбежно грядёт в остальной части Европы, странах Дальнего Востока и Северной Америки, а в не столь отдалённой перспективе — и на Ближнем Востоке, и в Америке Латинской. В странах, переживающих «серебряную революцию», значительная часть людей рискует, состарившись, так и не стать бабушками и дедушками, то есть никогда не иметь собственных внуков. А это значит, что они будут нуждаться как минимум в молодом обслуживающем персонале, который сможет на склоне лет «подать им стакан воды», а как максимум — заменить их на рабочих местах, оставляемых массово уходящими на покой бездетными и малолетними пенсионерами.

Таким образом, можно смело предсказывать, что до конца века огромное количество темнокожих африканцев покинет свой родной материк и отправится искать счастья в страны, переживающие демографическую депрессию. Говорить о точных цифрах предстоящей на протяжении столетия миграции невозможно, но их порядок совершенно точно будет превышать десятки и даже сотни миллионов, приближаясь, вероятнее всего, к миллиарду.

Очень отдалённой и приблизительной моделью «Великого чёрного исхода» может послужить «Великий белый исход», массовое расселение европейцев в эпоху колонизации. Так, например, в начале XIX века за пределами Европы проживало всего лишь около 10%



людей европейского происхождения, а в начале XX века — уже около 30%. В этот период именно Европа и её «боковые ветви» в Новом Свете были демографическими лидерами планеты. Так что переселение одной пятой части жителей того региона, где происходит «демографический взрыв», на относительно свободные территории стало реальным фактом даже в эпоху парусников и колёсных пароходов. Тем более не будет ничего фантастического в переселении в таких же и даже больших пропорциях в эпоху трансокеанских лайнеров и авиационного сообщения.

Самым близким географически и наиболее доступным в культурно-языковом отношении макрорегионом для приёма африканского исхода представляется Европа, куда потенциально может направиться до 500 миллионов выходцев с Африканского континента. Вторым по притягательности приёмником для иммигрантов с Чёрного континента на сегодня выглядят США, куда способно нацелиться до 200 миллионов африканцев. Третье место в этой иерархии занимают богатые страны Персидского залива, способные обеспечить занятость от 50 до 100 миллионов (считая с семьями) темнокожих приезжих. Наконец, во второй половине века можно ожидать крупных миграционных потоков из Африки в Латинскую Америку (где уже проживают крупные общины темнокожих людей, расово и культурно близкие африканцам) и в Китай (где вовсю будет бушевать «серебряная революция» и возникнет острый дефицит трудовой молодёжи). Каждый из этих двух макрорегионов может с лёгкостью принять до 100 миллионов и более африканских иммигрантов.

Будет ли реализован подобный сценарий — зависит от множества факторов, прежде всего, политических. В любом случае смело ставлю сто против одного, что вопрос африканской миграции войдёт в число первоочередных в политической повестке обозначенных стран. За его положительное для приезжих разрешение будут бороться как уже существующие африканские диаспоры, так и набирающие экономический и дипломатический вес африканские государства. Если же возможные препятствия на пути миграционных потоков будут преодолены, то к концу XXI века темнокожие общины имеют все шансы стать расовым большинством как в Западной Европе, так и в США, и в ряде нефтяных монархий Залива.

Как могут выглядеть сугубо антропологические аспекты грядущих перемен? Наиболее вероятными очагами преобладания европео-



идного расового типа через столетие останутся Восточная Европа, Кавказ, Кашмир и ареал Персидской цивилизации (включая Афганистан и Таджикистан). Странам же Западной цивилизации предстоит пережить глубокую этнорасовую метаморфозу. Трудно с уверенностью предсказать, насколько гладко пройдёт эта трансформация, но учитывая тяжёлую предысторию расовых отношений, исторические обиды и сохранившиеся до сих пор (как в белой, так и в чёрной общинах) взаимные предрассудки, стоит быть готовым к серьёзным потрясениям. Нельзя исключить такое развитие событий, при котором Ку-Клукс-Клан, «Чёрные Пантеры» и движение Black Lives Matter покажутся цветочками.

АФРИКАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ ЦЕНТР ДОМИНИРОВАНИЯ?

В популярных предвидениях будущего присутствует парадоксальное противоречие.

С одной стороны, демографы в один голос утверждают, что эпицентром событий в XXI веке становится Африка, именно её население будет драйвером ожидаемых глобальных перемен.

С другой стороны, цивилиционисты и теоретики многополярного мира игнорируют Африку как потенциальный центр геополитической силы. Например, известный визионер Сергей Переслегин, описывая вероятную раскладку мировых гегемонов, находит место в их ряду дряхлеющей Англии, в десятки раз

уступающей Африке по территории и населению, в то время как Чёрный континент рассматривается им преимущественно как поле битвы, пространство чужой конкуренции за влияние, а не источник влияния собственного.

Пожалуй, главной причиной такой недооценки Африки при цивилизационном моделировании служат неоднородность и пестрота её этнокультурного и политического пространства. Две тысячи языков, полсотни государств, большинство из которых представляют собой сложную племенную и конфессиональную мозаику, — и среди них не просматривается ни одного очевидного лидера. Не выдвинулось ни одного потенциального core-state, способного сплотить это вавилонское столпотворение в единый солидарный альянс, готовый совместно планировать общие действия и единодушно продавливать решения на мировой арене. Так, как ведёт себя, например, «Коллективный Запад» во главе с США. Или как действовал «Лагерь социализма» во главе с СССР.

Однако видеть в Африканском мире один только хаос разрозненных национальных и этнических интересов — большая ошибка. Как метко выразился Генри Миллер: «Хаос — это порядок, который нам непонятен». Мы просто не понимаем Африканскую цивилизацию, предполагающую иное устройство мира и иную формулу общественных отношений.

Пример такого непонимания «иног» уже был у европейцев, столкнувшихся с сетевым

устройством еврейского сообщества. Привыкшие к стройной иерархии государственных институтов, подданные Российской или Германской империй (как, впрочем, и некоторые граждане современных республик, например, США) не могли осознать причину успеха еврейских элит в реализации своих экономических и политических интересов. Традиционные для иудейского рассеяния горизонтальные связи, при которых отсутствует единый центр координации, выглядели в глазах русских или немецких консерваторов негодным для такой цели инструментом — отсюда не прекращающиеся бродить вымыслы о «тайном еврейском правительстве», будь то синклит «сионских мудрецов» в начале XX века или ZOG в его второй половине.

В наши дни похожий сетевой вызов приверженцам иерархичной государственности бросает другая группа семитских народов — арабская, принадлежащая к умме суннитского ислама. Суннитские общины тоже не имеют централизованного управления, но при этом эффективно наращивают своё влияние, воздействуя на многие экономические, культурные и политические процессы. При этом роль сетевых исламских сообществ в глобальных событиях порой оказывается выше, чем роль нестабильных или ограниченных в своих возможностях арабских государств.

У народов Чёрной Африки нет ни развитой (как у европейцев или китайцев) государ-





ственной традиции, ни развитой (как у евреев или мусульман-суннитов) традиции сетевой. Однако это вовсе не означает, что африканский конгломерат языков и культур представляет собой лишь неуправляемый хаос, неспособный выступать в качестве самостоятельного субъекта мировой истории. И если философ Александр Дугин видит конкурентоспособную Африканскую цивилизацию лишь в случае её успешной интеграции⁴, то политолог-африканист Андрей Маслов считает, что социальные связи, характерные для африканской традиции, как раз очень применимы для продвижения в современном индивидуализированном мире⁵. Маслов называет африканскую модель социальных структур «бесполярностью». При этом, экстраполируя эту «бесполярность» на глобальное мироустройство, он пророчит появление мягких блоков, где взаимодействующие государства не связаны жёсткими обязательствами и где сотрудничество с внешними силами не строится по принципу «нулевой суммы», то есть улучшение отношений с одним центром силы не должно автоматически вести к ухудшению отношений с конкурирующим центром.

Системы, построенные по такому принципу, при всей их внешней дезорганизованности и неспособности к концентрации, могут проявлять исключительную силу и жизнеспособность. Как образно выразился по несколько иному поводу философ Олег Матвейчев: можно победить слона, поразив его в голову, но рой москитов, общая масса которых равна массе слона, победить невозможно. Поэтому не стоит недооценивать мозаичное и стихийное африканское общество — в борьбе за место под солнцем этот «рой» может дать фору любому «слону».

Да, рождающаяся на Чёрном континенте цивилизация плохо приспособлена к тотальным военным конфликтам, к противостоянию подлодок, спутников и ракетноносцев — но такого рода инструментарий всё меньше соответствует реалиям современного мира, принося скорее потери, нежели выигрыш. Зато африканское общество обладает даром успешно заполнять все возникающие социальные лакуны, создавая эффект присутствия, а как следствие — и «мягкой силы». Вряд ли африканские политические

Главной причиной недооценки Африки при цивилизационном моделировании служат неоднородность и пестрота её этнокультурного и политического пространства. Политолог-африканист Андрей Маслов называет африканскую модель социальных структур «бесполярностью». Системы, построенные по такому принципу, могут проявлять исключительную силу и жизнеспособность. Как образно выразился по несколько иному поводу философ Олег Матвейчев: можно победить слона, поразив его в голову, но рой москитов, общая масса которых равна массе слона, победить невозможно. Поэтому не стоит недооценивать мозаичное и стихийное африканское общество — в борьбе за место под солнцем этот «рой» может дать фору любому «слону».

элиты когда-либо смогут диктовать свою волю всему миру, как когда-то диктовали свою волю элиты западные. Но присутствие многочисленных групп влияния «Глобальной африканской семьи» в большинстве стран планеты сделает так, что не учитывать мнение африканцев станет невозможно.

Андрей Маслов считает, что африканизация мира неизбежна, поскольку сложившиеся на Чёрном континенте принципы социального устройства — бесполярность, внеблоковость, ситуативность мышления, интеграция с окружающей средой, отсутствие тенденциозной предопределённости, преданность малым социальным группам и большим идентичностям, а не конкретным политическим фигурам, — всё больше совпадают с современными тенденциями. Можно спорить с ним в деталях, но трудно не согласиться в главном — во второй половине столетия именно африканизация станет главным глобальным трендом, от которого в той или иной степени будут зависеть все остальные исторические процессы.

⁴ См.: А. Дугин. Африка: рывок в будущее. <https://www.geopolitika.ru/article/afrika-ryvok-v-budushchee/>

⁵ См.: А. Маслов. Становление африканской цивилизации и африканизация мира. Характеристики пространства социальных связей Африки становятся свойствами мировой системы. // «Россия в глобальной политике», 2023, № 4 Июль/Август. <https://globalaffairs.ru/articles/afrikanizaciya-mira/>



/ Евгений ВАРШАВСКИЙ /

Стратегическая культура: мягкая сила империи



КУЛЬТУРНА ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Понятия «культура» и «цивилизация» относятся к наиболее общим из всех, связанных с человеческим обществом как таковым. Это сложнейшие и весьма многозначные сущности, с огромным количеством определений. В социальной плоскости, включая её высший, то есть политический, уровень, культура и цивилизация обозначают исторически сформировавшиеся и обособленные социальные субъекты — племена, народности, нации, а на политическом уровне — государства, их разнообразные союзы и объединения, а также появившиеся в последнее столетие влиятельные субъекты геополитики, не являющиеся государствами.

Необходимо отметить, что на текущем этапе развития пока не возник геополитический субъект, объединяющий всё человечество. Поэтому до сих пор вполне правомерно употреблять термины «культура» и «цивилизация» во множественном числе, а современная геополитика по существу представляет собой их конкуренцию. Соответственно, та часть общей культуры, которая отвечает за внешнее влияние и взаимодействие с другими геополитическими субъектами, может считаться «стратегической».

При всей важности исторических традиций современность и будущее любого народа определяет не только этнический компонент. То есть, к примеру, для исторической России определяющее значение имеют отнюдь не лапти, хохлома или народный танец «Калинка», а Социалистическая революция, Победа, Гагарин и Мировая система социализма. Собственно, именно эта грань между этническим и стратегическим компонентами культуры определяет порог возможности участия нации в современной Большой игре.

Тем не менее уважение к собственным корням, традициям и истории должно сохраняться на любом уровне развития хотя бы

потому, что отказ от части собственной культуры её неизбежно обедняет, и даже самые замшелые и давно изжитые обычаи должны сохраняться в исторической памяти: негативный опыт ничуть не менее важен и полезен, чем позитивный.

К настоящему времени стратегический компонент культуры уже вполне сформировался как отдельная сфера деятельности. Сама возможность участия в геополитической конкуренции предполагает обязательное наличие собственного социального проекта соответствующего масштаба.

ПОЧЕМУ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ГЛОБАЛЬНЫМ

Мудрец Конфуций заметил по этому поводу: «Вы не можете решать короткие задачи, если у вас нет длинных планов».

Со временем этому древнему тезису нашлось множество доказательств, в том числе в точных научных дисциплинах. Теорема математической логики о принципиальных ограничениях формальной арифметики и, как следствие, всякой формальной системы, известная также как теорема Курта Гёделя о неполноте, опубликованная в 1931 году, вполне применима и к другим сферам чело-

веческой деятельности. Во-первых, наш мир всячески демонстрирует своё внутреннее единство и взаимосвязанность, а во-вторых, математика не случайно имеет титул «королевы всех наук» в силу своей фундаментальности и предельной абстрактности.

В сильно упрощённом виде, пригодном для восприятия даже на политическом уровне, базовый тезис упомянутой теоремы сводится к тому, что любая система не может доказать свою полноту и непротиворечивость только собственными средствами. Для этого нужно быть на уровень выше.

Это подтверждается известной исторической практикой: реальные политические субъекты всегда строятся вокруг определённой идеологии или религии, то есть изначально закладывается максимально высокая исходная теоретическая позиция, которая потом масштабируется «вниз» под конкретную политическую задачу.

Это справедливо даже в случаях, когда реальным мотивом служит элементарная материальная выгода: начиная с определённого уровня масштабные коммерческие проекты неизбежно требуют идеологического или религиозного обоснования, а значит, обязательного использования инструментария страте-

Реальные политические субъекты всегда строятся вокруг определённой идеологии или религии, то есть изначально закладывается максимально высокая исходная теоретическая позиция, которая потом масштабируется «вниз» под конкретную политическую задачу. Идеология является базисом, объединяющим разные социальные группы и силы в единый политический субъект. В функционал стратегической культуры помимо целеполагания входит обеспечение консолидации своих сторонников, а также привлечение на свою сторону нейтральных и даже враждебных сил в целях создания качественного конкурентного преимущества перед противником.



гической культуры. Отсюда также следует, что идеология как таковая входит составной частью в общую культуру (а отнюдь не наоборот) и одновременно является базисом, объединяющим разные социальные группы и силы в единый политический субъект.

Кроме того, в базовый функционал стратегической культуры помимо целеполагания в общем случае входит обеспечение консолидации своих сторонников, а также привлечение на свою сторону нейтральных и даже враждебных сил в целях создания качественного конкурентного преимущества перед противником, прежде всего, в случаях, когда он не имеет собственной актуальной идеологии. Начиная с античности всемирная история наглядно демонстрирует, что идейное или религиозное превосходство обеспечивает победу даже при существенно меньших располагаемых ресурсах.

Проектный подход в современной геополитике позволяет сформулировать ряд определённых условий, которым должна соответствовать любая влиятельная социальная сила, намеренная принять участие в глобальной конкуренции.

Наличие соответствующих экономических, военных, демографических, научных и всех других необходимых ресурсов предполагается изначально как обязательное условие, равно как и способность эффективно их использовать.

Кроме этого, собственный полноценный исторический, политический, революционный или любой другой проект обязательно предполагает наличие следующих нижеперечисленных необходимых качеств.

1) *Историчность*. Проект должен быть основан на известных и проверенных временем социальных технологиях и закономерностях.

2) *Рефлексивность*. Проект должен предлагать решения, позволяющие избегать или исправлять ошибки, допущенные в прошлом.

3) *Привлекательность*. Нужен образ будущего, представленный

в виде небольшого количества ярких тезисов и коротких лозунгов, отвечающий интересам как людей труда, так и наиболее влиятельных социальных групп, контролирующих ресурсы, достаточные для реализации целей проекта. Этот желанный образ будущего должен мотивировать, а впоследствии — обеспечивать необходимый уровень консолидации общества.

4) *Убедительность*. Проект должен иметь прочную и современную научную основу, способную выдержать академическую проверку и в значительной мере соответствовать традиционным представлениям целевых социальных групп и по этой причине не вызывать у них устойчивого отторжения. Проектный «образ будущего» должен быть дополнен научно обоснованными моделями предлагаемого социального и экономического устройства, а также проектом новой политической системы. Крайне желательно наличие исторических примеров хотя бы частично успешной реализации в прошлом аналогичных по целям проектов либо отдельных важных компонентов и социальных технологий.

5) *Устойчивость*. Предлагаемая социальная модель должна обеспечивать возможность построения жизнеспособного и гармоничного общества, не имеющего неустрашимого внутреннего антагонизма, способного к внутреннему развитию и научно-техническому прогрессу. Экономическая система должна обеспечивать общую рентабельность производства, достаточную для удовлетворения основных потребностей населения, развитие технологий, а также возможность концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях. Политическое устройство должно быть способно обеспечить формирование и воспроизводство вертикали власти, сохранение текущего социального баланса, стабильности и развития общества.

6) *Реализуемость*. В целом проект должен быть способен получить ши-

рокую поддержку населения, а также консолидировать вокруг себя все социальные группы, не имеющие перспектив сохраниться в рамках «негативных» и «катастрофических» сценариев и при этом располагающие необходимым потенциалом и ресурсами. Нужен также расчётный баланс социальных, экономических и политических сил в текущем и прогнозном виде как обоснование реализуемости и успешности Проекта, а также алгоритм и общий механизм планирования и координации действий по реализации Проекта (дорожная карта).

РОДОПЛЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗИС ПЕРВИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Нельзя сказать, что стратегическая культура существовала изначально и что она является обязательной составной частью общей культуры любого человеческого сообщества. Участие в мировой политике, как и прогресс как таковой не являются обязательными для всех народов, наций и государств. Стратегическая культура — удел более развитых наций, культур и цивилизаций.

Принимая во внимание это обстоятельство, история возникновения проектного подхода к развитию нашей общей цивилизации важна не только с теоретико-познавательной стороны. Проектный подход — это существенный, если не ключевой, фактор, обеспечивающий эффективность технологий стратегической культуры.

В отличие от традиционного общества, известного нам как первобытное или родоплеменное, возникающего из дикой природы практически самопроизвольно, сразу по достижении предками «человека разумного» достаточного умственного развития, переход к более высоким уровням цивилизованности требует от социума организованных и целенаправленных действий, то есть наличия плана.

Где расположена эта граница?



Отличие любого человеческого общества от мира животных основано не только на качественных преимуществах нашего биологического вида. Опыт показывает, что люди, живущие в формате дикого первобытного племени, вполне интегрированы в стандартный местный биоценоз на общих основаниях, ничем особенным в плане выживания не выделяются из числа окружающих эти племена животных и даже далеко не всегда находятся на вершине пищевой цепочки.

Принципиальные отличия возникают с момента возникновения у человеческих племён экономики, то есть ведения собственного хозяйства, хотя бы и примитивного. Очень похожие на людей приматы могут жить там же, есть практически такую же еду, но они её сами не выращивают. И потому всецело зависят от внешних условий.

Собственное хозяйство — это инструмент воздействия на эту самую внешнюю среду, причем инструмент коллективный. То есть челове-

ское сообщество (изначально дикое племя) получает социальный инструмент внутренней интеграции, имеющий иную природу, — он не биологический, то есть всецело основанный на природных инстинктах, а социальный. По той же причине экономика как таковая связана с этикой и социальной психологией и подчиняется общим в этих областях закономерностям.

Очевидно, что на этих, самых первых, изначальных стадиях развития человеческого общества уже есть культура, хотя пока в самом примитивном понимании, потому что все племена уже различаются между собой: по языку, обычаям, верованиям или способам ведения хозяйства (разделение на скотоводов и земледельцев-собираателей было уже тогда), но стратегической культуры ещё не было. Точнее, основные функции, в таковую входящие, например, общее целеполагание или обеспечение консолидации социума, существовали уже тогда, но в отдельный контур управления не входили.

Очень близкая, но сильно более поздняя по времени аналогия — штабные функции в армии. Необходимость планирования военных действий существует на всех армейских уровнях, но в отдельную штабную структуру оно выделяется только с момента, когда перестает помещаться в голове строевого командира. Поэтому отдельного «штаба» во взводе нет, а в полку и выше — есть, хотя боевые действия в армии планируются и координируются везде.

В человеческих сообществах момент обособления функций целеполагания, консолидации и внешнего влияния наступает при необходимости объединения в большую по размеру и сложности структуру, то есть при преодолении родоплеменного этапа развития. Создать из разнородных сообществ единый социальный организм можно только на основе «нематериальных ценностей», потому что известно только два базовых механизма, способных объединить разных людей и не являющихся в ос-

нове своей биологическими: это «общее дело» и «общий враг».

Поэтому самые первые объединения разных племен имели преимущественно «экономическую» основу: несколько земельных участков под единым управлениемкратно более продуктивны, нежели те же участки, но по отдельности. Такова экономическая магия «разделения труда», до которой следовало сначала додуматься, а потом убедить в этом вождей совершенно различных племен, отличающихся между собой во всём, да ещё отягощенных неизбежными межплеменными конфликтами.

Это задача, непосильная для тогдашних идеологических работников, которых, кстати, тогда ещё не существовало в природе, а более-менее близкие им по функционалу шаманы к носителям хотя бы самой примитивной стратегической культуры отношения не имели — их задачи в основном сводились к роли «вызывателей дождя» и «заклинателей лягушек», ну и общения с духами предков. Но даже такое духовидение существенного значения для консолидации дикого племени не имело. Намного важнее было понимание любым дикарём, что вне племени он неизбежно погибнет. Кстати, именно

поэтому в палеолите и даже позже практически не практиковалась смертная казнь — изгнание из племени намного страшнее.

ДВА КОНТУРА ВЛАСТИ: АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ

Далее, уже в состоявшихся объединениях племен, неизбежно встающих на путь развития и усложнения, задачи, входящие в базовый функционал будущей стратегической культуры, стали выходить за рамки физических возможностей администрации этих объединений, то есть вождей.

Уже довольно скоро начавшийся социальный прогресс привёл сразу к нескольким принципиальным изменениям. Прежде всего, эта изначально одноконтурная система управления обществом, позже развившаяся до политического уровня, то есть государства, вынужденно выделила второй контур власти. И с определённого момента наряду с известной вертикалью административного управления возникла идеологическая структура, профессионально занятая вопросами общего (национального) целеполагания и обеспечения консолидации общества, состоящего из разных родоплеменных образований, разде-

лённых разными языками или наречиями, традициями, духами предков и всем остальным.

Системная и общественно важная функция неизбежно требует создания собственного исполнительного аппарата, и в этой сфере сформировалась исторически первая специальная служба, получившая название «Храм» и выполняющая по сей день функции по мониторингу и контролю умонастроений в самых широких слоях населения, выявления и нейтрализации антиобщественных элементов, гражданской и военной пропаганды и контрпропаганды, а также продвижения политических установок под реализацию государственных планов и намерений.

Причём уже первые структуры этого типа располагали механизмами подбора, обучения и распределения собственных кадров, а также развитыми системами закрытой передачи и хранения информации: самая примитивная письменность в те времена была доступна немногим и непонятна для всех остальных, то есть соответствовала всем основным признакам криптографии и шифропереписки.

Немаловажно, что условно первый, то есть административный, контур власти отличается от вто-





рого, идеологического, не только по функционалу, но и по внутреннему устройству. Любое административное управление издревле строится по общей схеме «вертикали власти», то есть в соответствии с принципами единоначалия, иерархичности (подчинение младших старшим), соответствия полномочий и ответственности и так далее.

Идеологическая вертикаль организована принципиально иначе — это орденская структура. В любой идеологии есть что-то вроде Высшего Авторитета: в религии это Бог, а в политике — Программа Партии. И любой член идеологической вертикали вправе обратиться к Высшему Авторитету напрямую по любому вопросу.

Это принципиальное отличие: в любой нормальной административной иерархии обращение к вышестоящему начальнику через голову непосредственного — грубое нарушение правил и служебной этики. Исключения есть, и часто прямо предусмотрены регламентами, но это не меняет существа дела: такие случаи суть признак дисбаланса и в норме излишни.

Красоты этим конструкциям придаёт тот факт, что на практике поддержание идеологии (и религии тоже) невозможно без обычной управленческой структуры: помимо высокодуховных практик и дискуссий по догматам и канонам существует проза жизни, то есть необходимость организации рабочего процесса, включая материальное обеспечение, порядок прохождения духовной (или партийной) службы, замещения должностей и тому подобное.

Поэтому в любом «втором» контуре власти параллельно с духовной иерархией всегда существует обычная вертикаль управления.

Такое сочетание разнородных систем управления необходимо и неизбежно, однако в полном соответствии с законами диалектики там заложена принципиально неустраняемая проблема.

В состоявшихся объединениях племён, неизбежно встающих на путь развития и усложнения, задачи, входящие в базовый функционал будущей стратегической культуры, стали выходить за рамки физических возможностей администрации этих объединений, то есть вождей. И с определённого момента, наряду с известной вертикалью административного управления, возникла идеологическая структура, профессионально занятая вопросами общего (национального) целеполагания и обеспечения консолидации общества.

В силу самой сущности властной вертикали она изначально стремится к максимальной гегемонии: шаловливые ручки всегда тянутся поруководить всем, что не прибито гвоздями.

Но если этот процесс завершится в идеологической организации, что партийной, что духовной, она просто перестанет быть идеологической и станет придатком администрации или вообще её структурным подразделением.

Произойдёт это потому, что высшее звено административной власти редко бывает одинаково хорошо компетентно в двух принципиально разных сферах деятельности. То есть когда идеология будет прямо подчинена власти, она редуцируется до пропаганды.

Проблема такой «контекстной замены», даже при сохранении прежних вывесок, в том, что идеология по статусу выше управления. Власть управляет всем и постоянно, однако есть вещи, выходящие за пределы даже царских полномочий. Помимо общего (национального) целеполагания это вопросы формирования и воспроизводства самой власти («никто не может назвать себя властью лишь по собственной воле» — принцип, зафиксированный сегодня на уровне Устава Организации Объединённых Наций), консолидации общества и внешнего влияния.

Из этого принципа вытекает известный с глубокой древности дуа-

лизм власти: первожрец и фараон, король и папа, патриарх и царь, генеральный секретарь партии и председатель Совета министров.

Но бывает и по-другому. Существует формат власти, где оба контура находятся в одних руках. Пример — русские самодержцы начиная с Петра Первого. Выгода, с точки зрения теории управления в таком решении есть — первое лицо получает возможность контролировать обе структуры, и административную, и идеологическую. Это повышает управляемость и снимает проблемы взаимодействия между контурами, но есть и недостатки.

Людей, способных одинаково хорошо держать в руках столь разные контуры власти, за всю историю человечества наберется не очень много. Это уровень Александра Македонского или Чингисхана. Вот у того же Петра Первого получалось, а такой же самодержец Николай Второй не сдюжил...

По ходу социального прогресса второй контур власти отвечает уже не только за целеполагание на тактическом уровне, то есть по факту в рамках выживания в меняющихся внешних условиях, но и за развитие, включая расширение вовне сферы своего влияния. Этот этап предполагает уже стратегические задачи: формирование желаемого образа будущего, разработка проекта по воплощению задуманного в реальность,



и далее, когда новый жизненный уклад сформирован, второй контур власти начинает отвечать за подержание его стабильности.

Переход современного общества на более высокий уровень цивилизованности, предполагающий глобальную интеграцию не только экономики, но и социальных институтов, требует не только наличия соответствующих исходных условий, но и собственного полномасштабного проекта. А для реализации любого проекта необходим план.

ФЕОДАЛИЗМ: ПРЕДЕЛ СТИХИЙНОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Когда в истории человечества произошёл системный переход от стихийного развития к планомерному? Даты интересны скорее профессиональным историкам, и более важным представляется понимание момента, когда для такого перехода созрели необходимые условия. И в чём эти условия заключаются.

С одной стороны, в принципе, любая осмысленная человеческая деятельность связана с планированием, расчётом ресурсов и времени. Даже простой поход в магазин за продуктами к ужину уже предполагает проектный подход к решению данной частной задачи. Полагаться на стихийные озарения не стоит, ибо это влечёт либо перерасход средств, либо ущерб качеству ужина. Ранний палеолит в этом смысле мало чем отличается, потому что и охоту, и собирание кореньев, и все остальные важные дела нормальные дикари планировали примерно так же, как и современные цивилизованные люди.

Социальный прогресс в этой части имеет некоторые отличия от бытовой или хозяйственной деятельности и даже ведения войны. Первое принципиальное отличие — в масштабе. Развитие социума затрагивает всех его членов, а реализуется волей и силами огромных по численности социальных групп, среди которых ключевое и центральное место за-

нимает правящий класс во всём его разнообразии. Второе такое отличие — в методах организации. Планирование как форма управления накрепко привязано к власти или, в более общем виде, к субъектности.

Составлять и реализовывать план можно только при наличии единого разума, воли, целеполагания и наличия подконтрольных ресурсов. Полным комплектом таких качеств обладает, например, физическое лицо — взрослый дееспособный человек. Но не только. Коллективный субъект, например, армия, также обладает всем перечисленным, и мы можем наблюдать у военных фигуру командира со штабом при нём, круглосуточно занятых именно этой деятельностью. Гражданские структуры, что государственные, что коммерческие, устроены примерно по такому же принципу.

С человеческим обществом сложнее. Да, в нём есть так называемые властные структуры и правящий класс, но до сих пор на нашей планете не существует политического субъекта, объединяющего всё человечество. А в известной истории, особенно античной и средневековой, человечество было расколото на немыслимое количество территориальных образований, каждое из которых было гордым и самовластным, а их объединения были достаточно рыхлыми и часто временными или ситуативными, потому что главным мотивом объединения был частный интерес, он же выгода. Организованной группой и торговать, и разбойничать намного сподручнее, это понимали ещё на самой заре цивилизации.

Ну и кто тогда смог бы задумать и реализовать план построения «нового прекрасного общества», даже не важно, какого именно? Правильно, никто. Не было тогда такого (гео) политического субъекта. Да и сейчас нет, если брать масштаб всей планеты.

С другой стороны, наличие социального прогресса есть исторический факт. Какими могут быть его движу-

щие силы, если необходимого по науке субъекта планирования на нашу планету не завезли до сих пор?

Во-первых, не надо недооценивать потенциал сообществ, основанных на базовых мотивациях, иначе называемых традиционными. Это самая первая в человеческой истории форма социального объединения людей, известная в классической психологии как «первичная группа», она же «семья», включая её расширенные варианты: род, племя, тейп и так далее. Существуют и сравнимые по степени устойчивости сообщества, основанные не на кровнородственных связях, а на общем интересе, — кланы.

Кроме того, нельзя забывать и вполне эффективные объединения на основе той же выгоды, что коммерческой, что военной, то есть «акционерные общества» всех возможных видов, включая военные, политические, коммерческие и разбойничьи.

В сумме образуется системный потенциал, достаточный для социального прогресса на весьма продолжительный по историческим меркам период времени. Наивысшая возможная на таких основаниях ступень развития социума — это феодальное, оно же сословное государство. Базовые отношения внутри сословного общества — договорные, как в индивидуальном формате, так и коллективные. Они пронизывают феодализм насквозь, сверху донизу.

Даже осенённые благородным ореолом аристократизма отношения вассала и сюзерена — это они, родимые. Доблестный рыцарь служит владетельному князю и приносит ему клятву верности, но суть та же самая: за службу сюзерен вассалу платит. Формы платежа могут быть любые: титул, временный надел, поместье, передаваемое по наследству, феодален, майорат, денежное вознаграждение или доля в будущей добыче.

Феодальные территориальные единицы, начиная с баронств и заканчивая королевствами, плюс вольные города — это сложнейшая система договоров и взаимных



обязательств между сословиями и устойчивыми группами, способная существовать столетиями. Но за стабильность надо платить, и эта плата высока: отсутствие развития и крайняя неэффективность хозяйства, прямо связанная с основной мотивацией к труду у низших сословий, — это прямое принуждение, слегка задрапированное религией. Конкретная конфессия не важна, они все как под копирку проповедуют смирение и покорность хозяевам, с последующим воздаянием в загробном мире.

Поэтому феодальное общество даже не бедное — оно нищее. Совокупного национального дохода с трудом хватает на содержание одного королевского дворца и нескольких десятков замков попроще, и это на приличную европейскую страну. Даже главная опора власти, армия, не впечатляет. Какова численность военной аристократии вместе с остальными войсками на службе королю — несколько десятков тысяч на страну? Можно сравнить с новой капиталистической эпохой. Та же по территории Европа при переходе к капитализму смогла выста-

вить на поле боя Первой мировой войны несколько миллионных армий, вооружённых невообразимым для средневековья оружием, от магазинных винтовок у каждого пехотинца до линкоров, танков и аэропланов. Такова мощь индустриального производства и капиталистических социальных отношений. Откуда же это всё взялось?

ДРЕВНИЕ ИМПЕРИИ: НЕСИСТЕМНОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА

Неторопливый феодальный прогресс за несколько столетий хорошо отшлифовал сословное устройство общества, но намертво заблокировать назревающие революционные перемены всё же не смог. Сам по себе процесс перехода от Средневековья в Новое время очень интересен и многосложен, но одним из его маркеров стало появление системного проектного подхода, и прямой результат его применения на практике — появление империй.

Базовое сословное мироустройство в принципе не включает в себя имперский формат, потому что до-

говорные отношения, основанные на частном или групповом интересе, имеют жёсткий предел масштабирования вверх. Но тем не менее империи известны очень давно, со времён античности. Противоречие в теории? Не совсем.

Проектный подход требует субъектности, подкреплённой всеми необходимыми ресурсами. И то и другое во всех возможных сочетаниях может существовать и в глубокой древности, исключая эпоху традиционного, то есть первобытного, общества со своим традиционным экономическим укладом в виде натурального хозяйства.

Политические проекты той эпохи, даже самые успешные, не несли в тогдашнее мироустройство какой-либо принципиальной новизны, но уже имели в своей основе более сложные социальные механизмы.

Если античный или средневековый уклад по своей сути представлял собой что-то вроде акционерного общества, то есть объединение владельцев персон, тем или иным способом избравших или назначивших себе главного управленца для своего объединённого хозяйства, то любая



«Империя» уже на старте требовала как минимум предварительной проработки соответствующего проекта и обязательной мобилизации ресурсов под этот проект. И наличие такой схемы в реальности подтверждается исторической практикой.

Понятно, что строительство Империи, то есть великий военный поход, требует соответствующих ресурсов. Чтобы они появились в необходимом для завоевательного похода количестве, нужно договориться с теми, у кого они есть, то есть с местными землевладельцами, они же тогдашняя военная аристократия. Для этого нужен план будущего «великого военного похода», в том числе расчёт расходов и будущих приобретений, способных эти расходы покрыть с хорошей прибылью, ибо иначе смысла в нём нет.

Но это не всё. Чтобы завоевать «половину мира», а не разбить в пух и прах соседнего барона, одного военного превосходства мало. Да и не хватит ресурсов, чтобы победить совокупную военную мощь всех соседей, подлежащих плановому завоеванию.

Но успех всё же возможен, если военному противнику будет предложено нечто более интересное, чем битва в чистом поле. Например, выгоды от объединения в будущую Империю.

Таким образом, кроме расчёта мобилизационных ресурсов и плана предстоящих военных действий необходим концепт будущей Империи, демонстрирующий преимущества экономической и политической интеграции перед автохтонным существованием, подкреплённый военным превосходством, которое тоже требует предварительной подготовки.

Вот из этого исторически выросло понятие стратегической культуры, тогда ещё в своём первоначальном военном значении. Смысл здесь в том, что крупный геополитический проект нельзя реализовать только за счёт ресурсного превосходства.

Если для завоевания всех (или большинства) соседей своего ресурса



не хватает, то есть на поле боя одному против всех выходить резона нет, значит, необходимо применять социальные и политические технологии, на тот период достаточно примитивные, но вполне рабочие. Доказательством тому являются известные в истории античные и средневековые империи.

Внешнее влияние на окружающих соседей в целях их последующей интеграции в свою зону ответственности имеет целью создать привлекательный образ ну если не Нового мира, то хотя бы нового большого государства, где будет лучше, чем в нынешних. Ну и, конечно, необходимы гарантии (договорённости) в отношении правящих классов сопредельных территорий.

В чём могло тогда заключаться смысловое обоснование привлекательности предложения войти в будущую Империю? С экономической точки зрения такое вполне возможно: чем больше объём ресурсов под единым управлением, тем выше возможная степень разделения труда и тем выше его производительность (если Адам Смит, тогда ещё не родившийся, нас не обманул). Край-

не желательно наличие силового или экономического преимущества перед соседями (у Александра Македонского была фаланга).

Также необходимы не менее важные политические составляющие: оргкомитет будущей Империи должен предъявить на внешнем контуре достаточные гарантии, что он способен эти теоретические преимущества реализовать, а также обеспечить выполнение договорённостей с руководителями соседних стран или, как вариант, с оппозицией. Всё это вместе обычно называется «репутация». И она работает.

История знает много примеров империй того периода, но в нём нет ни одной глобальной. Это феномен уже следующей эпохи.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НОВОЙ ИСТОРИИ

Новая история, по классической версии, начинается с перехода от феодального уклада к капиталистическому. С точки зрения базовой социальной структуры принципиальной разницы нет. И тот и другой уклад построен на эксплуатации



одних людей другими, но вот в методах принуждения к труду есть принципиальная разница.

Феодализм предполагает в качестве нормы прямое принуждение к труду. Для устойчивости такой конструкции требуются максимально тёмные и необразованные сословия, обязанные по закону работать на своих хозяев, что вместе с социальным угнетением гарантирует очень невысокую производительность труда в целом по экономике.

Социальное устройство капиталистического общества другое. Насилие и принуждение никуда не исчезают, но из основного механизма принуждения к труду они становятся стабилизирующими. Уничтожение сословий, провозглашённые свобода и равенство, а также открытые возможности социальной динамики принципиально меняют мотивацию к труду у бывших крепостных, но эксплуатация никуда не исчезает, а просто превращается из сословной в классовую, причём, по странной случайности, в новом классе буржуазии весьма много бывших аристократов и торговцев, а из власти они так никуда и не ушли.

С точки зрения социальной психологии переход от феодализма к «свободному рынку» означает замену принудительной мотивации к труду на обман и манипуляции. Людей могут объединить, то есть высоко мотивировать на совместные действия, — помимо соображений общей выгоды — только две вещи: общий враг и общее дело. Если создать в умах трудящихся массовую иллюзию — «образ общего дела» (или общего врага, или и того и другого одновременно), то экономический эффект будет грандиозным.

С правовой точки зрения и насилие, и обман квалифицируются как «пороки воли», но это совершенно не мешало их тотальному применению в средневековом прошлом и по факту не мешает до сих пор. Но фантастический рост производительности труда в ходе буржуазного переустройства общества и про-

мышленных революций породил и новую стратегическую культуру. Технические достижения капитализма создали новые инструменты внешнего влияния, позволяющие создавать империи нового типа.

БРИТАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Нельзя сказать, что идея колонизации более отсталых стран и народов появилась лишь в Новое время, хотя научно-технический прогресс, прежде всего в вооружениях и мореплавании, дал грандиозный толчок в этом направлении. Но в принципе, грабить и поработать более слабых умели ещё в античности, равно как и подкупать местных вождей, чтобы они поставляли в рабство своих же соплеменников. Но Британская империя представляет собой качественно иной уровень развития цивилизации и, в том числе, демонстрирует эффективность проектного подхода в геополитике.

Нельзя сказать, что Великобритания была единственной колониальной державой или хотя бы первой в очереди, но зато эта империя, где никогда не заходило Солнце, довольно долго была единственным геополитическим субъектом того времени на фоне множества региональных игроков классом пониже, а также дала образец для подражания другим.

Фантастический рост производительности труда в ходе буржуазного переустройства общества и промышленных революций породил и новую стратегическую культуру. Технические достижения капитализма создали новые инструменты внешнего влияния, позволяющие создавать империи нового типа. Британская империя представляет собой качественно иной уровень развития цивилизации и, в том числе, демонстрирует эффективность проектного подхода в геополитике.

В отличие от прошлых веков, прославленных любительскими грабежами и дилетантским морским разбоем, Британия, находясь на старте геополитической гонки в эпоху Великих географических открытий, подошла к строительству своей будущей колониальной империи вполне профессионально. Если поставлена цель нового, ранее не виданного масштаба, то для её достижения логично применить технологии соответствующего уровня, а если их нет, то создать их самим. И такие технологии были созданы.

Существовавшая стратегическая культура, точнее, её слабенькая тень из прошлых веков, вполне эффективно обеспечивала внешнее влияние на соседей, даже весьма отдалённых, но перед тогдашней Британией была поставлена задача ни много, ни мало взять под внешнее управление целый субконтинент — гигантский полуостров Индостан.

Очевидно, что военного решения эта задача не имела. Взять силой гигантскую территорию с парой сотен миллионов человек населения — нужна полноценная оккупационная армия численностью от 10 до 50 миллионов солдат. А ещё следует учесть транспортное плечо протяжённостью в два океана, да ещё на парусниках... Нереально и даже сказочно.

Но эта задача была решена.

Что представлял собой геополитический проект Британской коло-



Под задачу построения мировой колониальной системы пришлось создать новую искусственную социальную группу, способную обеспечить внешний контроль метрополии над своей будущей периферией. Это компрадоры. Для этого нужно выполнение нескольких важных условий, среди которых ключевое — это наличие так называемого цивилизационного превосходства. Правящий класс будущей колониальной периферии должен поверить, что пришельцы издалека — выше. Тогда появится возможность выявить внутри местного правящего класса «слабое звено», которое пойдёт на сотрудничество. Потому что служить более высокой цивилизации и нести культуру тёмным народам это не предательство, а благородная миссия.

ниальной империи с организационной точки зрения?

Если не уходить в богатейшую тему исторических корней и ограничиться временными рамками существования Британской империи, то одним из ключевых участников этого проекта в порядке старшинства, бесспорно, была Ост-Индская компания. Та самая, которая ранее была Голландской, и только потом Британской, сменив локацию своей штаб-квартиры.

Британская Ост-Индская компания была носителем и оператором проекта будущей колониальной империи. Там разрабатывались и обкатывались на практике технологии проникновения в целевые социальные группы, методики внешнего контроля и управления, а также общее администрирование.

Именно её офицеры тащили на себе всю тяжесть «бремени белого человека» на чужих землях, во враждебном окружении, работали с туземными царьками, налаживали связи и систему внешнего управления, контролировали ввоз в колониальные земли войск, оружия и средств психологического контроля (тогда ещё растительного происхождения), а также вывоз от-

туда разнообразных колониальных товаров в метрополию.

Второй по важности участник проекта Британской империи — Банк Англии. В задачи этой новаторской на тот момент структуры входило финансовое обеспечение проекта, а также денежное обращение, бюджет и вся иная деятельность, связанная с этой сферой.

Ещё один участник — Британский королевский двор, то есть военная, поместная и духовная аристократия, поскольку по местным традициям король был не только светским правителем, но и главой Англиканской церкви. Задачи для власти были (и есть) вполне традиционные, то есть обеспечение порядка и управления на землях метрополии, а также не менее важная функция кадрового и организационного резерва для нужд проекта и его оператора — Ост-Индской компании.

К настоящему времени, когда колониальная система формально распалась, эти функции сильно изменились, но в целом сохранились и даже расширились, потому что прогресс в науке и технике подарил нам новые отрасли, имеющие глобальное значение, которые тоже надо контролировать.

НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА НОВОГО ТИПА

Под задачу построения мировой колониальной системы пришлось создать новую искусственную социальную группу, ранее не существовавшую, но зато способную обеспечить внешний контроль метрополии над своей будущей периферией. Это компрадоры.

Если вооружённое вторжение невозможно или невыгодно, то взять под контроль другую страну можно, если расколоть её правящий класс и привлечь определённую его часть к себе на службу. Для этого нужно выполнение нескольких важных условий, среди которых ключевое — это наличие так называемого «цивилизационного превосходства».

Правящий класс будущей колониальной периферии должен поверить, что пришельцы издалека — выше. Культурно, технологически, в быту, на войне. Так, чтобы местный раджа, расшитый золотом и алмазами, чувствовал себя натуральным дикарём перед лощёным колониальным офицером во всём блеске военной формы и европейской амуниции. Тогда появится техническая возможность выявить внутри местного правящего класса «слабое звено» (фигурам первой линии тамошней политики и так хорошо), которое пойдёт на сотрудничество. Потому что служить более высокой цивилизации и нести культуру тёмным народам это не предательство, а благородная миссия.

А если это поддержано невероятно прекрасными артефактами иной высочайшей культуры (бусами, зеркальцами, погремушками, огнестрельным оружием и т. д.), а также весьма разнообразной помощью в местной внутривнутриполитической борьбе, то такое сотрудничество с пришлой цивилизацией для отдельных представителей местного истеблишмента становится весьма привлекательным. Можно даже в конце карьеры уехать жить с чадами и домочадцами на Благословенный Остров.



Со временем отдельные агенты внешнего влияния структурируются в обособленную социальную группу компрадоров внутри местного правящего класса, противостоящую условным «патриотам». В условиях собственной феодальной раздробленности и при многосторонней внешней поддержке, в том числе военной, компрадоры получают реальный шанс вытеснить остальных с ключевых политических и административных позиций и обеспечить управление своей страной во внешних интересах.

В Индии получилось.

Почему социальная группа компрадоров является искусственно созданной?

Потому что эта группа имеет чисто служебное назначение. О чём никогда не сообщают местной туземной элите при вербовке в компрадоры — это их статус «расходника». Часть местного правящего класса, согласившаяся выполнять

функции компрадоров, теряет связь со своей страной, потому что по факту совершает предательство, всеми силами обеспечивая реализацию внешних интересов за счёт своей бывшей родины.

В принципе, вроде бы разумная сделка, ведь плата высока. Проблема в том, что для самозванных хозяев из метрополии компрадоры никогда не становятся своими. Ни по крови, ни по духу, ни по статусу. Использовать жадных туземных царьков в собственных интересах можно и нужно (даже необходимо), но в самом деле принимать в свой круг...

По исчерпанию своих функций компрадоры подлежат утилизации, а не вознаграждению за труды. «Оказанная услуга — не услуга» и «Рим предателям не платит». Лондон, кстати, тоже. По общему итогу, естественно.

В дальнейшем Британская империя значительно расширила область применения компрадоров, и эта

франшиза используется по сей день, меняя внешние формы, но сохраняя суть. Именно этот класс обеспечивает внешний контроль метрополии над (нео)колониальной периферией, гарантируя вывоз по бросовым ценам ресурсов в обмен на высокотехнологичную роскошь и статус «допущенных к цивилизации».

Почему колониализм ограничен по времени существования?

Это связано с искусственным генезисом ключевого элемента колониализма — социальной группы компрадоров. Если военная интервенция невозможна, то компрадоры остаются единственным инструментом внешнего управления и контроля над колониальной периферией.

В отличие от нормальной административной вертикали, внешнее управление колониальной периферией построено на иных принципах. Там нет нормальной властной иерархии, и нужное поведение агентов внешнего влияния обеспечивается





не системой служебных отношений, а через манипуляции мотивами, в основном, естественно, корыстными. А это принципиально более слабый механизм, не сравнимый с нормальной административной вертикалью.

Манипуляции — это форма обмана, а значит, существуют базовые ограничения эффективности. На старте компрадорского проекта сила внушения велика, «цивилизационное превосходство» работает в полную мощь, и местные неопиты, полные священной радости от приобщения к Великой культуре метрополии, обеспечивают тысячи процентов прибыли.

Но уже во втором-третьем поколении до самых тупых компрадоров начинает доходить, что в построенной колониальной системе они — ключевое звено. А значит, перво-

начально дарованных им условных «двух процентов Миши Касьянова» уже мало. К тому же сливки с периферии уже сняты, самое сладкое и легкодоступное уже вывезено, население стало беднее и злее...

В общем, рентабельность колониального механизма падает. Компрадорам надо платить больше, вывозить получается меньше, и через какое-то время содержание колоний становится убыточным.

ЛЮБОЙ ЭФФЕКТИВНЫЙ БИЗНЕС В КОНЦЕ ВСЕГДА ПРЕДПОЛАГАЕТ ЭВАКУАЦИЮ

Как происходит выход из колониальной системы, когда она пересекает грань нулевой рентабельности? Она превращается в неоколониальную. Принцип простой и классический для капитализма: приватизация

прибылей и национализация убытков. Для Британской Индии этот рубеж наступил в начале XX века.

Но к тому моменту в самой метрополии сформировалась крайне влиятельная прослойка высшей знати, построившей свою карьеру на грабеже колоний. Многие известнейшие фамилии поколениями служили Британской империи, вывезя богатств за полтора века владычества в общей сложности на фантастическую сумму в 45 триллионов долларов (по расчётам индийских экономистов в современных деньгах).

Но параллельно с ними стала вырастать другая, «молодая» британская элита, тоже служившая в колониях и в большей мере тянувшая наиболее тяжёлую часть работы. И по этой причине намного лучше представлявшая себе реальное по-



ложение дел в Индии. Полтора века британского внешнего управления закономерно привели к грани гражданского противостояния.

Да, восстание сипаев было подавлено, как и сотни других вооружённых выступлений, но гарантий вечных побед не существует. А прежних колониальных доходов больше нет и не предвидится. Надо что-то делать, иначе индийцы сделают всё сами. Но влиятельные люди против...

Какой выход нашла молодая часть британской колониальной элиты? Был использован древний, но не теряющий эффективности приём: не можешь предотвратить — возглавь. И был нанят Махатма Ганди.

Индийское народно-освободительное движение с учётом местных традиций и под руководством местных авторитетных людей было аккуратно переформатировано в «ненасильственное сопротивление» (кровь белых цивилизованных людей ни в коем случае не должна быть пролита местными туземцами).

И довольно скоро, по историческим меркам, британское владычество в Индии кончилось, и старые заплесневелые львы британской колониальной короны, несмотря на их яростное сопротивление, были мягко отодвинуты в сторону. А британское влияние в Индии осталось.

Да, теперь суверенная Индия решает свои внутренние и внешние проблемы за свой счёт. Но это не мешает иностранным компаниям вывозить прибыль в метрополию. Да, поменьше, чем в позапрошлом веке на чайных клиперах, но зато накладные расходы сейчас в основном на местных.

А чтобы проблемы у местных не заканчивались, из состава прежде единой страны был вырван целый кусок, который сейчас называется Пакистан («страна чистых»). Индия всегда была многонациональной и многоконфессиональной страной, как и новообразованный Пакистан, но это не помешало вбить клин в когда-то единый народ и добиться

многолетнего военного противостояния между частями бывшего единого государства.

Хороший геополитический проект живёт долго и даже при значительном изменении внешних условий способен к ним адаптироваться. Франшиза британского колониального проекта разошлась по миру во множестве копий, и все амбициозные государства, желающие обрести собственные колонии, повсюду использовали британский опыт и технологии их стратегической культуры, разве что с некоторыми национальными особенностями.

Но текущий этап развития этой системы близок к завершению. Колониальная франшиза, даже в современной неоколониальной форме, себя исчерпала. Колонии более не способны приносить достаточную прибыль, а метрополии в принципе не способны поддерживать привычный уровень жизни, что ставит под угрозу само их «цивилизационное превосходство». И вот неоколониальная мягкая сила потихоньку сходит со сцены, вслед за уже отжившими своё колониальными методами. Тому есть свежие примеры.

СУДЬБА КОМПРАДОРОВ: КАБУЛЬСКИЙ КЛУБ СКАЙДАЙВИНГА

Когда в Афганистане подошло к концу время прямой американской оккупации, «воины света и демократии», выполнив свои задачи на местности, приступили к плано-

вой эвакуации. Военный и гражданский персонал, прихватив с собой местного президента Хамида Карзая, в организованном порядке погрузился в армейские транспортные самолёты и направился домой, чтобы готовиться там к новым подвигам во имя Свободы.

А вот сотрудники американских административных структур из числа местных аборигенов были вынуждены цепляться за шасси могучих C5 Galaxy и лететь в «свободный мир» как бы вместе с бывшими хозяевами, но снаружи самолёта.

К сожалению, бывшим моджахедам и бывшим американским хиви не удалось удержаться голыми руками за гладкую обшивку транспортника и пришлось вынужденно перейти в режим свободного полёта. Эта эпическая картина, запечатлённая в нескольких видеороликах, получила наименование «Кабульский клуб скайдайвинга». Самое интересное, что с точки зрения этики, эстетики и права к американцам, не пустившим своих бывших сотрудников в свой самолёт, никаких претензий нет. И быть не может.

Бывшие афганцы добровольно нанимались на службу в иностранную армию (понятно, не напрямую в штат Пентагона, Госдепа или ЦРУ, а в специально созданные «местные» структуры) и получали там огромные по тамошним меркам деньги.

А по завершении контракта афганским хиви были выплачены все причитающиеся бонусы, на чём плодотворная совместная работа была

Франшиза британского колониального проекта разошлась по миру во множестве копий, и все амбициозные государства, желающие обрести собственные колонии, повсюду использовали британский опыт и технологии их стратегической культуры, разве что с некоторыми национальными особенностями. Но текущий этап развития этой системы близок к завершению. Колониальная франшиза, даже в современной неоколониальной форме, себя исчерпала.



Проблема победившего миропроекта, известного как «свобода и демократия», «рыночная экономика», а также «естественный путь развития человечества», в том, что он в принципе не способен создать на своей основе глобальный политический субъект, объединяющий всё человечество или его основную часть. Тому есть фундаментальная причина: социальная организация, основанная на приоритете частного интереса над общим, имеет неустрашимый предел масштабирования вверх.

закончена. Работодатели улетели на свою родину, а бывшие местные работники, что вполне логично, были оставлены на месте. Ведь никто и никогда не гарантировал афганской бросовой агентуре эвакуацию в безопасный «цивилизованный мир», ну разве что бывшему их президенту, уже упомянутому выше Карзаю, со своей шайкой.

И если афганцы в своей массе искренне ненавидели американцев вместе с их туземными прихлебателями, так это никем и не скрывалось (просто невозможно). Никто ведь не мешал афганским компрадорам и их обслуге заранее озаботиться своей будущей судьбой, тем более американские деньги у них были. Так что претензии, буде таковые возникнут, то только в зеркале.

Да, конечно, неокolonизаторы, как всегда, всеми силами создавали у своей же бросовой агентуры иллюзию собственной важности, незаменимости и исконной принадлежности к Высокой цивилизации. Но никто никого не лишал разума и возможности реально оценить своё положение. Да и карму предателя никто не отменял.

Потому Кабульский клуб скайдайвинга вполне закономерен, логичен и даже справедлив. И всегда готов открыть свои филиалы в столицах других государств, где в товарных количествах пребывают пока ещё счастливые компрадоры со своей челядью.

МЯГКАЯ СИЛА СОВРЕМЕННОСТИ

Можно ли утверждать, что сейчас в мире действительно существует геополитика как таковая? Формально — да. В текущем моменте вполне реально присутствуют политические субъекты, располагающие влиянием и ресурсами планетарного масштаба.

Но если рассматривать геополитику как «конкуренцию миропроектов», то можно констатировать, что после уничтожения Советского Союза в мире остался один такой проект, хотя и представленный в виде значительного числа франшиз, до сих пор копящих модель Британской колониальной империи, слегка модернизированной до уровня современного американского неокolonизма, иногда вполне справедливо называемого империализмом.

Многочисленные варианты организации периферии, обслуживающей глобальную метрополию, от прямого внешнего управления, известного в XX веке как «банановая республика», до всевозможных европейских и латиноамериканских липовых демократий, на полноценный миропроjekt не тянут в силу своего строго служебного характера и назначения.

Проблема победившего миропроекта, известного как «свобода и демократия», «рыночная экономика», а также «естественный путь развития

человечества», в том, что он в принципе не способен создать на своей основе глобальный политический субъект, объединяющий всё человечество или его основную часть. Тому есть фундаментальная причина: социальная организация, основанная на приоритете частного интереса над общим, имеет неустрашимый предел масштабирования вверх.

Если в ходе текущего управления выбирать частный интерес, это всегда ведёт к ущербу общим интересам. И верхняя страта общества, построенного на таких принципах, неизбежно рассыплется на отдельные группы, спаянные внутри себя более могущественной мотивацией, нежели ситуативная выгода. К числу таких мотиваций, способных обеспечить внутреннюю сплочённость и управляемость группы до уровня полноценного политического субъекта, относятся древние и весьма архаичные родоплеменные отношения и несколько более современные клановые.

Но у них тоже есть свой врожденный ограничитель: кровные и клановые связи сильны, но охватывают лишь относительно малое число людей. По известному опыту всего человечества ядро таких групп не превышает примерно сотни сподвижников, что ограничивает масштаб технически возможной пирамиды управления.

Историческая заслуга (условной) Британской империи в том, что тогда смогли найти социальный инструмент, класс компрадоров, способный расширить зону влияния и эффективность управления в интересах относительно небольшой социальной группы (метрополии, точнее, её правящего класса, ещё точнее — конечных бенефициаров проекта) до невиданных доселе масштабов — приблизительно четверти площади суши и более двадцати процентов населения планеты.

Выше этого предела такая система расти не может, и любое влияние вне своего периметра становится всё более рыхлым: чем шире, тем слабее.



Исторический пример XX века: специальная операция по сносу четырёх условно европейских империй, Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской, известная как Великая (или Первая мировая) война.

Великобритании с поделщиками бесспорно удалось повернуть это масштабное военное преступление, но его результатами воспользоваться в полной мере не удалось: прямо сразу, ещё в ходе войны, возникла Советская Россия, а к середине века роль глобального гегемона вообще переползла к Соединённым Штатам, превратив Великобританию в их сателлита, сохраняющего влияние в основном за счёт наличия богатейшего опыта и компетенций в использовании социальных технологий геополитического масштаба, отработанных ещё на Индии.

В итоге любой геополитический проект, свёрстаный на такой основе, не имеет шансов взять под своё полное влияние всё человечество, что приводит нас к картине всемир-

но-исторического «Колеса сансары»: в начале влияние проекта растёт, затем достигает предела, далее метрополия раскалывается внутри себя на организованные правящие группировки, начинается внутренняя конкуренция, и в финале проект рушится и перестаёт быть глобальным, распавшись на куски. Это всё до боли напоминает античный миф о Сизифе и его камне. Далеко видели древние, прямо до наших дней...

А для исключения любой альтернативы описываемые циклы всеми способами представляются в публичном пространстве как неумолимая реальность, вызванная неподвластными человеку «слепыми стихийными естественными силами».

Смысл здесь простой: любой ценой сохранить существующий привилегированный статус конечных бенефициаров господствующего миропроекта, позволяющий им до сих пор контролировать и перераспределять производимые человечеством блага преимущественно в свою пользу.

Неустрашимый порок данной картины мира — в системной подмене: причины кризисов не связаны с космическими катаклизмами или чем-то подобным, а лежат исключительно в социальной плоскости. А внутри социума при любом его масштабе определяющей силой является человеческая воля (естественно, не индивидуальная, а коллективная). А она людям как раз вполне подвластна.

С научной точки зрения в социальных системах не может быть единственно возможной иерархии внутренних приоритетов: если живой человеческий интерес (мотив) не единственный, то жестокая математика утверждает, что расставить их можно по-разному.

В предельно простом случае можно взять всего два «интереса»: общий и частный. Если мы видим временное торжество системы, построенной на приоритете частного, значит, неизбежно должен существовать вариант мироустройства, где приоритетом будут общие интересы.



И с той же научной точки зрения такой вариант имеет принципиальное преимущество. Если главный приоритет за частным интересом, то он может быть генерализован вплоть до полного подавления общего. В обратном варианте такое невозможно: уничтожение частного интереса общим приведёт к исчезновению его самого, потому что общее целиком состоит из частного и более не из чего.

В том числе потому, что любой коллективный субъект состоит из физических лиц (или менее крупных коллективных субъектов) и обязательно сохраняет субъектность каждого, в него входящего. Нарушение этого правила — чёткий признак так называемой «тоталитарной секты», потому что люди объединяются в прочные союзы только по собственной воле. Например, простейший вариант, семья: человек заключает брак и тем самым ставит интересы своей семьи и будущего потомства выше своих личных, но личностью быть не перестаёт и воли своей не теряет.

А если человек, вступающий в брак, не хочет ставить интересы

семьи выше своих, что тогда? Получится «брачный контракт», то есть обычное сожительство, юридически представляющее из себя взаимные обязательства участников, то есть договор. Иначе говоря, не субъект (в социальном плане).

Возвращаясь на геополитический уровень, необходимо отметить, что XX век, в отличие от текущего момента, представлял собой полноценную геополитическую конкуренцию. Потому что существовал Советский Союз, а после Второй мировой войны — вполне полноценная Мировая система социализма, включающая в себя глобальную экономическую структуру, Совет Экономической Взаимопомощи и собственный военный блок — Организацию Варшавского договора.

По численности населения, мировому влиянию и военной силе эта система вполне противостояла «свободному миру» и даже имела все основания претендовать на победу в геополитической борьбе, то есть создать то, что в 20–30-х годах XX века имело неофициальное название Земшарная Республика Советов.

Главным системообразующим фактором могущества социалистического мира была не его военная или экономическая мощь, а то, что в используемых здесь терминах называется стратегической культурой или «мягкой силой».

В отличие от обычного вооружённого конфликта победа в геополитической конкуренции невозможна только за счёт военной или экономической мощи. Пример: 1945 год, создание Организации Объединённых Наций, где СССР получил статус, равный другим державам-победителям во Второй мировой войне. На тот момент одни Соединённые Штаты обеспечивали приблизительно 55 процентов мирового промышленного производства. То есть в одиночку превосходили весь остальной мир, вместе взятый, а в Мировом океане имели такое же тотальное военное превосходство.

Но Советский Союз ещё в 1945 году добился равного статуса со своими «союзниками», то есть геополитическими конкурентами, именно за счёт своего идеологического и социального превосходства: предлагаемый и продвигаемый СССР мировой про-





ект был более привлекательным, чем Западный, и к тому же находился на подъёме, то есть в стадии роста и усиления, а проект Запада уже начал неотвратимое скольжение вниз.

Советский Союз удалось остановить, а позднее и разрушить. Причин тому много, но можно выделить одну из системных. В СССР была создана так называемая мобилизационная система государственной власти. Это решение было вынужденным и даже единственно возможным, но тотальная мобилизация имеет свою цену: эффективность прямого директивного управления достигается за счёт упрощения структур обратной связи.

То есть власть становится уязвимой для атаки высшего её звена. В норме, при нормальной структуре правящего класса, даже прямое устранение первых лиц государства не приведёт к коллапсу системы. «Обратная связь» обеспечит изоляцию и уничтожение заговорщиков, а также сможет сформировать новое высшее руководство, способное пресечь попытки навязать другой курс.

ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Единственным возможным путём восстановления геополитической конкуренции и, что то же самое, выхода из беличьего колеса «демократического свободного рынка» является возврат в текущую мировую повестку проекта, предполагающего создание глобального государства, построенного на приоритете общих интересов всего человечества. Любой другой путь приведёт к очередной остановке социального, а потом и технического прогресса и возврату в сословный строй.

Сегодня контроль над глобализованной экономикой по факту осуществляется в форме картельного сговора. Это сложная непубличная система взаимных договорённостей между влиятельными группами разных уровней, но она не субъектна.

Кроме того, «тайный» характер глобального контроля — это при-

Единственным возможным путём восстановления геополитической конкуренции и, что то же самое, выхода из беличьего колеса «демократического свободного рынка» является возврат в текущую мировую повестку проекта, предполагающего создание глобального государства, построенного на приоритете общих интересов всего человечества. Любой другой путь приведёт к очередной остановке социального, а потом и технического прогресса и возврату в сословный строй. Все составные элементы такой системы уже существуют и опробованы на практике, необходим лишь соответствующий проект, пригодный для выполнения задачи такого масштаба.

знак не силы, а слабости. Такая деятельность всегда противозаконна и квалифицируется современным уголовным правом как «конфликт интересов», «коррупция» или «государственная измена».

Первый шаг — это отказ от тайных договорённостей, то есть переход от сговора к системе соглашений. Далее — формирование глобального субъекта управления, то есть повышение уровня его внутренней интеграции (классический путь от картеля к синдикату и далее — к тресту).

Все составные элементы такой системы уже существуют и опробованы на практике, необходим лишь соответствующий проект, пригодный для выполнения задачи такого масштаба. В его основе должна быть современная общественно-политическая доктрина, отвечающая самым высоким научным стандартам, то есть непротиворечивая, убедительная и способная сформировать образ будущего, привлекательный для всех основных социальных групп любой страны. Научная часть доктрины должна включать в себя адекватные математические модели сложных социальных и экономических процессов — это не только качественно более высокая убедительность, но и мировой приоритет в этой области.

Такой проект в пределе может быть только общемировым — на региональном или национальном уровне невозможно противостоять современным геополитическим силам, выражающим интересы конечных бенефициаров текущего мироустройства, то есть весьма закрытых и малочисленных. Отсюда, в частности, следует, что для нейтрализации непрямого, но очень эффективного влияния таких достаточно узких групп не требуется мировая война — достаточно формата стандартной полицейской операции.

При этом социальные силы, жизненно заинтересованные сохранить глобальный характер экономической системы и располагающие всеми необходимыми ресурсами, также существуют — это современный класс высших управленцев и технократии, которым не будет равноценного места в будущем мире, разделённом на «валютные зоны». Например, высший генералитет армии США и блока НАТО в мире будущих «макрорегионов» просто будет не нужен никому — и уйдёт с небытием по той же технологии, что была реализована при раздроблении СССР на такие же «регионы».

Стратегическая культура, прежде всего в формате «мягкой силы», — главный инструмент возвращения всего человечества обратно на путь прогресса.



/ Дмитрий ЗЕЛЕНЦОВ /

Мир ПОСРЕДСТВОМ СИЛЫ

*Американские глубинные правые:
история и современность*



Одной из основ глубинной динамики Соединённых Штатов, которая оказывает прямое влияние на внешнюю политику Америки, является противостояние либеральной и консервативной элиты. Каждого американского президента поддерживает консорциум глубинных политических фракций и групп интересов, которые представляют тот или иной лагерь. В итоге ключевые посты в каждой администрации получают оперативники той клики, которая помогла данной администрации прийти к власти (причём зачастую одни и те же фигуры переходят от администрации к администрации). Эта глубинная динамика, впервые проявившаяся перед Второй мировой войной, стала доминировать в американской политике с первых лет холодной войны. По завершении данного глобального конфликта внутриэлитарное противостояние в США ослабло совсем ненадолго и вновь обострилось уже в новых условиях в начале XXI столетия.

Олицетворением либерального лагеря традиционно выступают те, что исторически называют *Восточным истеблишментом*. Это сообщество в основном состояло из американских семей со «старыми деньгами». Хотя некоторые из них сделали свои состояния в тяжёлой промышленности, их главной финансовой прерогативой долгое время были банковское дело и международная торговля, что обусловило их глобальные («глобалистские») интересы. В итоге это либерально-глобалистское крыло поддерживает многостороннюю внешнюю политику (прежде всего, через ООН), обычно предпочитает воздерживаться от интервенционизма, отдавая предпочтение дипломатии и мягкой силе, и в целом выступает против резкого увеличения расходов на оборону.

В противовес ей действует право-консервативная элита, основой которой изначально стали техасские нефтепромышленники. Позднее, уже после Второй мировой, данный лагерь пополнился представителями

генералитета, лоббистами гигантов американского ВПК, представителями правых кругов ЦРУ и в целом «государства национальной безопасности». Это крыло выступает за одностороннюю внешнюю политику, активно поддерживает военные вмешательства (жёсткая сила вместо мягкой) и фанатично выступает за увеличение расходов на оборону и меры «национальной безопасности».

Обе эти точки зрения присутствуют в обоих партийных лагерях, демократическом и республиканском, так что ни один американский президент никогда и ни в коей мере не был «политическим аутсайдером» — все президенты практически всегда имеют тайные и/или открытые связи с лоббистскими группами в сфере внешней политики и сетями аналитических центров, представляющими тот или иной глубинный консорциум.

При этом если либеральный лагерь США в достаточной степени на слуху, то консервативный не столь известен отечественному читателю. Поэтому именно о нём мы и поговорим в данном материале. В центре нашего внимания окажутся такие флаги правого глубинного консорциума, как Комитет по текущей опасности, Американский совет безопасности и Центр политики безопасности, их открытая и теневая деятельность, связи с администра-

циями, ВПК и разведкой. По итогам нашего экскурса мы обозначим общие мировоззренческие установки праворадикальной консервативной элиты Соединённых Штатов, которая сохраняет своё влияние вплоть до настоящего времени.

ЧЕТЫРЕЖДЫ РОЖДЁННЫЙ: КОМИТЕТ ПО ТЕКУЩЕЙ ОПАСНОСТИ

Ветераном правого лагеря, без сомнения, является Комитет по текущей опасности (Committee on the Present Danger, CPD), созданный в 1950 году (позднее он возрождался целых три раза!).

Его появление было связано с директивой Совета национальной безопасности № 68 (NSC 68), которую подготовил Пол Нитце, директор по политическому планированию Госдепартамента, и которая определила доктрину холодной войны для США. Согласно этому документу, целью СССР было распространение коммунизма на весь мир. По прогнозу Госдепартамента в ближайшие несколько лет Советский Союз обзаведётся арсеналом ядерного оружия, которое он в среднесрочной перспективе использует для уничтожения своего главного противника — оплота свободы, то есть Соединённых Штатов. Отсюда и название организации, которая должна была мобилизовать общественное мнение страны, со-

Основой право-консервативной элиты изначально стали техасские нефтепромышленники. Позднее, уже после Второй мировой, данный лагерь пополнился представителями генералитета, лоббистами гигантов американского ВПК, представителями правых кругов ЦРУ и в целом «государства национальной безопасности». Это крыло выступает за одностороннюю внешнюю политику, активно поддерживает военные вмешательства (жёсткая сила вместо мягкой) и фанатично выступает за увеличение расходов на оборону и меры «национальной безопасности».



всем недавно вышедшей из мирового военного конфликта, в поддержку новой активной милитаризации против «текущей опасности», т. е. предполагаемой советской угрозы.

Для создания Комитета пригласили Эдварда Баррета, главу Межведомственного совета по психологической стратегии (IPSB), который также стоял у руля журнала Newsweek, чтобы он, по сути, разработал операцию по манипулированию общественным мнением. Комитет, представленный как неполитическая группа граждан, начал активную кампанию в СМИ в пользу срочного усиления национальной обороны.

Среди организаторов комитета были директор Совета по международным отношениям Фрэнк Альтшул, глава американской разведки во время Второй мировой войны Уильям Donovan, видный учёный Ванневар Буш, генерал и будущий президент Дуайт Эйзенхауэр.

Уже за первые три года своей работы Комитет оказал такое влияние, что Трумэн смог утроить военный бюджет и провозгласить политику «сдерживания» СССР. Было создано Армейское агентство по баллистическим ракетам (ABMA), в котором важную роль играл Вернер фон Браун. Кроме того, Трумэн приказал даже разработать проекты создания военно-космического арсенала.

Новая итерация Комитета по текущей опасности пришлась на 70-е годы, когда Генри Киссинджер, отходя от доктрины «сдерживания» во имя реальной политики, предложил программу разрядки с СССР. В 1972 году были подписаны Договор по ПРО и Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), что повергло в смятение ветеранов консервативного лагеря. После падения Сайгона Конгресс положил конец любым потенциальным военным мероприятиям и резко сократил военный бюджет, а также, в частности,

средства на космические программы. Кроме того, Уотергейтский скандал и последующие расследования Конгресса в отношении ЦРУ сократили возможности задействовать в глубинных операциях государственные структуры и заставили оперативников глубинной политики искать частные возможности для осуществления своей деятельности (см. LeCercle¹ и Сафари-клуб).

В этой обстановке в администрации тогдашнего президента Джеральда Форда разразился конфликт между Киссинджером, занимавшим сразу две должности — госсекретаря и помощника по национальной безопасности, и представителями право-консервативного лагеря. В конце концов этот конфликт привёл к масштабной перетряске администрации, произошедшей 3 ноября 1975 года и получившей известность как «резня на Хэллоуин». Форд, желая угодить и сторонникам разрядки, и право-консервативному лобби, оставил Киссинджера на посту госсекретаря, но должность советника по национальной безопасности отдал генералу Бренту Скоукрофту. Джеймса Шлезингера на посту министра обороны сменил Дональд Рамсфельд, был назначен новый глава администрации Белого дома, которым стал Ричард Чейни (будущий всемогущий вице-президент при Буше-мл.). Наконец, Форд также уволил директора ЦРУ Уильяма Колби и назначил на его место Джорджа Буша-ст.

Параллельно с этим развивалась и довольно тонкая лоббистская кампания, которую проводили представители право-консервативного лагеря. Вслед за влиятельным аналитиком из корпорации RAND Альбертом Вольстеттером такие фигуры, как Пол Нитце, Юджин Ростоу и Уильям Ван Клиф, обвинили ЦРУ в хронической недооценке советского военного потенциала. На помощь им в этом пришли представители

неоконсервативного израильского лобби — сенатор-демократ Генри Джексон и Ричард Перл.

В результате президент Форд решил устроить соревнование на «лучшую» оценку советской мощи. Эксперты ЦРУ сформировали «команду А», а независимые эксперты (естественно, из консервативного лагеря) объединились в «команду Б», которую возглавил Ричард Пайпс, историк из Гарварда и специалист по России. В число его консультантов входили, к примеру, ученик Вольстеттера Пол Вулфовиц и Пол Нитце, который, как мы видели, сыграл важную роль в создании Комитета по нынешней опасности (CPD) в 1950 году.

Обе команды для проведения анализа имели доступ к наиболее конфиденциальной информации различных разведывательных служб. Они представили свои отчёты на Президентском консультативном совете по внешней разведке (PFIAB) 21 декабря 1976 года, буквально за несколько дней до вступления Джимми Картера в должность нового президента. В итоге было быстро признано, что предыдущие оценки ЦРУ оказались ошибочными и что СССР готовился к нападению на Соединённые Штаты.

Отчёт «команды Б» стал эффективным предложением для возобновления Конгрессом проектов различных вооружений, в частности, военно-космических проектов (программы «космических челноков»), что Картер уже не смог отыграть назад.

Но и этого, казалось, было мало. В 1976 году на свет появляется новое воплощение Комитета по текущей опасности. Но если первое явление CPD произошло с подачи администрации, то второе, наоборот, оказалось в оппозиции действующей власти, а именно, президенту Картеру. Комитет выступал против политики разрядки и нового договора об ограничении стратегических во-

¹ О влиятельной в теневой политике группе Le Cercle подробнее см.: Дм. Зеленцов. Le Cercle. Глубинная политика Европы. // «Изборский клуб. Русские стратегии», 2021, №11–12 (97–98), с 60–79.



оружий (ОСВ-2), подспудно готовя «революцию Рейгана».

В Комитет тогда вошли сам будущий президент Рональд Рейган, а также 33 будущих сотрудника его администрации. Среди его членов были будущий директор ЦРУ Уильям Кейси, бывший видный функционер ЦРУ Рэй Клайн, дипломат-неокон, будущий посол США в ООН Джин Киркпатрик, Лайман Лемницер, руководитель объединённого комитета начальников штабов при Кеннеди, уже известный нам Пол Нитце, патриарх неокон Норман Подгорец, помощник по нацбезопасности президента Джонсона Юджин Ростоу, миллиардер Ричард Меллон Скейф, отец водородной бомбы и будущий архитектор СОИ Эдвард Теллер.

В течение четырёх лет президентства Картера члены CPD были своего

рода «теневым кабинетом» на службе будущего кандидата от Республиканской партии. Они преследовали Картера, обвиняя его в том, что он настолько подвержен «вьетнамскому синдрому», что не может сохранять хладнокровие в периоды кризиса, и теряет Иран.

Третье явление CPD имело место в 2004–2008 гг. в бытность президентом уже Джорджа Буша-мл. и его «войны с террором», ставшей осуществлением мечты неокон о поисках нового врага, который пришёл бы на смену СССР. Бывший советник Рейгана Питер Д. Ханнафорд объяснил: «Мы видели параллель» между советской угрозой и угрозой терроризма.

В состав CPD 2004 года входили вице-президент Совета по международным отношениям Ларри

Хаас, влиятельный сенатор Джозеф Либерман, бывший директор ЦРУ Р. Джеймс Вулси-мл., бывший советник Рейгана по нацбезопасности Роберт К. Макфарлейн, а также чиновник администрации Рейгана и основатель Комитета 1976 года Макс Кампельман.

Наконец, в четвёртый раз CPD явил себя относительно недавно, в 2019 году. Интересно, что вице-президентом Комитета в этот раз стал Фрэнк Гаффни, сделавший карьеру опять же при Рейгане, основатель Центра политики безопасности (CSP), о котором мы ещё поговорим, а в числе участников оказался главный «плохиш» Америки и архитектор победы Трампа в 2016 году Стивен Бэннон, а также — снова — Джеймс Вулси. На этот раз основное внимание этого «ястребиного» сообщества уделено Китаю, экзистенциальной и идеологической угрозе Соединённым Штатам.

Таким образом, с самого момента своего основания Комитет по текущей опасности — наряду с Американским советом безопасности (о котором разговор впереди) — стал одной из главных воинственных правоконсервативных групп давления в сфере внешней политики и лоббистских организаций ВПК. CPD оказал огромное влияние на разработку долгосрочных стратегий национальной безопасности США и успешно лоббировал ремилитаризацию Америки после Второй мировой, подтолкнув начало холодной войны (NSC68). Позднее, в 70–80-е годы, Комитет нёс ответственность за отказ от разрядки, доктрины сдерживания и «взаимно гарантированного уничтожения», отказ от контроля над вооружениями в пользу «отката» и наращивания вооружений (деятельность «команды Б»). Уже в нашем столетии CPD способствовал действиям администрации Буша-мл. во имя «войны с террором» после событий 11 сентября, включая развязывание войны в Ираке и осложнение отношений с Ираном. Эта нить продолжается и в настоящее время...



АМЕРИКАНСКИЙ СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ: ОТ СТОРОЖЕВОГО ПСА КОРПОРАЦИЙ ДО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ЯСТРЕБА

Организация, которая стала известна как Американский совет безопасности (American security council, ASC), возникла в 1954 году и первоначально называлась Среднеамериканский исследовательский архив. По сути, это была картотека-досье на несколько миллионов американцев, считавшихся неблагонадёжными по политическим мотивам. Это был один из крупнейших и наиболее полных архивов о подрывной деятельности в Соединённых Штатах, который возглавил бывший сотрудник ФБР Джон Фишер, а представители ряда американских корпораций — в частности, US Steel, Motorola и General Electric — образовали его высший консультативный совет.

Цель архива, через год после создания сменившего название на Американский совет безопасности, — «доводить до сведения корпоративного сектора результаты расследований по типу тех, что осуществляет ФБР». Иными словами, корпорации, финансирующие проект (а к началу 70-х их число достигло 1500), могли проверить благонадёжность действующих и потенциальных работников.

Очень быстро на контрразведывательный потенциал ASC обратило внимание вездесущее ЦРУ, которое, как известно, не обладает полномочиями на деятельность в самих США. Самым известным участником Американского совета безопасности со стороны управления был глава его контрразведки Джеймс Энглтон. В 1976 году, вскоре после вынужденного ухода из ЦРУ, Энглтон основал собственный Фонд безопасности и разведки (SIF). При этом Джон Фишер, президент ASC, был директором-сооснователем SIF. Президентом был

Элбридж Дурброу, который, как и Энглтон, был сопредседателем Совета. Нетрудно понять, почему некоторые подозревают, что Энглтон продолжил свою контрразведывательную деятельность через Американский совет безопасности. Другими кадровыми офицерами ЦРУ в совете по национальной стратегии ASC были Ричард Биссел, замдиректора управления при Аллене Даллесе, и эксперт по тайным операциям Рэй Клайн (который входил и в Комитет по текущей опасности в его втором воплощении).

Впрочем, уже к концу 50-х интересы ASC стали смещаться с внутренней политики на внешнюю. Этому сильно поспособствовал приход в 1959 году к власти на Кубе Фиделя Кастро, который произвёл национализацию активов американских корпораций. Нефтеперерабатывающие заводы, сахарные и фруктовые плантации, энергетические компании и телефонная сеть — всё это было национализировано. Среди жертв национализации



была и компания Sears Roebuck, владеющая крупными международными торговыми сетями, которая больше всего инвестировала в ASC.

В итоге акцент в деятельности ASC смещается с противодействия внутренней подрывной деятельности на внешнюю политику. А чтобы делать это эффективно, ему нужен был доступ к выборным должностным лицам в Вашингтоне.

Фишер открывает офис в столице и назначает его руководителем ещё одного бывшего агента ФБР Ли Пеннингтона. Ранее Пеннингтон трудился в Американском легионе, где делал ту же работу, что и для ФБР, ту же работу, что делал и сам ASC: собирал информацию о «подрывных действиях». Офис Пеннингтона выпускал «Вашингтонский отчёт», который распространялся среди членов Совета, поступал в местные газеты и в Конгресс. Интересно, что спустя годы выяснилось, что Пеннингтон был оперативником ЦРУ, который «выполнял работу ЦРУ на Капитолийском холме». Он был близок с Джеймсом МакКордом, бывшим офицером управления, который возглавлял уотергейтскую «кражу со взломом» и сыграл важную роль в уничтожении файлов, связывающих МакКорда с ЦРУ. Пеннингтон умер от сердечного приступа через несколько месяцев после своего разоблачения...

В вашингтонском офисе ASC работал контр-адмирал в отставке Честер К. Уорд, который вместе с соавтором Филлис Шлафли стал одним из самых яростных разжигателей страха в стране. В 1964 году дуэт опубликовал книгу «Могильщики» (The Gravediggers), в которой он нападал на банковский истеблишмент Нью-Йорка, утверждая, что тот подрывает выборную систему и подвергает страну опасности, лоббируя сокращение расходов на оборону. Два года спустя был опубликован их роман «Удар из космоса» (Strike from Space: A Megadeath Mystery), предупреждающий о возможности внезапного ядерного удара со стороны Советов. В 1974 году они опубликовали

бестселлер «Киссинджер на диване» (Kissinger on the Couch), критикуя политику Киссинджера по разрядке и утверждая, что он был орудием коммунистов.

Помимо реорганизации Американского совета безопасности под новые цели и задачи его члены также участвовали в создании в 1963 году Гражданского комитета за свободную Кубу (CCFC). Члены правления ASC, такие как отец водородной бомбы Эдвард Теллер и журналистка и конгрессмен Клэр Бут Люс, были среди его директоров. Год спустя в совет директоров вошёл даже сам Джон Фишер. Также там был Лео Черн, наставник Уильяма Кейси и пионер операций ЦРУ через частные институты. Исполнительный директор CCFC Пол Д. Бетел был агентом ЦРУ, близким к кубинскому подполью, которое проводило диверсии и террористические атаки против кастровской Кубы.

Впрочем, исключительно публичной активностью участники и сторонники Совета отнюдь не планировали ограничиться. Близкий к ASC генерал Эдвард Лэнсдейл, специалист по тайным операциям и подрывным действиям, совместно с уже известным нам по Комитету по текущей опас-

ности генералом Лайманом Лемнице-ром, председателем Объединённого комитета начальников штабов, представили президенту Джону Ф. Кеннеди операцию Northwoods, чья цель заключалась в том, чтобы создать предлог для начала войны с Кубой.

«Мы могли бы взорвать американский корабль в заливе Гуантанамо и обвинить Кубу... Мы могли бы развернуть коммунистическую кубинскую террористическую кампанию в районе Майами, в других городах Флориды и даже в Вашингтоне... Взрыв нескольких пластиковых бомб в тщательно выбранных местах, арест кубинских агентов и публикация подготовленных документов, подтверждающих причастность Кубы, также были бы полезны в представлении идеи о безответственности её правительства... Попытки угона гражданских воздушных и водных судов должны, по-видимому, продолжаться как меры давления, одобряемые правительством Кубы».

Кеннеди не одобрил операцию Northwoods и даже уволил Лемницера за поддержку использования атак под ложным флагом. Как можно догадаться, после выхода генерала на пенсию его можно было найти в Комитете по национальной стра-

Организация, которая стала известна как Американский совет безопасности (American security council, ASC), возникла в 1954 году и первоначально называлась Среднеамериканский исследовательский архив. Это была картотека-досье на несколько миллионов американцев, считавшихся неблагонадёжными по политическим мотивам. Это был один из крупнейших и наиболее полных архивов о подрывной деятельности в Соединённых Штатах. Впрочем, уже к концу 50-х интересы ASC стали смещаться с внутренней политики на внешнюю. Фактически Совет будет иметь значительное влияние на общенациональный дискурс, касающийся практически всех основных тем, связанных с обороной, с начала 60-х до конца 80-х годов.



тегии Американского совета безопасности.

В эти годы ASC обретает свою основную функцию, превращаясь в лоббистско-пропагандистскую структуру. Фактически Совет будет иметь значительное влияние на общенациональный дискурс, касающийся практически всех основных тем, связанных с обороной, с начала 60-х до конца 80-х годов. Суть пропагандистских усилий ASC заключалась в продвижении фанатичной формы антикоммунизма среди элит и широкой общественности. Таким образом, Совет начал формировать общенациональный дискурс.

«Совет активно участвовал в «образовании» времён холодной войны, нацеленном на широкую публику. В период с 1955 по 1961 год ASC выступил одним из спонсоров ежегодной Национальной военно-промышленной конференции, на которой персонал Пентагона и Совета национальной безопасности встречался с руководителями United Fruit, Standard Oil, Honeywell, US Steel, Sears Roebuck и других корпораций.

На Конференции 1958 года ASC основал Институт американской

стратегии с целью внушения элитам и общественности антикоммунистической идеологии. Управление институтом было предоставлено Фрэнку Барнетту, полковнику армии США Уильяму Кинтнеру и другим сторонникам «политической войны». Барнетт также был научным директором главного спонсора института, Фонда Ричардсона (благотворительное подразделение VICK Chemical Company). В 1959–1960 гг. Институт американской стратегии провёл семинары для офицеров запаса Национального военного колледжа под эгидой Объединённого комитета начальников штабов и министра обороны. Руководством для этих семинаров была книга «Американская стратегия для ядерной эпохи». В книге была изложена агрессивная стратегия «спровоцированного конфликта» с Советским Союзом, включающая обучение граждан и правительственных лидеров в школах «психологической войны». В 1961 году Институт американской стратегии предоставил 10 тыс. экземпляров «Стратегии» Национальной ассоциации университетского образования для распространения среди школьных

библиотек и общественных дискуссионных групп.

Посредством Национальных военно-промышленных конференций, региональных встреч, семинаров и публикаций Национального военного колледжа Институт начал брать на себя роль квазигосударственного пропагандистского агентства².

НАРКОТИКИ И АТОМНЫЕ БОМБЫ

Впрочем, не был чужд ASC и, так сказать, оперативной деятельности. С именами видных руководителей Совета связывают, к примеру, наркотрафик как в восточном, так и в западном полушарии.

Так, ещё в конце 40-х гг. глава дальневосточного отделения ЦРУ полковник Ричард Стилвелл взял под свой контроль ряд авиакомпаний, в частности, Civil Air Transport и Sea Supply Corporation, чтобы поставлять оружие силам Гоминьдана в Бирме. При этом Гоминьдан вынуждал местное население заниматься выращиванием мака. Готовые наркотики и деньги за них перевозились самолётами упомянутых авиакомпаний. Позднее, достигнув звания генерала, Стилвелл стал членом совета директоров ASC, а также частым гостем группы Le Cercle. Рэй Клайн, высокопоставленный сотрудник ЦРУ и сопредседатель совета по стратегии ASC в 80-х годах (и Комитета по текущей опасности в 70-х), был одним из ключевых основателей Антикоммунистической лиги азиатских народов, которая также участвовала в наркотрафике. Генерал Синглауб из правления ASC в то время также был активен в Гоминьдане в Бирме. Марвин Либман, видный член ASC в 60-х годах, считался одним из лидеров китайского (тайваньского) лобби. Он был секретарём Комитета миллиона против приёма красного Китая в ООН. В 1959 году он стал соучредителем Американского

На протяжении всей холодной войны консерваторы из Американского совета безопасности и связанных с ним групп боролись против Договора о частичном запрещении ядерных испытаний и предложений Киссинджера о разрядке напряжённости и переговорах по сокращению стратегических наступательных вооружений. Все эти дипломатические усилия для участников ASC были частью управляемого Советским Союзом грандиозного «коммуно-социалистического» заговора. Они выступали против любых дипломатических усилий в отношениях с СССР. Будь их воля, Соединённые Штаты применяли бы ядерное оружие практически в любом крупном конфликте со времён Второй мировой войны.

² Sara Diamond. 'Roads to Dominion: Right-Wing Movements and Political Power in the United States'. – The Guilford Press, 1995, pp. 47–48.



комитета по чрезвычайным ситуациям для тибетских беженцев, через несколько лет после того, как ЦРУ начало поддерживать Далай-ламу в его борьбе против коммунистического Китая. Либман также стал участником Антисоветской лиги азиатских народов, Всемирной антисоветской лиги, Друзей свободного Китая, Американско-чилийского совета сторонников Пиночета, а также соучредителем Американского консервативного союза.

В 80-е АСЦ и его сеть также были тесно связаны с делом никарагуанских контраст. В то время союзники ЦРУ — антисоветские контрасты — в основном платили за полученное оружие кокаином, который продавался в Соединённых Штатах, что спровоцировало эпидемию крэка кокаина. Интересно отметить, что ответственных за эту эпидемию со стороны Латинской Америки можно было найти в Американском совете безопасности: лидера «контрас» полковника Энрике Бермудеса, лидера сальвадорского «эскадрона смерти» Роберто д'Обуссона и многих других...

Одним из наиболее видных членов АСЦ был генерал-майор Милнор Робертс, председатель Комитета за свободный Афганистан (СФА), который в 80-х годах лоббировал поддержку США исламских боевиков, сражавшихся с советскими войсками.

На протяжении всей холодной войны консерваторы из Американского совета безопасности и связанных с ним групп боролись против подписанного Кеннеди Договора о частичном запрещении ядерных испытаний и предложений Киссинджера о разрядке напряжённости и переговорах по сокращению стратегических наступательных вооружений. Все эти дипломатические усилия для участников АСЦ были частью управляемого Советским Союзом грандиозного «коммуно-социалистического» заговора, призванного захватить власть в Соединённых Штатах. Они выступа-



ли против любых дипломатических усилий в отношении с СССР. Будь их воля, Соединённые Штаты применяли бы ядерное оружие практически в любом крупном конфликте со времён Второй мировой войны, в чём они следовали идеям кумира правых генерала Дугласа Макартура.

Так, ещё в 1950 году Макартур, после того как его силы были окружены китайскими войсками, настаивал на применении ядерного оружия против Северной Кореи и Китая. «Я сбросил бы около 30 атомных бомб... на границе с Маньчжурией. Затем я бы ввёл полмиллиона войск китайских националистов [тайваньцев] на [реку] Ялу, оставив за нами — от Японского до Жёлтого моря — пояс радиоактивного кобальта [в пять миль шириной]... Его активная жизнь составляет от 60 до 120 лет. По крайней мере, 60 лет не могло бы быть наземного вторжения в Корею с севера. Я уверен, что русские ничего не сделали бы с этой стратегией. Мой план был безупречным»³.

Впрочем, Восточный истеблишмент отнюдь не согласился с тем, что план Макартура был «безупречным». Эта точка зрения была определённо вызвана не какими-либо

гуманитарными соображениями, а исключительно долларами и центами. Восточный истеблишмент был полностью привержен идее поражения коммунизма. Но его представители не были готовы принять какую-либо политику, которая поставила бы под угрозу их долгосрочные планы (а именно превращение всего мира в зону свободной торговли, в которой доминируют транснациональные корпорации), и возможность ядерной войны между Соединёнными Штатами и СССР из-за Кореи могла стать серьёзным препятствием для таких вещей. Помимо этого они наверняка уже знали об экономическом потенциале материкового Китая и, казалось бы, были уверены, что его рынок в конечном итоге будет открыт для интересов Запада.

В итоге президент Трумэн и генерал Макартур, уволенный за неподчинение, разошлись: Макартур назвал Трумэна «маленьким ублюдком», который «считает себя патриотом», в то время как Трумэн назвал генерала «тупым сукиным сыном», который «был не в своём уме».

Для Макартура и многих военных и сотрудников разведки, сплотившихся вокруг него на протяжении многих

³ 'Pentagon Weighed Plan to Use Cobalt in Korea; Military Abandoned Idea as Impractical for Border - MacArthur Supported It.'// New York Times, April 9, 1964.



лет, это было неопровержимым доказательством того, что Восточный истеблишмент слишком мягко относился к коммунизму (если не вообще пребывает в союзе с ним).

Консерваторы очень интересовались идеей «превентивной войны» против Советского Союза и коммунизма на международном уровне. В конце 40-х — начале 50-х, несмотря на собственные испытания ядерного оружия, Советский Союз всё ещё сильно отставал от возможностей Стратегического авиационного командования США, которое было практически готово нанести по нему всеобъемлющий ядерный удар. Именно в этот период, в первые годы холодной войны, некоторые высокопоставленные военные заигрывали с идеей «превентивного» нападения на СССР, поскольку — как и приснопамятный Комитет по текущей опасности — были уверены, что Сталин собирается атаковать Запад, как только произведёт значительный арсенал ядерного оружия. Эта группа предпочитала стратегию, разработанную в рамках проекта «Контроль» (Project Control) в начале 50-х годов в Военно-воздушном колледже США. Советскому Союзу давалось бы шесть месяцев на то, чтобы капитулировать в соответствии с условиями, обозначенными американцами. Если СССР откажется подчиниться, США атакуют его ядерным оружием.

Этот исследовательский проект был тесно связан с будущими членами Американского совета безопасности. Его главой был полковник Рэймонд Слипел, член Комитета по национальной стратегии ASC. Среди его сторонников были глава Стратегического авиационного командования генерал Кертис Лемей, его заместитель Томас С. Пауэр, генерал ВВС Натан Твининг и адмирал Артур У. Рэдфорд. Ещё одним сторонником был генерал Джордж Киган, деятельность которого также была тесно связана с ASC.



Лемей, всегда готовый начать новую мировую войну, фактически приступил к самостоятельной реализации идей проекта «Контроль»: «Центральное место в управлении проектом занимали полёты самолётов-шпионов Лемея для патрулирования советского воздушного пространства. Ещё до того, как план был показан политикам, Лемей приказал начать обкатку этого центрального принципа. 8 мая 1954 года с авиабазы Фэйрфорд в Оксфордшире взлетел переоборудованный бомбардировщик В-47. Он облетел побережье Норвегии до Мурманска. Там он внезапно повернул на юг и ушёл вглубь Советского Союза, фотографируя аэродромы и военные объекты. Пилот этой провокационной миссии полковник Хэл Остин был лично проинструктирован генералом. Лемей сказал: «Что ж, может быть, если мы сделаем этот облёт правильно, мы сможем начать третью мировую войну».

«К концу 1954 года Project Control получил серьёзный политический удар, когда его отверг Государственный департамент. Затем последо-

вал ещё один удар. Военно-воздушный колледж прорабатывал его идеи в рамках военных игр вплоть до 1955 года, и в письме Лемею говорится о результате: Красная команда (действующая как СССР) нанесла превентивный ядерный удар по Синей команде (действующей как США). Конфликт спровоцировали крупномасштабные облёты синих красной территории.

Несмотря на это, в 1956 году Лемей предпринял серию крупных шпионских полётов над Советским Союзом. Только в апреле было совершено три серии из девяти одновременных вторжений через северные границы СССР. Считается, что в том году таких полётов было намного больше, хотя никаких записей о том, что президент Эйзенхауэр был об этом проинформирован, никогда не было найдено⁴.

Позднее, во время своего пребывания на посту начальника штаба ВВС, Кертис Лемей был главной головной болью Кеннеди и некоторых из сотрудников его администрации. Он настаивал на массивных бомбардировках Северного Вьетнама,

⁴ 'Portrait: The real doctor Strangelove: General Curtis LeMay twice pushed the world to the edge of nuclear oblivion. Paul Lashmar recalls the life of a cold war warrior'. // Guardian, October 8, 1996.



в то время как Кеннеди не был заинтересован в расширении войны. Во время Карибского кризиса Лемей ничего не хотел слышать о морской блокаде. Вместо этого он настаивал на том, чтобы ему разрешили бомбить кубинские ракетные объекты, не зная и, возможно, даже не заботясь о том, что Куба уже получила около 100 единиц ядерного оружия и что командирам на местах было дано право применять оружие против американских вооружённых сил. В итоге Лемей назвал исход кубинского кризиса «величайшим поражением в нашей истории».

И здесь, как, впрочем, и в ряде других вопросов, ASC (через Коалицию за мир посредством силы) нашёл полную поддержку правых христиан. Так, к примеру, влиятельный американский пастор и телепроповедник Джерри Фалуэлл «распространял брошюру “Ядерная война и второе пришествие Христа”, увязывая их в контексте идеи спасения через “вознесение до начала бедствий”, за которым следует последняя “битва Армагеддона”. Эта популярная версия евангелического миллениаризма заставила наблюдателей задуматься о том, что имел в виду президент Рейган, когда в 1983 году на собрании Национальной ассоциации евангелистов сказал, что Советский Союз был “империей зла”. Большинство евангелистов были готовы ожидать пророчеств Книги Откровения, хотя и не спешили с их исполнением»⁵.

РЕЙГАН И «ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ»

С избранием Рональда Рейгана радикальные правые консерваторы впервые получили президента, которого всегда хотели (как мы видели, Комитет по текущей опасности в своём втором воплощении фактически стал его теневым правительством). Публика массово отвергла генерала Дугласа Макартура в 1952 году. Барри Голдуотер проиграл выборы в 64-м.

У Джорджа Воллеса, чьим напарником на выборах 1968 года выступал Кертис Лемей, было мало шансов. Другой любимец правых, Ричард Никсон, повернул свою политику в отношении коммунизма на 180 градусов: от жёсткого, конфронтационного подхода он перешёл к политике разрядки. Киссинджер, что не слишком понравилось ASC. Сенатор Генри Джексон, фаворит ASC, проиграл номинацию от Демократической партии 1976 года Джимми Картеру, поддерживаемому Трёхсторонней комиссией. Но затем, наконец, в 1980 году был избран Рональд Рейган. И, в отличие от Никсона, он оставался лояльным ультраконсерватором на протяжении всего своего президентства.

Избрание Рейгана было поддержано и правыми элементами в ЦРУ, включая Теда Шекли (участник Le Cercle), будущего министра обороны и советника по национальной безопасности Фрэнка Карлуччи, генерала Вернона Уолтерса (ASC), будущего директора ЦРУ Уильяма Кейси (Le Cercle), будущего вице-президента Джорджа Буша и его советника по национальной безопасности Дональда Грегга.

Сам Рейган был связан с правыми кругами на протяжении многих десятилетий, а годы его правления заложили основу для нескольких важных глубинных событий, вылившихся в крупные скандалы: Иран-контрас, кокаиновая эпидемия в США, Иракгейт, скандал с банком BCCI и, возможно, даже смерть журналиста Дэнни Казоларо...

Одним из наиболее важных аспектов деятельности консервативного истеблишмента в тот период была поддержка оружия космического базирования (как мы видели, идея доминирования из космоса будоражила его воображение с 50-х гг.). Усилия США по разработке этого типа оружия восходят к книге 1970 года, озаглавленной «Стратегия технологий: победа в решающей войне» (The Strategy of Technology). Книгу написал стратег Пентагона доктор Стефан Т. Поссо-ни. В 1962 году, во время Карибского кризиса, Поссо-ни вместе с Эдвардом Теллером пригласили присоединиться к Комитету по национальной стратегии ASC. Оба они будут работать в Совете более двух десятилетий.

Книга Поссо-ни была очень популярна среди воинственных офи-

С избранием Рональда Рейгана радикальные правые консерваторы впервые получили президента, которого всегда хотели (Комитет по текущей опасности в своём втором воплощении фактически стал его теневым правительством). В отличие от Никсона, Рейган оставался лояльным ультраконсерватором на протяжении всего своего президентства. Годы его правления заложили основу для нескольких важных глубинных событий, вылившихся в крупные скандалы: Иран-контрас, кокаиновая эпидемия в США, Иракгейт, скандал с банком BCCI. Одним из наиболее важных аспектов деятельности консервативного истеблишмента в тот период была поддержка оружия космического базирования.

⁵ Sara Diamond. 'Roads to Dominion: Right-Wing Movements and Political Power in the United States'. – The Guilford Press, 1995, p. 237.



церов Пентагона и стала обязательной для чтения в Военно-воздушном колледже и Национальном военном колледже. Он выступал за разработку оборонной программы, которая была бы слишком высокотехнологичной и дорогостоящей, чтобы другие страны могли её воспроизвести или противодействовать ей, не подвергая риску свою экономику. Из этой экономики выросли два важных проекта: Стратегическая оборонная инициатива (SDI) и программа стелс-технологий. Последние разрабатывались такими компаниями, как Lockheed и Northrop, обе корпорации были представленными в Американском совете безопасности.

Основной лоббистской фирмой SDI («Звёздных войн») была High Frontier, созданная в 1981 году генералом Дэниелом Грэмом, членом Комитета по национальной стратегии ASC (и участником «команды Б» времён Форда). Его заместителем в High Frontier стал генерал Роберт Ричардсон III, ещё один член комитета. Генерал Джеймс Абрахамсон, член ASC и посетитель Le Cercle, был директором Стратегической оборонной инициативы с 1984 по 1989 год.

В конце 1981 года лобби стало разделяться по типам проектов, которые следует поддерживать. Генерал Грэм и его группа High Frontier хотели создать систему на основе уже имеющихся компонентов. Другие участ-

ники настаивали на более сложных системах, которые потребовали бы гораздо большего количества исследований: рельсовые пушки, оружие с пучками частиц, химические лазеры и т. д. Отец водородной бомбы Теллер ещё больше усложнил ситуацию, предлагая взрывать в космосе ядерные бомбы, энергия взрывов которых пошла бы на питание лазеров, предназначенных сбивать ядерные ракеты ещё до достижения ими намеченных целей.

Фаворитом Рейгана был лагерь, который настаивал на более экзотическом оружии, таком как лазеры, рельсотроны и оружие с пучками частиц. Но именно идеи Грэма, воплощённые в программе Brilliant Pebbles, были сочтены наиболее практичными из всех проектов SDI. Brilliant Pebbles полагалась на космические капсулы, заполненные небольшими ракетами, которые могли бы уничтожать вражеские межконтинентальные баллистические ракеты. У ракет не было активных боевых частей — кинетической энергии хватало для поражения целей. Однако в 1994 году программа была отменена при администрации Клинтона, которая считала эти системы излишне дорогими и потенциально дестабилизирующими. Только в наше время Соединённые Штаты снова начали искать потенциально интересные системы космического оружия...

К концу холодной войны знамя с лозунгом «Мир посредством силы!» подхватил неоконсервативный Центр политики безопасности (Center for Security Policy, CSP), который сегодня именуют не иначе как крайне правым. Он был основан в 1988 году с целью «защитить международный мир посредством укрепления мощи Соединённых Штатов Америки». В 1996 году люди CPD предложили новую роль НАТО после роспуска Варшавского договора: объединить государства Центральной и Восточной Европы под американской эгидой для защиты от «государств-изгоев».

К концу холодной войны Американский совет безопасности превратился в хорошо отлаженную лоббистскую машину, но с распадом СССР средства ASC быстро иссякли, и его деятельность пришлось значительно сократить. Институт американской стратегии, аналитический центр, тесно связанный с ASC, первоначально созданный для организации ежегодных Национальных военно-промышленных конференций, позднее стал Фондом Американского совета безопасности (ASCF). В 1997 году ASC и ASCF объединились и сегодня продолжают своё существование как Фонд Американского совета безопасности. Глядя на персоналии ASCF сегодня, становится ясно, что произошла существенная потеря престижа. В отличие от холодной войны, в последние годы в организации громких имён практически не было, за исключением, что интересно, Генри Киссинджера, в своё время главной мишени критики ASC...

ЦЕНТР ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ: «ВЛАСТЬ У НАС, А НЕ В БЕЛОМ ДОМЕ»

К концу холодной войны знамя с лозунгом «Мир посредством силы!» подхватил неоконсервативный Центр политики безопасности (Center for Security Policy, CSP), который сегодня именуют не иначе как крайне правым. Он был основан в 1988 году с целью «защитить международный мир посредством укрепления мощи Соединённых Штатов Америки». Одним из его основателей и руководителей стал неоконсерватор Фрэнк Гаффни. В прошлом он работал на сенатора Генри Джексона (близкого друга ЦРУ, которого поддерживал ASC, того самого сенатора, чьим именем названа поправка Джексона-Вэника), а уже в наше время мы видим его в руководстве самой свежей итерации Комитета по текущей опасности. Другим основателем Центра стал Дуглас Фейт, также видный неоконсерватор, который при Джордже Буше-мл. стал



заместителем министра обороны по политическим вопросам.

Центр финансируется за счёт пожертвований семьи Ричарда Меллона Скейфа (Gulf Oil), а также таких производителей оружия, как Boeing Company и Lockheed Martin Corporation. Это весьма влиятельная и престижная организация, в правление которой входили те же лица, которых мы так или иначе встречали и в Американском совете безопасности. В их числе Паула Добрянски, отец которой, один из руководителей украинской диаспоры в США, работал в ASC, Эдвин Фелнер, также ключевой игрок в Heritage Foundation и Le Cercle, Джин Киркпатрик, генерал Бернард Шривер, Эдвард Теллер.

CSP продолжил и линию Комитета по текущей опасности как в кадровом плане (присутствие ветеранов «команды Б», таких как Уильям Р. Ван Клив или миллионер Скейф), так и в плане политических действий: выявление коммунистического противника (угрозы Китая и Северной Кореи заменили советскую угрозу), лоббирование отмены договоров о нераспространении, милитаризации космоса и милитаризации внутренней безопасности.

В 1996 году люди CPD предложили новую роль НАТО после роспуска Варшавского договора: объединить государства Центральной и Восточной Европы под американской эгидой для защиты от «государств-изгоев».

CSP открыл офис в Иерусалиме, чтобы контролировать существующую там организацию: Институт перспективных стратегических и политических исследований (IASPS), которым руководили Роберт Дж.

Левенберг и неизбежный Уильям Ван Клив.

В июле 1996 года Ричард Перл, Дуглас Фейт, Дэвид и Майрав Вурмсер передали премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху документ, подготовленный IASPS, под названием «Чистый прорыв». В документе предлагалось расторгнуть соглашения «Осло», регулировавшие мирный процесс на Ближнем Востоке, осуществить политическую ликвидацию Ясира Арафата, аннексию палестинских территорий, свержение Саддама Хусейна в Ираке с целью одновременной дестабилизации Сирии и Ливана.

В феврале 1998 года Ричард Перл и Стивен Соларз опубликовали «Открытое письмо президенту Клинтону», подготовленное CSP, в котором они требовали свержения режима Багдада. Письмо было подписано несколькими членами CSP, такими как Эллиот Абрамс, Джон Болтон, Дуглас Фейт, Фред Икле, Залмай Хализад, Дональд Рамсфельд, Пол Вулфовиц и Дэвид Вурмсер.

В том же году CPS добилась от президента Клинтона создания Комиссии по оценке баллистической угрозы, президентом которой стал Дональд Рамсфельд. Согласно её выводам, ЦРУ снова недооценивает угрозы, игнорируя тот факт, что через пять лет Северная Корея, Иран и Ирак будут иметь баллистические ракеты, способные достичь американской территории (привет «команде Б» Комитета по текущей опасности!).

В 2000 году CSP создали комиссию для оценки космической безопасности, которую также возглавил Дональд Рамсфельд, и, конечно же, комиссия пришла к выводу, что космическая

уязвимость Америки сильно недооценивается. Когда журналисты спросили его о происхождении возможной космической угрозы США, Рамсфельд со всей серьёзностью ответил, что она исходит не от государств, а в основном от частных групп. По его словам, международный террорист Усама бен Ладен мог иметь в Афганистане базу по запуску спутников и центр по производству атомной бомбы.

С момента избрания президентом Джорджа Буша-мл. Центр политики безопасности фактически слился с администрацией. Дональд Рамсфельд стал министром обороны, Пол Вулфовиц и Дуглас Фейт — его заместителями, Ричард Перл был назначен президентом Консультативного комитета Совета по оборонной политике; Джон Болтон — заместителем госсекретаря по вопросам разоружения, а позднее — представителем США в ООН. За людьми пошли и дела. Министерство обороны опубликовало доклад, в котором особое внимание уделялось военной угрозе со стороны Китая, США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО, военный бюджет был увеличен на 40%, был создан образ космического оружия, мирный процесс Осло на Ближнем Востоке оказался остановлен, режим Саддама Хусейна в Ираке был свергнут...

Помимо прямого участия в политике CSP распространяет свое влияние посредством создания и поддержания различных ассоциаций: Вашингтонского института ближневосточной политики (WINEP), Ближневосточного института СМИ и исследований (MEMRI), Института исследований внешней политики (FPRI) и, в последнее время, Фонда защиты демократии (FDD). CSP также имеет влияние и на СМИ: Weekly Standard Уильяма Кристола (сын патриарха неоконов Ирвинга Кристола), Jerusalem Post Ричарда Перла и Washington Times Арно де Борхгрейва, а также и Washington Post.

В итоге в те годы в Вашингтоне даже поговаривали, что истинная власть больше не в Белом доме, а в Центре политики безопасности.



ПРАВЫЕ И ИЗРАИЛЬ. КТО ДЁРГАЕТ ЗА ВЕРЁВОЧКИ?

Коль скоро мы затронули тему израильского лобби, стоит осветить этот вопрос чуть более подробно в контексте всего глубинного правого консорциума.

Начиная с 1970-х годов (примерно в то время, когда бывший высокопоставленный офицер ЦРУ Джеймс Энглтон, курировавший в управлении связи с Моссадом, присоединился к Американскому совету безопасности) консервативные сети отказались от своего изначального антиссионистского настроя, отождествив — в том числе благодаря неоконам — проблемы национальной безопасности Израиля с национальной безопасностью США. Они оказались в одном строю с израильским лобби, представленным такими структурами, как AIPAC (Американско-израильский комитет по связям с общественностью), JINSA (Еврейский институт национальной безопасности Америки), CPMAJO (Конференция президентов крупнейших еврейских организаций) и WINEP (Вашингтонский институт ближневосточной политики).

Ключевыми фигурами в этом союзе являются уже неоднократно упоминавшиеся нами Пол Вулфовиц, Ричард Перл, Фрэнк Гаффни, Дуглас Фейт и Эллиот Абрамс, выходцы из гнезда антикоммунистически и просионистски настроенного

сенатора времён холодной войны Генри Джексона, который поддерживал отношения с правыми элементами в ЦРУ и выступал против разрядки Киссинджера. А конкретно Перл и Вулфовиц оказались в офисе Джексона благодаря протонеокону и ядерному стратегу RAND Альберту Вольстеттеру.

Впрочем, это отнюдь не означает, что неоконсерватизм и сеть правых элементов сообщества национальной безопасности являются марионетками Израиля. Практически каждый ястребиный политический переворот с участием еврейских неоконсерваторов (директива NSC68, «команда Б», администрация Рейгана/«Звёздные войны», комиссии Рамсфелда, война в Ираке и т. д.) был организован и управлялся на более высоких уровнях нееврейскими игроками, такими как Джордж Буш-ст., Дональд Рамсфелд, Дик Чейни, Пол Нитце, Дин Ачесон, Билл Кейси, Джин Киркпатрик, Фрэнк Карлуччи, Каспар Вайнбергер.

ПРАВЫЕ РАДИКАЛЫ В ЭПОХУ ТРАМПА

Уже в наше время успехи и неудачи правого глубинного консорциума были связаны с именем Дональда Трампа. Его администрация не только была тесно связана с консервативными аналитическими центрами, но и сама демонстрировала их мировоззренческие установки. Произошло

существенное увеличение военных расходов, позволившее Пентагону действовать более независимо от остальной части исполнительной власти; реализовывалась преимущественно односторонняя/двусторонняя внешняя политика и дипломатия, в том числе ястребиные действия против Китая и выход США из «ядерной сделки» с Ираном; была реализована на практике идея Космических войск; имело место использование негосударственных — связанных с Эриком Принсом и частных израильских — разведывательных сетей; присутствовала двойственность, если не открытая враждебность по отношению к ООН; произошло расширение НАТО за счёт Черногории; производились поставки вооружения на Украину.

Естественно, никуда не делось и израильское лобби. Более того, именно с учётом этого лобби стоит воспринимать потенциальные военные и/или тайные действия против нынешнего иранского режима, которые непрестанно муссировались в администрации Трампа и открыто поддерживались консервативными СМИ. Иран рассматривается как основная региональная угроза Израилю и другим местным союзникам США, таким как Саудовская Аравия. Эти антииранские устремления являются частью более широкой схемы, направленной на балканизацию и дестабилизацию ситуации на Ближнем Востоке, как средства для создания «Великого Израиля». Ещё пресловутая операция «Иран — контраст» эпохи Рейгана, проводившаяся теми же правыми кругами в США и израильскими учреждениями национальной безопасности, которые поддерживают Трампа, была направлена отнюдь не только на поддержку латиноамериканских антикоммунистов. Она представляла собой также заговор с целью дестабилизировать Иран изнутри посредством вооружения и финансирования умеренных фракций режима Хомейни, которые якобы стремились к сближению с Соединёнными Штатами, что, естественно, принесло бы большую пользу и Израилю.





Поддерживающие Трампа СМИ, аналитические центры и лоббистские группы, как классические, так и более современные, — помимо уже рассмотренных назовём Совет национальной политики (CNP), Фонд наследия, Фонд Олина, Институт американского предпринимательства, Общество Мон Пелерин и т. д., — все они так или иначе по традиции, уходящей корнями ещё в 60-е годы прошлого столетия, тесно связаны с правыми кругами ЦРУ и в особенности военной разведки.

Большинство вышеупомянутых аналитических центров (особенно Фонд наследия, заслуживающий особого разговора) контролируются и финансируются такими людьми, как Эдвин Фелнер (ASC & Le Cercle), и богатыми наследниками финансов правых кругов, такими как Меллон Скейф, ДеВос, Бехтель, семьи Хантов и Форбсов. Отдельно стоит упомянуть семейство богатых издателей Регнери, которое было связано не только с Советом американской безопасности, но даже с довоенным правым проектом «Америка прежде всего!». Сегодня, к примеру, Уильям Регнери II стоит за лидером альтрайтов Ричардом Спенсером и его Институтом национальной политики.

Тесно связаны с Пентагоном и в особенности военной разведкой такие фигуры консервативного истеблишмента, как Стив Бэннон (главред крупного правого информгентства «Брайтбарт» и фактический архитектор победы Трампа) и Джек Пособец (промоутер проекта «Пиццагейт», направленного против Хиллари Клинтон и демпартии и своеобразного предшественника движения QAnon⁶). Что касается самого QAnon, то его архитекторами были бывший глава Разведуправления Пентагона генерал Майкл Флинн и его сотрудник и бывший помощник в Совете национальной безопасности Эзра Коэн-Уотник.

Поддерживающие Трампа СМИ, аналитические центры и лоббистские группы, как классические, так и более современные, — помимо уже рассмотренных назовём Совет национальной политики (CNP), Фонд наследия, Фонд Олина, Институт американского предпринимательства, Общество Мон Пелерин и т. д., — все они так или иначе по традиции, уходящей корнями ещё в 60-е годы прошлого столетия, тесно связаны с правыми кругами ЦРУ и в особенности военной разведки.

С Флинном тесно связана такая фигура, как Джек Вулси, один из ветеранов ястребиного консервативного движения, который нам уже встречался по последним итерациям Комитета по текущей опасности. Вулси был советником по национальной безопасности в предвыборном штабе Трампа и в его переходной команде. Вулси — демократ-неокон и бывший директор ЦРУ, чьё влияние ощущалось в каждой администрации со времён Картера, на протяжении десятилетий был ключевой фигурой неоконсервативного внешнеполитического крыла. Некоторые авторы называют его даже наиболее влиятельным деятелем в сфере внешней политики и международных отношений после Генри Киссинджера. Вулси, который принимал активное участие ещё в американо-советских переговорах по ядерным вооружениям, является членом, по-видимому, почти всех крупных внешнеполитических аналитических центров/неправительственных организаций и консультативных советов Пентагона и ЦРУ, а также выступает в качестве консультанта во всех крупных оборонных конгломератах США и в инвестиционных компаниях, вкладывающихся в сферу обороны и разведки.

Непосредственно в администрацию Трампа вошёл такой ве-

теран-ястреб и представитель консервативного истеблишмента, как Джон Болтон. В царстве неоконнов при Буше-мл. Болтон был послом при ООН, у Трампа же он стал советником по национальной безопасности, который активно и открыто выступал за упреждающие военные удары и операции по смене режима в Иране и Северной Корее. А, к примеру, в качестве заместителя госсекретаря по политическим вопросам оказалась Паула Добрянски, неоконсерватор, сотрудница Госдепартамента при Буше, участница правых аналитических центров типа CSP и дочь члена Американского совета безопасности Льва Добрянски, одного из лидеров украинской диаспоры в Америке.

БАЛАНС УЖАСА И ПЕРВЫЙ УДАР

В завершение нашего обзора скажем несколько слов о тех мировоззренческих установках, которые преобладали в рамках консервативного глубинного консорциума начиная с первых лет холодной войны.

Их корни можно проследить до изысканий в области системного анализа, исследования операций и военных игр, которыми в годы Второй мировой занималось Управление

⁶ О движении QAnon подробнее см.: Дм. Зеленцов. QAnon: следуй за белым кроликом! // «Изборский клуб. Русские стратегии», 2022, № 7 (105), с. 124–138.



Такое мышление и сегодня характерно для представителей правоконсервативного политического истеблишмента. Они трансцендентально милитаристичны. Они крайне параноидальны — они не доверяют другим странам (за исключением Израиля и иногда Великобритании), не верят в дипломатию или многосторонность внешней политики. Они постоянно сканируют горизонт на предмет потенциальных угроз — реальных или воображаемых — глобальному доминированию США (а также региональному доминированию Израиля) и разрабатывают оружие, технологии и планы по борьбе с этими угрозами.

научных исследований и разработок, а затем корпорация RAND под руководством таких людей, как уже известные нам Альберт Вольстеттер или Ванневар Буш. Так, Вольстеттер «отказывался от старомодных разведывательных данных как основы для оценки намерений и военных возможностей противника в пользу тщательно продуманных статистических моделей, вероятностей, рассуждений, системного анализа и теории игр, разработанных в RAND... Даже небольшая вероятность уязвимости или потенциальная будущая уязвимость может быть представлена как потенциальное чрезвычайное положение... Если вы посмотрите в будущее и увидите войну, скажем, с Китаем через двадцать лет, то вам следует начинать её уже сейчас... Это был принцип, которого его приверженцы придерживались десятилетиями».

Это сочетание очень строгой и обоснованной теории игр и стратегии со стремлением действовать на опережение, граничащим с паранойей и животным инстинктом самосохранения, как раз и было характерно для Комитета по текущей опасности, Американского совета безопасности и аналогичных правоконсервативных аналитических центров. Оно резко контрастировало с мировоззрением «реалистов», сторонников real politic, «геостратегии» и «большой шахмат-

ной доски», которое было присуще большинству (хотя и не всем) представителей Восточного истеблишмента, таким как Генри Киссинджер или Збигнев Бжезинский, и которое составляет ядро либеральных аналитических центров, таких как Комиссия по международным отношениям, Трёхсторонняя комиссия и т. д. Сутью раскола, возникшего между сторонниками теории игр (выступавшими против разрядки) и «геостратегами» (её продвигавшими) стал теоретический спор о том, будет ли ядерный конфликт состоять из превентивных ядерных ударов только по военным и ядерным объектам (сценарий, предусмотренный протонеоконами) или же это будет эскалация «око за око», провоцирующая ответные удары по населённым пунктам (сценарий «гарантированного взаимного уничтожения», каковой предполагали либеральные «реалисты»).

Большинство ведущих специалистов по ядерной стратегии полагали, что простого наличия у обеих стран даже небольшого количества термоядерного оружия было бы достаточно для ядерного сдерживания и предотвращения начала термоядерной войны. Это был так называемый баланс ужаса. С другой стороны, ядерные стратеги из CPD и ASC (в частности, Вольстеттер) считали, что из-за асимметричных возможностей США и СССР,

а также исходя из других технических соображений и концепций теории игр, итоги потенциального обмена ядерными ударами были бы отнюдь не такими однозначными. Они полагали, что полное и всеобъемлющее уничтожение населённых пунктов в обеих странах не было гарантировано, и поэтому обмен ядерными ударами: 1) мог бы быть «выигрышным» в некотором смысле, даже несмотря на то, что обе стороны, вероятно, понесли бы крупные потери (т. е. это не было бы взаимно гарантированным уничтожением) и 2) на самом деле гораздо более вероятен, чем хотелось бы признать. По этой причине они энергично и во многих случаях успешно выступали за развитие агрессивного потенциала «второго удара», а также экзотических космических, экспериментальных и обычных систем противоракетной обороны и мер ядерного противодействия, чтобы обеспечить эффективное сдерживание и возможность для США нанести первыми удар по СССР, что не предполагало взаимно гарантированного уничтожения.

Такое мышление и сегодня характерно для представителей правоконсервативного политического истеблишмента, даже несмотря на то, что советская угроза исчезла, — они, по сути, трансцендентально милитаристичны и по-прежнему демонстрируют тот же менталитет превентивного первого удара в отношении ядерных держав-«изгоев», таких как Северная Корея и, возможно, Иран («ось зла»). Они крайне параноидальны — они не доверяют другим странам (за исключением Израиля и иногда Великобритании), не верят в дипломатию или многосторонность внешней политики (обычно, когда они проводят дипломатию, это часть ловушки) и имеют стратегию минимизации риска и убытков, даже если этот риск невелик и отдалён. Они постоянно сканируют горизонт на предмет потенциальных угроз — реальных или воображаемых — глобальному доминированию США (а также региональному доминированию Израиля)



и разрабатывают оружие, технологии и планы по борьбе с этими угрозами.

Подводя итог, мы могли бы отметить, что американский глубинный правый консорциум:

- в целом скептически относится к международному порядку, основанному на правилах и многосторонности, к международному праву и международным дипломатическим форумам (особенно ООН), которые способствуют стратегиям сотрудничества между мировыми державами. Вместо этого он предпочитает односторонние/двусторонние действия и конкурентные стратегии, не принимая во внимание какой-либо международный или даже трансатлантический консенсус. Это относится к обороне/внешней политике, а зачастую и к торговле, которая сама по себе тесно связана с первыми. Консорциум склонен рассматривать международные отношения как игру с нулевой суммой;
- всегда выступает за наращивание вооружённых сил и использование жёсткой силы (прямые, агрессивные и обычно упреждающие военные действия и тайные опе-

- рации) и милитаристской стратегии «мира посредством силы» вместо стратегий мягкой силы (дипломатическое маневрирование, экономическое и культурное сотрудничество). Эта пропаганда военной экспансии является одной из главных причин, по которой правые сети получают такую большую поддержку со стороны оборонной промышленности и ВПК. Это сторонники в целом экспансионистской и интервенционистской политики, выступающие за первый удар/упреждение, против сдерживания, против разрядки и против реалистической/реальной политики;
- обычно отдаёт приоритет особым отношениям между США и Израилем над трансатлантическими (НАТО) и другими отношениями или, по крайней мере, поднимает их на тот же уровень. Несмотря на то что правые порой скептически относятся к НАТО как организации, в целом они способствуют расширению НАТО под руководством США в соответствии со своим экспансионизмом;
- имеет склонность к использованию «чёрных» сетей американской,

- общеевропейской и израильской частной разведки/«параллельного ЦРУ» для проведения тайных операций, что является одновременно более сомнительным и более целесообразным, чем использование официальных каналов. Примеры такого рода сетей включают компанию Эрика Принса, тайную сеть Руперта Мёрдока, сети тайных операций Теда Шекли (Le Cercle, Safari Club и т. д.) и целый ряд подобных организаций, а также частные дочерние компании «Моссада»/«Шин Бет»/ЦАХАЛ;
- из-за своего широкого присутствия в бюрократии Пентагона, ЦРУ и в целом национальной безопасности, а также связей с оборонными подрядчиками правый истеблишмент вовлечён в глубинные «чёрные» технические проекты, такие как системы секретного — в том числе космического — оружия, новые шпионские технологии и экспериментальные источники энергии;
- активно поддерживает внутренние меры «национальной безопасности», такие как тотальное массовое наблюдение, милитаризация правоохранительных органов и т. д.







/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Тайное оружие ВОЙН

Япония против Российской империи: эффективность тандемной разведки

Случившееся на Украине стало примером колоссальных просчётов со стороны РФ. Проигрыш контроля внутреннего положения в Малороссии к концу 2013 года (Евромайдан). Упущенный шанс со вводом войск в 2014-м, когда можно было решить нужные нам задачи самой малой кровью и на корню пресечь войну. Затем — иллюзии февраля 2022-го, когда считалось, что только сам факт ввода ВС РФ в бывшую УССР приведёт к моментальному распаду бандеровской власти, к переходу на нашу сторону частей ВСУ и чиновничества, к пророссийскому политическому перевороту в Киеве.

Почему так случилось? Как не повторить подобного? Почему разведка и истеблишмент РФ так просчитались? Самое время вспомнить невыученные уроки давней войны — Русско-японской 1904–1905 годов. И они касаются отнюдь не только собственно армии и вооружения.

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД — БЕСПЛОТНОЕ. НО ГРОЗНОЕ

О причинах нашего поражения в Русско-японской войне написаны горы литературы. Мы все знаем, что Россия не смогла одержать ни единой победы ни на суше, ни на море. Что управление войсками было у нас бездарным, безынициативным. Что тотальная коррупция оставила армию без топографических

карт, обмундирования защитного цвета и нормального снабжения. Что русские снаряды с пироксилином при Цусиме не разрывались, а фугасные шимозы обращали наши броненосцы в плавучие развалины. Что русское руководство упустило шанс на крейсерскую войну против Японии. Всё это так. Но было и иное, незаметное на первый взгляд.

Самураи стали готовиться к схватке с русскими ещё с конца 1870-х. Петербург — нет. Японцы использовали разведку. Но не ту, что только шпионит и докладывает наверх. А такую, которая активно ведёт действия на подрыв и сокрушение более сильного противника, сама выступает оружием по принципу «наибольший эффект с наименьшими усилиями». Более того, разведка такого типа (коей не было ни в тогдашней Российской империи, ни в нынешней

РФ) была лишь отчасти государственной, во второй своей части опираясь на неформальные закрытые общества японской элиты, каковая умела строить долгосрочные стратегические планы и неуклонно проводить их в жизнь.

Итог мы знаем. Хотя в России начала XX века Япония считалась страной полудиких «макак», которых мы, мол, на одну ладонь положим, а второй — прихлопнем, всё вышло совершенно наоборот. Всякая уважающая себя цивилизация всегда имеет мудрое разделение властей. Нет, не только на законодательную, исполнительную и судебную, но и на две стратегические части. Одна (государство) отвечает за текущее функционирование, за повседневность. Вторая (закрытые и тайные общества элиты) — за изменения, за создание Будущего. У Японии накануне 1904 года

Всякая уважающая себя цивилизация всегда имеет мудрое разделение властей. Нет, не только на законодательную, исполнительную и судебную, но и на две стратегические части. Одна (государство) отвечает за текущее функционирование, за повседневность. Вторая (закрытые и тайные общества элиты) — за изменения, за создание Будущего. Японский вариант такой схемы нанёс поражение пирамидально-бюрократической, внешне несокрушимой империи под двуглавым орлом.



такое разделение было. У Российской империи — нет. У нас всем заправляло насквозь бюрократизированное государство с чиновной машиной: косной, неповоротливой, боящейся инициативы, проеденной коррупцией. Впрочем, таково положение дел и нынче. А вот японцы, как и ангlosаксы, смогли построить «тандем» из государства и могущественных закрытых структур.

Нет, нынешняя Украина — не аналог той Японии. Она — всего лишь прокси США, их инструмент. А вот те, кто держит его в руках (ангlosаксы), как раз-таки имеют двухчленную систему управления. Мы же здесь рассмотрим, как японский вариант такой схемы нанёс поражение пирамидально-бюрократической внешне несокрушимой империи под двуглавым орлом.

ДВУХКОНТУРНАЯ РАЗВЕДКА: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЛЮС ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Строители Японской империи уже во второй половине XIX века создали уникальнейшую систему разведки. А она есть способ воздействия информации на реальность, прикладная магия. Помимо официальной государственной разведки, с её штатами, званиями, бюрократической

структурой и бюджетом, японцы формировали ещё и тайные общества. Их членами и спонсорами выступали крупные промышленники и богатые люди. При этом тайные общества переплетались и с официальной государственной «тайной службой», и друг с другом. Члены тайных обществ, что вербовались из всех слоёв общества, были самым фанатичным образом преданы Японии и не требовали никаких наград за свою работу. То есть использовалась энергия самоотвержения японцев. Ведь они считали себя людьми первого сорта — детьми солнечной богини Аматэрасу, своего императора — божественным существом, а Японию — первым в мире по древности государством. А значит, миссия Японии — получить власть над всем миром. Ради такой цели и жизни не жаль.

Можно, конечно, поиздеваться: мол, японцы создадут тайное общество даже тогда, когда огород вскопать надо. Но смешки здесь неуместны. Полезнее изучить то, как работали их тайные общества.

ОБЩЕСТВО «ЧЁРНЫЙ ОКЕАН» (ГЭНЬЁСЯ)

Откроем классическую работу Рональда Сэта «Тайные слуги»¹. Итак, старейшее тайное патриотическое

общество «Чёрный океан» возникло в 1879 году. Его целью изначально стало обеспечение успешной экспансии Японии против Китая и Российской империи. Для чего требовалось обнаруживать наши слабые места и всю их использовать.

Первыми целями «Чёрного океана» стали Синьцзян и Средняя Азия. Например, в Туркестане сразу планировалось использовать антирусские настроения. Если для их усугубления потребуется участие Японии в сельском хозяйстве Средней Азии, то общество ассигнует нужные средства. Когда местные увидят, сколько могут сделать для них японцы, они, как планировали в «Чёрном океане», отвернутся от русских. (Принцип «мягкой силы», показа более привлекательной модели развития, что можно было бы применить и на Украине с 2000 по 2013 год.)

Работа велась ещё и в Бирме (нынешняя Мьянма), в Тибете и Индии. Словом, везде, куда японцы стремились распространить свою империю, когда (забежим вперёд) начали войну в 1941-м.

Агентами «Чёрного океана» подчас выступали люди из самых низких слоёв общества. Сет приводит историю бывшего рикши Фудзо Хаттори, родившегося в 1878 году. Завербованный самим основателем «Чёрного океана» Мицури Тояма 16 лет от роду, он женился, получил от Тоямы на свадьбу огромную для простого человека сумму денег и гарантии того, что его семья будет получать ежемесячное содержание в то время, когда Хаттори забросят в Центральную Азию. При этом юноша должен был держать свою работу на тайное общество в полнейшем секрете. Наказание за болтливость — смерть.

После полуторагодовой подготовки в разведшколе на самом северном острове Японии, в Саппоро, Хаттори превратился в агента, хорошо владевшего китайским диалектом того

Строители Японской империи уже во второй половине XIX века создали уникальнейшую систему разведки. А она есть способ воздействия информации на реальность, прикладная магия. Помимо официальной государственной разведки, с её штатами, званиями, бюрократической структурой и бюджетом, японцы формировали ещё и тайные общества. Их членами и спонсорами выступали крупные промышленники и богатые люди. При этом тайные общества переплетались и с официальной государственной «тайной службой», и друг с другом.

¹ Рональд Сэт. Тайные слуги. — М.: Военное издательство МО СССР, 1962 г.



района, где ему надо было работать, приемами джиу-джитсу (каратэ и дзюдо), приёмами обмана и конспирации. В это время главными резидентурами — отделениями «Чёрного океана» служили бордель «Дом приятных наслаждений» в китайском Ханькоу и школа джиу-джитсу во Владивостоке. Забегая вперёд, скажем, что японская разведка всю использовала коррумпированность чиновников и офицеров противника, их сексуальные пристрастия и тягу к наркотикам. Она вообще стремилась разлагать верхушку стран, с которыми воевала или превращала в объект захвата.

Сначала Хаттори отправился в Ханькоу. Там японцы использовали бордель для того, чтобы завлекать китайских сановников — а потом их шантажировать. Заодно в Ханькоу действовал узел встреч агентов, оперировавших в китайском Синьцзяне и в русской Средней Азии. Через проституток агенты передавали свои донесения. Работали они автономно.

Из Ханькоу шпион Хаттори держит путь в Синьцзян. Там он изображал китайского торговца, продававшего порнографические открытки и снадобья от всех болезней (наркотики). Хаттори налаживал отношения с буддийским и мусульманским духовенством, вступал в любовные связи с дочерьми влиятельных людей, собирая сведения об укреплениях и дорогах. Он толковал о тяжком налоговом бремени с людьми и давал взятки тем, кто мог ему помочь в сборе данных. (Средства на это он зарабатывал своим бизнесом, ибо, по мнению руководителей тайного общества, хороший агент должен уметь вести торговлю, используя первоначальные суммы как стартовый капитал.)

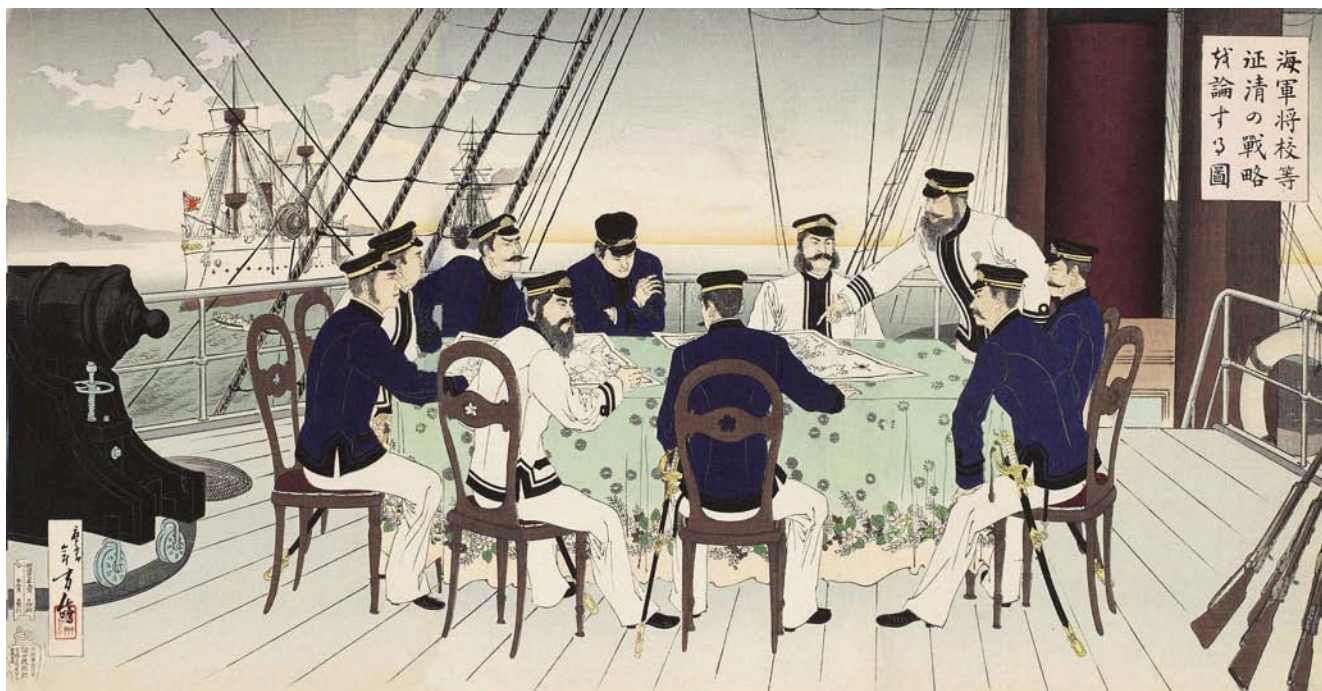
Собранные сведения Хаттори отвозил дважды: в Ханькоу и Владивосток. Причём он пришёл к выводу, что шпионское отделение во Владивостоке (школа единоборств джиу-джитсу) работает намного эффективнее китайского борделя, при этом выступая цен-



тром для сети разведчиков в Восточной и Центральной Сибири, в полосе Транссибирской магистрали. Удивительно, но в царской России японцы шастали по Сибири так же вольготно, как нынешние китайцы — по зауральской РФ. Например, в 1898 году, за шесть лет до начала Русско-японской войны, Хаттори встретился во Владивостоке с «топографической экспедицией», которая шла в Хабаровск. Она снаряжалась агентами, подготовленными в разведшколе в Саппоро. Причём то была

уже ВТОРАЯ экспедиция: первая успешно состоялась в 1897-м.

Из Владивостока шпион Хаттори отправился в русскую Среднюю Азию. Затем в 1900-м вернулся во Владивосток — и оттуда вернулся в Японию. Там он работал секретарём основателя «Чёрного океана» Тоямы. Жена родила ему девять (!) детей — тайное общество поощряло размножение самых ценных агентов (усиление расы господ). Но Хаттори ещё и наложницу взял — 13-летнюю девочку. Она родила ему ещё шестерых чад.



ДЬЯВОЛЬСКАЯ СИЛА

Как отмечает Р. Сэт, ни одна разведка мира не имела в своих рядах таких самоотверженных фанатиков, отличавшихся патриотизмом, верностью и преданностью стране. Нет ничего удивительного в том, что японцы к началу Русско-японской войны буквально наштапиговали тыл нашей армии массой таких шпионов. Они маскировались под китайских официантов и парикмахеров, прислугу, торговцев, массажистов, проституток. В Порт-Артуре они затем будут подавать по ночам сигналы фонарями Ратьера своим миноносцам, наводя их атаки на русские корабли и показывая безопасные фарватеры. Они будут работать и на территории Российской империи, давая командованию в Токио полную картину происходящего, сообщая обо всех движениях русских войск и кораблей. Ну а ещё японцы отлично контактировали с революционерами, пытаясь подорвать Российскую империю изнутри.

Обратите внимание: японцы бросали в тайные операции пламенных,

убеждённых националистов. А вот власти РФ русских националистов гнобят, что называется, по-чёрному.

После появления патриотического тайного общества «Чёрный океан» стали возникать и другие подобные общества. В 1898-м появляется «Восточно-Азиатское общество единой культуры». Оно в своей деятельности было нацелено на Китай, официально создавая единую японо-китайскую письменность. (Цинский Китай по коррумпированности своего госаппарата, произволу судебной власти и промышленной отсталости сильно напоминал и тогдашнюю Российскую империю, и наши дни.) «Восточно-Азиатское общество единой культуры» учредило свой колледж в Шанхае: колледж Тунь Вэя. Тут готовили агентов, что отправлялись затем не только в собственно Китай, но и в Бирму, Индию, на Филиппины, в Монголию и Аннам (Вьетнам). Учебное заведение проработало до 1945 года. Кстати, его преподавателем с 1924 г. работал Курбан Али, видный тюркский националист и враг СССР.

ОБЩЕСТВО ЧЁРНОГО ДРАКОНА (КОКУРЮКАЙ)

В 1901 году возникает тайное патриотическое Общество Чёрного дракона (основатель — Рёхей Утида). Само название общества² указывало на главную цель — оттеснить русских из Манчжурии и Кореи за Амур. Впрочем, как и вообще с Тихого океана. Кокурюкай изначально создавали для успешной войны с Россией, а потому формировали его из тех, кто уже имел опыт разведки в материковой Азии. Ведь именно Утида и создавал в своё время школу джиу-джитсу «Чёрного океана» во Владивостоке, а его сподвижник Сугияма — «Дом приятных наслаждений» в Ханькоу.

Откроем статью Евгения Жирнова «Не имеет денег для большой войны»³, опубликованную к 120-й годовщине начала Русско-японской войны. В 1897–1898 гг. Рёхей Утида совершает поездку в Российскую империю (совершенно открыто), по итогам которой подготавливает свой аналитический труд, публикуемый в бюллетене Кокурюкай в 1901-м.

² Китайское название реки Амур — Хэйлунцзян, что в переводе означает «река Чёрного дракона».

³ <https://www.kommersant.ru/doc/6464137>



В нём он приходит к выводу: Япония в силах разгромить Россию по причине её внутреннего разложения. Приведём выдержки из этой работы.

«Россия — страна земледельческая. Поэтому в торговых оборотах её первое место занимают продукты земледелия.

Судя по цифрам её торговых оборотов, можно было бы предположить, что народ русский богат, но на самом деле он беден.

Происходит это потому, что народ работает на землевладельцев, которые пользуются всей выгодой; кроме того, причиной бедности служат частые неурожаи и невежество народа. Промышленность за последнее время несколько продвинулась вперёд, но этому она исключительно обязана иностранцам, их предприимчивости и их капиталам».

«Вообще, в торгово-промышленном отношении Россия обнаруживает все признаки полумёртвого государства».

«Состояние финансов России по меньшей мере странно. Судя по цифрам бюджета на 1901 г., можно было бы предположить, что всё обстоит благополучно, но на самом деле финансовое положение далеко не удовлетворительно... Ни одна держава не имеет в финансовом отношении никакого доверия к России».

Честно говоря, читаю — и дрожь по коже идёт. Сильнейшее дежавю. Но больше всего Утида упирал на плохое качество тогдашнего истеблишмента Российской империи.

«Высшие классы, господствуя вполне над низшими и пользуясь своим привилегированным положением, эксплуатируют последних, таким образом, богатые делаются богаче, а бедные — беднее. Естественным последствием такого порядка вещей является появление нигилистов и социалистов, не прекращающих своей вредной деятельности. Недавние бунты рабочих и студентов во всех главных городах России могут служить тому примером. Всех сословий четыре: дворяне, духовенство, мещане и крестьяне. Правящий класс — дво-

ряне; все они воспитываются для того, чтобы быть впоследствии чиновниками. Но подготовка их для будущей их деятельности весьма неудовлетворительна. Учатся они мало и кое-как; большую же часть своего времени они проводят в выездах в общество и в подыскивании себе протекции. Таким образом, ещё до окончания учения они обыкновенно уже обеспечены хорошими местами. Тупость — их отличительная черта...

Принадлежащие к высшему классу обеспеченные всем люди ведут самый пустой образ жизни, думают лишь об удовольствиях и наслаждениях, предаются разврату и часто доходят до крайнего нравственного безобразия; подчас они ведут себя прямо как животные».

«Тут царство взятки и произвола... Все русские чиновники злоупотребляют своим положением, все они торгуют своей властью; взяточничество поголовно... Вообще, взяточничество в России убивает всякую деятельность и всякую предприимчивость, оно тормозит и торговлю страны, и развитие её промышленности».

«Тот, кто боится России, не знает её и видит лишь надеваемую ею маску дьявола... Если нам придётся сразиться, не может быть сомнений, что победительницей будет Япония».

А Утида не унимался, затем издав вторую работу по России. Японское правительство изъяло её из открытого обращения, дабы не обострять до времени отношений с Петербур-

гом. Но нам выводы Утиды известны. Главной слабостью России он считал именно самодержавную монархию: когда воля одного человека решает всё. А значит если монарха запутать и дезинформировать, то Россия потерпит поражение.

В финансировании от богатых членов Общества Чёрного дракона его основатель и душа недостатка не испытывал. Подчеркнём: аналогов двух закрытых разведывательных обществ не имелось в тогдашней Российской империи. Ну не считать же таковым придворный клан Безобразова и примкнувших к нему дельцов, пытавшихся с самого конца XIX века отобрать у японцев всю Корею (лесопромышленные концессии и фактически ЧВК в виде наёмных казачьих отрядов)! Увы, нет аналогов таких обществ бомонда РФ и в случае с Украиной. Ни накануне 2013 года, ни после.

ВОЙНА — ПУТЬ ОБМАНА

Можно сказать, что работа общества Утиды помогла Японии убедить власти тогдашней России в том, что Япония к войне не готова, что она слишком неразвита и бедна. Всё это до боли напоминает то, что было в случае с Украиной. Мол, своего современного оружия у нее нет, армия слаба, экономика — тоже. Но в случае с Японией 1904 года, как мы помним, самураи получили вовремя щедрые ссуды от Британии и Соединённых Штатов. А британцы построили для них

Аналогов двух японских закрытых разведывательных обществ не имелось в тогдашней Российской империи. Ну не считать же таковым придворный клан Безобразова и примкнувших к нему дельцов, пытавшихся с самого конца XIX века отобрать у японцев всю Корею (лесопромышленные концессии и фактически ЧВК в виде наёмных казачьих отрядов)! Увы, нет аналогов таких обществ бомонда РФ и в случае с Украиной. Ни накануне 2013 года, ни после.



новейшие броненосцы и тяжёлые крейсера, что сыграют решающую роль в битвах против нашего флота в Жёлтом море и при Цусиме. Как это напоминает историю с Украиной, которая накануне февраля 2022-го смогла с помощью Запада подготовить неплохо обученные ВСУ. А затем — получить из-за рубежа новейшие системы высокоточного залпового огня («Хаймарсы»), отменную самоходную артиллерию, дальнобойные ракеты (баллистические ATACMS и крылатые Storm Shadow/SCALP-EG), отличное противотанковое оружие, тысячи беспилотников. А главное — передовые системы разведки, управления и закрытой цифровой связи (спутниковая система «Старлинк» и автоматизированные системы управления боем), технику для радиоэлектронной разведки и борьбы, современные зенитно-ракетные комплексы. Мало того, Запад смог убедить Москву в том, что слишком расслаблен, безволен и не станет всерьёз бороться.

Но так же было и накануне Русско-японской. Враг поступал вполне по заветам древнекитайского стратега Сунь-Цзы: война — путь обмана. Если ты слаб — внуши противнику представление о своей невероятной силе. А если силен и готовишься напасть — убеди врага в том, что ты

слаб и нерешителен. При этом глубоко изучи особенности того, на кого нападаешь, — и полностью используй его внутренние слабости.

В случае с Россией начала XX века у японцев получилось неплохо. Прочитируем работу Е. Жирнова:

«...К примеру, служивший военным атташе в Токио в 1900–1902 годах полковник Г.М. Ванновский под влиянием тех сведений, которые ему давали возможность получить в стране пребывания, “утверждал и в разговорах, и в своих донесениях правительству, что войска Японии не заслуживают никакого внимания и будут уничтожены при первой с нами схватке”.

А в мае-июне 1903 года с той же целью был эффективно использован визит в Японию военного министра России. Японские генералы показывали А.Н. Куропаткину армейские подразделения, военные учебные заведения и некоторые заводы. И он отмечал, например, образцовый порядок во время проведённого для него смотра:

“Войска были очень хорошо выровнены, хорошо одеты. Салютовали при объезде знамёнами. Тишина в строю полная”.

Но основное внимание российский военный министр уделял не-

достаткам. Причём о многих из них ему рассказывал министр армии Японии генерал-лейтенант граф Тэраути Масатакэ:

“Тераучи считает, что довольствие рисом, главное в японской армии, где рис заменяет хлеб и мясо, имеет свои недостатки, ибо приготовление риса требует довольно значительного времени... Военный министр сказал мне, что они не очень довольны обувью, неудобною в грязь, и что предполагают заменить её родом нашего, с небольшими голенищами, сапога”.

Японский министр рассказывал российскому коллеге и о других проблемах. В числе прочего он сообщил А.Н. Куропаткину и очень важную информацию:

“Он откровенно признавался, что Япония не имеет денег для большой войны”.

Об этом же говорили и другие японские генералы. Слова министра армии подтвердил и военный агент (атташе) Франции, единственной в тот момент страны — союзницы России:

“Французский военный агент в Токио, — писал А.Н. Куропаткин, — очень толковый офицер, живущий в Токио четвёртый год, говорил мне следующее:

Финансовое положение Японии очень затруднительное. Замедляются даже срочные платежи. Что, не получив денег на стороне, Япония воевать не может”.

От него же российский военный министр получил дополнительные сведения, в основном совпадавшие с его собственными наблюдениями:

“Японцы воинственны и будут в делах храбры. Их пехота отлична, вынослива. Материальная часть артиллерии неудовлетворительна. Конский состав слаб, но принимаются меры к улучшению его”⁴.

В общем, японцам удалось усыпить бдительность Петербурга накануне войны. (Достаточно сказать, что планы Куропаткина в начале войны всерьёз предусматривали раз-

Работа общества Утиды помогла Японии убедить власти тогдашней России в том, что Япония к войне не готова, что она слишком неразвита и бедна. Всё это до боли напоминает то, что было в случае с Украиной. Враг поступал вполне по заветам древнекитайского стратега Сунь-Цзы: война — путь обмана. Если ты слаб — внуши противнику представление о своей невероятной силе. А если силен и готовишься напасть — убеди врага в том, что ты слаб и нерешителен. При этом глубоко изучи особенности того, на кого нападаешь, — и полностью используй его внутренние слабости.

⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/6464137>



гром японских войск в Манчжурии и морскую высадку Русской армии на Японские острова.) И так было вплоть до внезапной атаки самурайских миноносцев на нашу эскадру в Порт-Артуре январской ночью 1904 года. Русские военные силы буквально спали. Никто их не увеличил и не привёл в повышенную готовность. Все (включая и царя, и военного министра) пребывали в уверенности в том, будто японцы — даже если и нападут — подвергнутся сокрушительному поражению и на море, и на суше. Предупреждения министра иностранных дел России, графа

Ламсдорфа, о том, что первый удар самураев получится и неожиданным, и сокрушительным (декабрь 1903-го), пропустили мимо ушей.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА В ДЕЙСТВИИ

Давайте покажем наглядно, как закрытое общество Утиды сработало в войне.

В 1897 году общество «Чёрного океана» решило создать резидентуру в Имане (ныне — Дальнереченск) в Приморье. Надо было держать руку на пульсе Транссиба. В том году один

из основателей «Чёрного океана» Рёхэй Утида вербует для этой миссии красивого молодого рикшу Тёити Хирояму, двадцати шести лет. Утиде понравились и умный взгляд рикши, и его отличное телесное сложение, которое было под стать борцу-легковесу. Хирояма стал членом тайного общества, принеся присягу верности и молчания. Тайное общество дало бывшему рикше деньги и сделало компаньоном Накамуры — владельца продовольственного магазина. Старый лавочник быстро обучил Хирояму хитростям розничной торговли. Потом Хирояму отправили в разведшколу в Саппоро. Кстати, 17-летнюю жену агента убедили оставить работу на хлопчатобумажной фабрике и стать чистой домохозяйкой, которая в скором времени родила мужу двоих сыновей. (Японские тайные общества занимались настоящей евгеникой, поощряя многодетность умных и смелых агентов.)

В Саппоро Хирояму готовили к роли японского владельца магазина в русском Имане, учили русскому языку и умению оценивать информацию, принесённую полевыми агентами. Снова получив деньги от тайного общества, он закупил на них товары для начала торговли в Имане. Перед отправкой в Россию куратор Хироямы, сам Утида, предупредил: никаких денег на ведение разведки больше не жди. Зарабатывай их сам на своём магазине. «Если вы потерпите неудачу как владелец лавки, вы потерпите неудачу и как агент. Помните, каких бы успехов вы ни добились, не ждите от родины никакой награды, кроме благодарности. Самая большая земная награда ничтожна в сравнении с той наградой, которую человек может заслужить у богов...» — так звучало напутствие от общества «Чёрный океан».

Разведка велась в точности по заветам иезуитов, не брезговавших никакими средствами для достижения цели. Прибыв в Иман, молодой и красивый японец открыл лавку. Попервоначалу казалось, что дела идут плохо. Но положение спасли жёны офицеров местного гарнизона.



Им здесь было откровенно скучно. Первой любовницей Хироямы стала жена 43-летнего капитана Григорьева, случайно увидевшая японца по поясу голым, когда тот разгружал ящики с товарами. Она поделилась впечатлениями с женой адъютанта своего мужа, мадам Прохоровой, — и пошло-поехало. Жены офицеров зачастили в магазин. Это сразу же вызвало и наплыв покупателей из местных жителей: если барыни сюда ходят — значит, товар у японца хорош.

Иманская резидентура заработала вовсю. Жена ежегодно рожала японцу детей. Хирояма не только принимал донесения приходивших к нему полевых агентов, но и сам добывал ценные сведения. Он свёл знакомство с местным русским учителем, интересовавшимся Японией и её обычаями. Потом вызвался учить приёмам японской борьбы русских школьников, а потом — и их отцов. Мадам Григорьева стала его любовницей, и он часто к ней заходил, спасая от серых гарнизонных будней, — ибо господин Григорьев столь же часто уезжал по делам службы. От любовницы он знал, где строятся укрепления для охраны Транссиба в Приморье. Он слушал и болтовню офицерских жён в своём магазине — и неплохо знал, куда и в каком числе прибывают подкрепления, как пере-

дислоцируются части, как поступают боеприпасы. Собранная информация уходила во Владивосток.

К тому времени Порт-Артур также был полон японскими шпионами. Особенно много их было среди грузчиков и портовых рабочих, причём выдавали они себя то за китайцев, то за маньчжуров. Они работали и прислужкой у русских офицеров, регулярно знакомясь с содержанием бумаг на их письменных столах и в мусорных корзинах. Хотя обсуждать служебные дела в столовых офицерам и запрещалось, они запрет нарушали — и «китайская» прислуга внимательно слушала их болтовню. Японцы смогли добиться того, что на монтаже электрических сетей в Порт-Артуре каждый десятый был их шпионом.

КОГДА ДАЖЕ ИНАЯ РАСА — НЕ ПОМЕХА

В 1900 году полковника Мотодзиро Акаси назначили военным атташе во Франции, Швейцарии, Швеции и России. Его назначение продавило тайное Общество Чёрного дракона. Именно Акаси начал закладывать разведсеть в европейской части нашей империи. История его контактов с революционерами давным-давно описана. Он действительно

организовал финансирование финским сепаратистам (Кони Цилякус) и сепаратистам Закавказья (Декано-зишвили). Через Цилякуса деньги шли на организацию революционно-оппозиционных конференций в Париже 1904-го и Женеве 1905 года. И хотя нельзя сказать, что именно японцы вызвали первую русскую революцию 1905–1907 годов (лавина реально нависла, нужно было лишь её стронуть умелым толчком), заявка на будущий взрыв Российской империи изнутри была сделана. Заметьте: Акаси не «распилил» деньги, не прикарманил их, не пустил на какие-то фиктивные мероприятия: он добросовестно потратил их на то, чтобы сдетонировать революционный взрыв в Российской империи. Это вам не убогие затеи российских чиновников накануне 2014 года на Украине, это не Затулин и не Сурков. Японцы чётко видели, что в России тогда назрела смута и появилась порода свихнувшихся на одной мысли: свергнуть самодержавие. А японцы, будучи умными, вполне в духе ордена иезуитов, их использовали к своей вящей пользе.

В европейской части Российской империи имелись и агенты-японцы. Причём расовые различия им совершенно не мешали. Например,



один работал пекарем кухни военно-морского штаба в Одессе. Ясуносукэ Ямамото был в прекрасных отношениях с русскими, которые считали, что симпатичный японец просто бежал из своей страны из-за того, что не хотел исповедовать веру в особое положение японской расы. Дескать, не одобрял планов завоевания всего мира детьми богини Солнца.

Ямамото на самом деле был капитан-лейтенантом ВМС Японии — и весьма умело добывал сведения о русских боевых кораблях, каковые в поездках в Петербург свободно передавал в японское посольство. Особенно это касалось тех кораблей, что должны были переходить в Порт-Артур...

С началом Русско-японской войны Хирояма срочно распродал товары в Имане и уехал в Японию с женой и семерыми детьми. А когда она кончилась — он снова вернулся в тот же Иман. Где и проработал резидентом аж до 1921 года. Потом он работал на КВЖД в Манчжурии — до своей смерти 55 лет от роду, в 1924-м...

А во время Русско-японской войны не только тыл наш был полон японскими агентами. Резиденты и шпионы двигались вместе с наступающими японскими дивизиями. Они отлично знали обходные пути и не обозначенные на картах дороги и тропы, форты и склады, наклонности жителей. В то время как русские войска, лишённые карт, просто блуждали среди сопков, словно в потёмках. Специальные группы шпионов двигались впереди японских войск. На всех участках фронта японцы создали разведывательные органы, что руководили тайными бюро в тылу наших войск. Каждый японский шпион имел трёх-четырёх курьеров, замаскированных под китайских торговцев-лоточников или под рабочих-кули. Агенты собирали информацию, открывая булочные и чайные, куда ходили русские солдаты, широко применяли диверсии в русском тылу.

Удивительно, но даже в разгар войны, в сентябре 1904-го, во вре-

мя подготовки к переходу Второй эскадры под командованием адмирала З.П. Рожественского с Балтики на Дальний Восток в петербургской паровой компании продолжали работать два японца. Капитан-лейтенанты Кэндзо Камакура и Сэйко Акиёси приняли православную веру, Камакура даже женился на русской. Они успешно снабжали (через посольство Японии в Берлине) Токио сведениями о подготовке эскадры Рожественского. И только их арест полицией (первоначально не имевшей никаких доказательств шпионажа арестованных) позволил разгромить эту ячейку разведсети. Что, впрочем, уже не помогло нам...

Работу «Чёрный дракон» сделал хорошо, действовал и дальше, к 1944 году имея более 10 тысяч членов и работая в США, Латинской Америке, Эфиопии и Северной Африке. Помимо богачей-спонсоров в Кокурюкай входил даже один премьер-министр Японии. Общество располагало двумя разведшколами: «Академией подготовки националистов» и «Школой иностранных языков». Да, в случае с Украиной ничего подобного мы не видим...

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Как отмечает Сэт, одновременно тайные общества помогали своим членам занять руководящие посты в самой Японии. А тех, кто мешал

этому, устраняли, подчас и физически. В тайные организации набирали людей из всех слоёв общества, обращая внимание на их преданность идеям японского империализма. А за рубежами империи шпионы работали как бизнесмены, лавочники, рыбаки, спортивные инструкторы, торговцы порнографией. Маскировались они под туристов и студентов, изучающих английский язык или ислам. Были археологами и учёными.

Да, всё-таки тандем «государство — закрытые общества» сработал лучше, чем тотально государственная система России. По части организации разведки и способности элиты создавать «целевые» негосударственные общества (работающие в спарке с государством) самураи нас тогда намного превзошли. И победили. А вот когда Японии пришлось столкнуться в 1941–1945 годах с Союзными Штатами, где, в отличие от нас, давно работал (и продолжает действовать) тандем «государство — закрытые общества», она в итоге потерпела тяжёлое поражение.

Нам необходимо создавать именно тандемную систему разведки. Решительно меняя старую «элиту» на элиту подлинную. Способную на самоорганизацию. В противном случае — а СВО на Украине неизбежно продолжится в серии последующих конфликтов — мы рискуем попасть в положение Российской империи начала XX века.

Тандем «государство — закрытые общества» сработал лучше, чем тотально государственная система России. По части организации разведки и способности элиты создавать «целевые» негосударственные общества (работающие в спарке с государством) самураи нас тогда намного превзошли. Нам необходимо создавать именно тандемную систему разведки. Решительно меняя старую «элиту» на элиту подлинную, способную на самоорганизацию. В противном случае мы рискуем попасть в положение Российской империи начала XX века.



/ Василий КОЛТАШОВ, Андрей КОРЯКОВЦЕВ, Антон СКНАРЬ /

Академическая наука как проблема





Контрреформация в науке и образовании назрела

Нынешняя война, санкции и острейшая потребность в новой индустриализации РФ требуют огромного притока научно-технических, исследовательских, инженерных кадров, а также — молодых квалифицированных рабочих. Мы видим, каким вызовом для нас становятся перспективные планы Пентагона. Могут ли это обеспечить нынешние средняя школа, профтехобразование и вузы? Наша фундаментальная и прикладная наука? Нет. И дело не только в недостаточном финансировании данной сферы и не в том, что в стране отсутствует системно выраженная политика индустриализации. (Хотя без развитого реального сектора экономики усыхают наука и образование.) К сожалению, сами образование и наука РФ сейчас представляют собой Авгиевы конюшни, без очистки которых ничего не получится. Проблемы в них накапливались со времён СССР, а неолиберальные «реформы» окончательно парализовали важнейшие сферы нашей жизни.

Стране необходимы контрреформы в образовании и науке, ликвидирующие плоды неолиберального варварства. В этой связи большой интерес представляет доклад Института нового общества (ИНО) под руководством Василия Колташова «Академическая наука как проблема: бюрократические пороки, токсичность гуманитарной сферы и рецепты исправления положения дел в научно-образовательной системе России». Данный доклад мы публикуем в сокращении.

Редакция журнала «Изборский клуб»

Россия медленно вступает на путь контрреформы науки и образования после долгого периода неолиберальных реформ в этой сфере. Результат этих реформ таков, что без преувеличения можно сказать: ни в Российской империи, ни в советское время ситуация в высшем образовании и науке не была столь нездоровой, как сейчас. Каково наследие неолиберальных преобразований? Можно ли рассчитывать на то, что формальный отказ от Болонской системы и возвращение специалитета в высшем образовании устранил проблемы? Каковы они — эти проблемы? Насколько глубоко поражена болезнью академическая система? Способна ли она к самоисцелению? Как функционирует гуманитарная наука? По каким внутренним законам существует академическая бюрократия? И что нужно сделать для исправления положения?

ВНЕШНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ: ЦАРСТВО БЮРОКРАТИЧЕСКОГО МАРАЗМА

В минувшие два десятилетия на изменение структур и сопутствующих им механизмов работы были направлены многочисленные оптимизации: ухудшения системы и её элементов посредством удаления «лишних» образований, усложнения или грубого упрощения процессов, включая их формализацию (культ отчетности и вера в преподавателя как репродуктор информации).

С одной стороны, систему науки и высшего образования в России подтачивали и прямо атаковали приверженцы неолиберальной экономической доктрины. С другой — её пытались защищать работники де-структивно оптимизируемых учреждений, различные активисты-

общественники, добросовестные чиновники и дальновидные предприниматели-промышленники. Примером столкновения атакующих неолибералов и отбивающихся «академиков» была реформа государственных академий наук в России в 2013–2018 годах. Две отраслевые академии были влиты в Российскую академию наук (РАН). Было создано Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) — бюрократический орган управления наукой и её хозяйством (особенно недвижимостью), не переживший из-за скандалов и критики 2018 год и заменённый Министерством науки и высшего образования.

Производилась реструктуризация научно-образовательных структур, формализация и бюрократизация работы их сотрудников. В вузах и научных институтах увеличивалось количество различных администра-



тивных кадров и сокращалось число преподавателей и исследователей. *Бюрократический аппарат среднего российского вуза вырос с советских времён примерно в три раза. В некоторых столичных вузах доля кадров, не связанных с образованием и исследованиями, составляет 65%. Менеджмент подчинил себе преподавательские и научные кадры в различной форме, не обязательно напрямую, но и при помощи отчётности, меняющихся многообразных форм бумаг, требуемых для тех или иных действий или их согласования.*

РАН регулярно подчёркивает: государственное финансирование науки и образования следует увеличить. Например, президент РАН Александр Сергеев в ходе общего собрания членов академии сообщил, что расходы на фундаментальные исследования в 2023 году следовало бы поднять с 0,18% до 0,27% ВВП. Министр финансов Антон Силуанов в феврале 2023 года ответил: «Нам нужны конкретные результаты с точки зрения контроля за теми инструментами бюджетного финансирования, которые у нас есть. Нам нужно усилить контроль за другими видами бюджетных средств, которые выделяются на науку, чтоб были результаты, а не отчёты о публикациях». То есть А. Силуанов лишь предлагал

усилить бюрократический контроль над бюрократическим контролем, построенным на выполнении строгих требований закона по бюрократическому контролю и процедурам в науке и высшем образовании.

Создается ощущение, что вопрос о развитии российской науки и высшего образования есть вопрос величины бюджета. Будет больше финансирование — большими будут результаты? И наоборот? Проблема в том, что на эти вопросы нет однозначного ответа. Меры по повышению заработной платы преподавателям вузов обернулись сокращением целых кафедр и пластов специалистов, чтобы высвободить средства, которые в немалой мере были отправлены ректорами на оплату администраторов.

Российское общество не заметило этой проблемы, которая не осознаётся вполне и правительством. Академические чиновники вообще, видимо, поняли указание президента вернуться к специалитету в высшем образовании как распоряжение соединить болонские звенья бакалавра и магистра, вернув старое название. Едва ли следует предполагать и де бюрократический откат процессов, когда обучение и оценка студентов будут производиться не в болонском духе и не на основе приоритета контроля над качеством.

Не видно никакой административной или академической рефлексии относительно состояния российской науки и высшего образования по итогам деградации её в постсоветский период и неолиберального реформирования, усугубившего положение. Любопытно, что общество не сигнализирует наверх о проблемах, поскольку, видимо, их плохо сознаёт. Для него диплом сам по себе или диплом определённого вуза более важен, нежели сам процесс обучения и его содержательный результат. Неясны обществу и многие исследования, включая откровенно вредоносные — неолиберальные гуманитарные проекты.

Проблемой стало восприятие учёных и преподавателей значительной частью общества как образованных паразитов. Это более всего касается гуманитариев, но не распространяется на школьных учителей и преподавателей колледжей. *Общество во многом восприняло в последние десятилетия утилитарный подход к высшему образованию, что согласуется с неолиберальным его пониманием: профессор-репродуктор сообщает информацию, которая может быть полезной или бесполезной, её следует вовремя запомнить надолго или быстро забыть после экзаменов. Главным является не понимание и не умение добывать знание самостоятельно (тем более новое знание), а некие алгоритмы работы и, естественно, диплом.*

Общество положительно оценивает отечественные научные разработки, одобряет людей и структуры, давшие такой результат. Однако проводились ли опросы о том, сколько россиян одобряют отечественные «гендерные исследования» за счёт государства или иностранных фондов? Впрочем, это никакие не исследования. Это пропаганда ЛГБТ, спускаемая в вузы из профильного министерства. Преподаётся студентам.

Опрос об отношении россиян к почти повсеместному преподаванию американской экономической идеологии «Экономикс» под видом

Не видно никакой административной или академической рефлексии относительно состояния российской науки и высшего образования по итогам деградации её в постсоветский период и неолиберального реформирования, усугубившего положение. Любопытно, что общество не сигнализирует наверх о проблемах, поскольку, видимо, их плохо сознаёт. Для него диплом сам по себе более важен, нежели сам процесс обучения и его содержательный результат. Общество во многом восприняло в последние десятилетия утилитарный подход к высшему образованию, что согласуется с неолиберальным его пониманием.



науки даже не нужно проводить. Граждане проголосовали рублём: Банк России зафиксировал по итогам 2022 года передачу гражданами мошенникам 14,1 млрд рублей, что является рекордом с 2019 года. Это можно считать «достойным» итогом многолетней борьбы с финансовой неграмотностью при помощи школ, колледжей и вузов, где особенно активно преподают «Экономикс». *В итоге дефицит экономических знаний только возрастает.*

Беда российской науки и высшего образования более всего в том, что «низы» и «середина» в виде самих академических кадров не могут описать узел противоречий и проблем. «Верхи» в виде грандбюрократии — узкого руководящего государством слоя — склонны идеализировать систему науки и высшего образования, корректируя её точечным образом, что не снимает основных проблем.

АСПИРАНТУРА-ДЕМОТИВАТОР

Президентский проект для талантливых студентов «Сириус» может служить печальным примером. Пройдя круги мотивирования и погружения в различные сферы знания и творчества на базе «Сириуса», вдохновлённые общением со многими талантливыми людьми, молодые учёные могут оказаться в обычной российской аспирантуре. Здесь они обнаружат:

- 1) убивающее мотивацию и отнимающее время «обучение»;
- 2) детализированную и нудную отчётность;
- 3) массу требований по формальным конференциям, публикациям ВАК и РИНЦ;
- 4) безразличие научных руководителей и стремление кафедр, а ещё более — аппарата вузов сбросить всю бумажную рутину по аспирантам на самих аспирантов при господстве чудовищного формализма.

Ситуацию ухудшают изменения требований, исходящие от Министерства науки и высшего образования.

За три–пять лет «обучения» в аспирантуре, предпредзащиты и предзащиты молодые учёные узнают, если повезёт туда попасть не платно, что им светит ранг «кандидат»: не исследователь, а претендент на звание «доктор» (изучающий учёный). За рубежом с меньшей мукой они получили бы докторскую степень. Разочарует молодых претендентов канцелярский язык, который будет требоваться для изложения ещё живых мыслей, имитационный характер дискуссий и отчуждённость от публики формально научных изданий. Большой организм начнёт отравлять молодой и живой разум, без которого российской науке не продвинуться вперёд.

Обычный взгляд на науку и высшее образование предполагает оцен-

ку структур, кадров и форм выражения их деятельности и её результатов. Здесь опираются на рейтинги вузов, послужные списки преподавателей (как правило, не сообщающие их научную позицию) и формальные отчёты. Всё это может дать картину если и реальную отчасти, то мало действующую в исправлении системных пороков. А именно это требуется для решения проблем и развития российской науки и образования.

ВЫРАЗИТЕЛЬ ПОРОКОВ: УРОДЛИВЫЙ ПСЕВДОНАУЧНЫЙ ЯЗЫК

Насколько велик русский язык, настолько же плох академический язык в гуманитарных и общественных областях знания России. Проникает последний и в естественные и технические науки. Запутанность изложения, избыток ненужных терминов и общее усложнение простого — таковы внешние проявления этого псевдонаучного, наукообразного языка. Пороки эти были бы переносимы, если бы тихо отмирали. Но они воспроизводятся вновь и вновь во множестве псевдонаучных, псевдоучебных и просто академических «аналитических» текстов. От этой проблемы принято брезгливо отмахиваться, но она является индикатором состояния науки и образования. Она открывает важнейшую человеческую сторону процесса.

Одни стараются писать просто и ясно, избегая пустых слов и оборотов. Другие поступают наоборот. Они громоздят горы тяжёлых, нечитабельных предложений, наполняют их неоправданно сложными категориями и туманными отступлениями. Примечательно: некоторые авторы таких произведений не просто перетаскивают в свои тексты как можно больше иностранных терминов, но придумывают новые понятия. Они могут брать иностранное слово в русской транскрипции и «вкручивать» его в свои тексты. Как приятно бывает после поговорить о научной новизне этих понятий, якобы позволяющих нам куда-то проникнуть.

Пример псевдонаучного текста: «Интегральные возможности городского развития могут быть расширены за счёт новых факторов, обеспечивающих преобразующий эффект в рамках современной парадигмы». Однозначно нельзя сказать, что имел в виду автор этих строк, так как абстрактность его слов не заземлена примерами. В общественных науках не стесняются включать подобные обороты в записки, идущие по линии экономических или иных ведомств. В министерских аппаратах болезненно воспринимают рекомендации

начальства поработать с такого рода «научными предложениями».

В биографиях многих формальных учёных можно встретить упоминание: автор нескольких учебников. В последние десятилетия в России были написаны горы низкокачественных учебников или учебных пособий. Иные из них проникали в школы. Новый учебник де-факто копирует старые, но должен давать новые выражения, «инновационную подачу темы». Действуя по этой логике, авторы учебников легко превращают простое — в бессмысленное и сложное. Формулу «от перемены мест слагаемых сумма не меняется» они способны переделать примерно так: «Изменение местоположения элементов операции суммирования не ведет к изменению первоначально возможного результата расчётов». Подобные «улучшения» падают на головы учеников школ, студентов колледжей и вузов.

Другим частым недостатком учебников/учебных пособий по гуманитарным и обществоведческим дисциплинам является подмена предмета: фактически они наполняются *историей идей* по поводу заявленной темы. Раскрытия природы данного предмета в них не найти. Так, на-

пример, в учебниках/учебных пособиях по социологии по определению предметом является общество, в том числе — современные общественные процессы. Однако чаще всего в них обсуждаются разного рода обществоведческие концепции, и в большинстве случаев — устаревшие. Иначе говоря, *наука подменяется историей науки, а философия — историей философии*.

Политолог Владимир Киреев так описал происходящее: «Наши студенты, к счастью, редко читают всю эту безобразную гуманитарную литературу, пропитанную духом неолиберализма, а часто являющуюся и прямой отработкой западных грантов. Это их неуважение якобы к научной форме имело положительные политические последствия — студенческая масса не поддавалась прозападной агитации. Но вредные представления следует сменить на полезные, *вузам нужна гуманитарная учебная литература нового качества* и во многих случаях принципиально иного содержания».

Если анализировать тексты научных статей и монографий по темам гуманитарно-общественного знания (экономика, социология, философия, политология и т. д.), то выделяются следующие проблемы:





- 1) избыток терминологии и компиляций теории в качестве замены обоснования тех или иных тезисов;
- 2) ставка на непонятные громоздкие предложения, где бессознательно или умышленно автор запутывает мысль (молодых учёных учат писать не кратко и ясно, а «искусно»);
- 3) сложными предложениями любят начинать абзац, что является базовой установкой быть непонятым, тогда как короткие предложения в начале абзаца втягивают в понимание (в хорошем тексте большое предложение — кульминация, до которой необходимо подняться через ряд малых логически связанных фраз);
- 4) склонность к большим абзацам, затрудняющим восприятие информации.

Причины? Во-первых, это говорит об отчуждённости от общества, которое не привыкло в прессе, популярной литературе и в блогах встречать подобное изложение, но авторы тяжеловесных форм этого не знают — они от народа далеки. Во-вторых, личные психические проблемы, удаляющие индивида от социума. Особое значение имеет концептуальное понимание науки как страдания, что распространяется на стиль и методы преподавания и на административную организацию дела (таблица 1).

Если бы бессознательные приверженцы садомазохизма в науке и образовании могли рассуждать, они рассуждали бы примерно так: если ты, странник в мире людей, взялся за серьёзную книгу с трудным и часто громоздким заглавием, ты должен быть готов к тяготам познания, ибо познание не есть благо в себе, оно исключает удовольствие, оно несёт в себе страдание. Потому, добавили бы они, нацеленному на знание человеку следует напряжённо думать над всякой фразой автора такого труда, который и зовётся справедливо — труд.

Древнегреческий философ Протагор учил: «Кто ясно мыслит — ясно

Познание как страдание

Познание есть благо в себе, исключающее удовольствие. Для направления людей к этому благу следует отучить их от легкого отношения к познанию. Знание не должно обретаться легко и с удовольствием. Познание есть путь душевного страдания, самоограничения, несчастья в личной жизни и иных тягот. Только приняв эти тяготы и сопутствующее им угнетённое моральное состояние и, возможно, ограничив себя во всём, человек может продвинуться в науке как её потребитель, приобрести знания и получить диплом. Сами исследования в науке являются трудным делом, предполагающим отказ от ориентации на удовольствие.

Познание как удовольствие

Важнейшие научные открытия были сделаны по причине интереса учёных. Исследования доставляли им удовольствие, и это определило успех, поскольку создавало мотивы для него — внутренние побуждения. Потому получение знаний в учёбе и новых знаний как таковых должно быть приятным и увлекательным делом. Несчастный в силу ориентации на страдание (в садистском или мазохистском ключе) человек не способен ни делать великие открытия, ни делиться знанием. С таким настроением невозможно и получить знания качественно. Негативные стимулы могут образовать ремесленника, но не исследователя и не учёного, способного пробудить в других людях любовь и преданность к науке.

Таблица 1.
Две концепции познания: удовольствие или страдание?

излагает». А тот, кто пишет путаным, малосодержательным и кручёным языком, явно так же и мыслит.

С точки зрения образования это создаёт огромные трудности: демотивирует студентов и молодых учёных, формируя устойчивое отрицательное отношение и к людям в той или иной отрасли науки и образования, и к их деятельности, и к её формальным результатам. Но нет ли здесь подсознательного демотивирующего посыла, своего рода мести новым людям в познании за недобровольность личного к нему приобщения? Мол, я мучился — мучьтесь теперь и вы.

От учёных требуется иная воля: увлечённое устойчивое творческое занятие наукой ради удовлетворения собственной любознательности, общественной пользы, мирового и национального прогресса. В образовании такой подход означает проповедь новым поколениям любви к знанию и созиданию. Всё это уничтожается садомазохистами от науки на корню.

Серьёзнейшая проблема российской академической системы в том, что и до неолиберального её реформирования, и после в ней царит ремесленный подход к делу. *Профессия учёного понимается большинством как экономическая профессия,*

не как вид творческой деятельности, выбор которой порождён внутренними мотивами (этим создаётся научная честность, которая, как правило, отсутствует у наёмных учёных). Это меньше касается естественно-научной сферы и является колоссальной проблемой для общественных наук.

Сокращение числа аспирантов, кафедр и занятых на них преподавателей, усложнение получения научных степеней, внедрение в научно-преподавательскую сферу постоянной детальной отчётности при ставке на принудительные публикации в формально научных журналах создали *режим закрытой профессии*. Учёный ещё более отделился от общества, включая и его экономические структуры. Он предстаёт ныне представителем обособленной касты, занятой малопонятной и непродуктивной деятельностью.

Неудивительно, что это порождает обособленный от общества и системы управления государством академический язык. «Изложено слишком понятно, это не академический формат, так пишут за рубежом, у нас — не принято» — такие оценки иной раз приходится слышать талантливим аспирантам, которые из-за упрямства или по ошибке стараются ясно излагать свои мысли. *Исправить положение можно было бы*



принудительным возвращением академических сектантов на публику.

Преподавателей и учёных, не связанных с секретной работой, следует *обязать вести личные открытые блоги.* Подобное практикуется, например, в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ). Логика такова: если преподавателю нечего сказать людям — он плохой преподаватель и едва ли что-то полезное сообщит студентам. Тем более если он привык делать сообщения на плохом устном языке и пишет на академическом псевдоразумном диалекте. Ещё один положительный пример: в Финансовом университете (ФУ) при правительстве Российской Федерации практикуется премиальное ежемесячное вознаграждение за публичные выступления для экспертов — преподавателей.

Министерству науки и высшего образования РФ следовало бы поощрять публичную активность и блогерскую деятельность преподавателей вузов и колледжей. Одновременно следовало бы резко уменьшить требования по формально научным публикациям — не поощряя их, поскольку *произошло засорение формально научных изданий схоластическим мусором.* Публикации в прессе должны приравниваться к материалам научных журналов, которым следует научиться конкурировать за внимание «буржуазной публики», которая интересуется научными вопросами, но требует

ясности в их освещении, а не быть изданиями формально академических текстов, безразличными даже классу их авторов. К прискорбью, ныне поощряется писание в журнальчики и сборники, которые никто не читает. *Поощряются графомания и скудоумие.*

Подмена ясного научного языка псевдонаучным академическим языком началась ещё в советский период. Господствующие позиции в гуманитарной и технологической сфере псевдонаучный академический язык завоевал после 1991 года. Ныне им пишутся статьи и книги, и всё это сходит за нормальную деятельность учёных и экспертов. Некоторые особенно «даровитые» даже выучились разговаривать на таком языке. Им кажется, что чем менее понятно они будут выражать свои мысли, тем больший авторитет приобретут.

УСПЕХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ: ГОСПОДСТВО ФОРМАЛИЗМА И УЗОСТИ

Производство знаний в России подчинено производству формальных показателей. Всякий учёный работает по плану и ориентирован на его выполнение: обязательно нужно опубликовать три–пять статей в год, в зависимости от вуза и кафедры, на которой работает человек. О поиске истины на своём научном направлении говорить считается

зачастую неприлично: редки коллективы (кафедры и лаборатории вузов), в которых существует подлинная научная дискуссия. Она не поощряется. А с того момента, как заведующие кафедрами были превращены в менеджеров запутанной административной деятельности, они перестали быть научными лидерами коллектива (многие крупные учёные избегают этой позиции, находя её полностью хозяйственной), работа коллективов погружена в формализм. Цифровизация усилила его, поскольку не отменила формализации образовательного и научного процесса.

При этом российская академическая наука развивается в условиях рыночной экономики. Однако рыночные механизмы были встроены в академическую сферу с умышленными пороками: социальный статус учёного и его зарплата зависят от индекса Хирша, который формируется на основе количества публикаций в системах ВАК, СКОПУС, РИНЦ — их зачастую приходится покупать. Содержательной разницы между системами нет, они отличаются лишь количеством входящих в эту систему журналов. Чем больше журналов в системе — тем легче в них получить публикацию бесплатно. Чем меньше журналов в системе — тем больше вероятность, что за публикацию придётся заплатить. Стоимость размещения статьи ВАК составляет самое малое 10 000 рублей; цена возрастает при высокой скорости выхода публикации.

Учёные оплачивают и участие в конференциях, особенно международных, каковые едва ли могут быть названы действительными конференциями, поскольку не интересны ни публике, ни бизнесу, ни государственным управленцам, а нужны лишь для обеспечения отчётности. Естественно, никакой научной дискуссии такие мероприятия не отражают. Зато они уничтожают возможность дискуссии. Она не подотчётна и не вознаграждается, в отличие от формального участия в якобы научных конференциях.

Производство знаний в России подчинено производству формальных показателей. Всякий учёный работает по плану и ориентирован на его выполнение: обязательно нужно опубликовать три–пять статей в год, в зависимости от вуза и кафедры, на которой работает человек. О поиске истины на своём научном направлении говорить считается зачастую неприлично. Содержание статей никакого значения не имеет, тем более не имеет никакого значения их общественный резонанс и смысл.

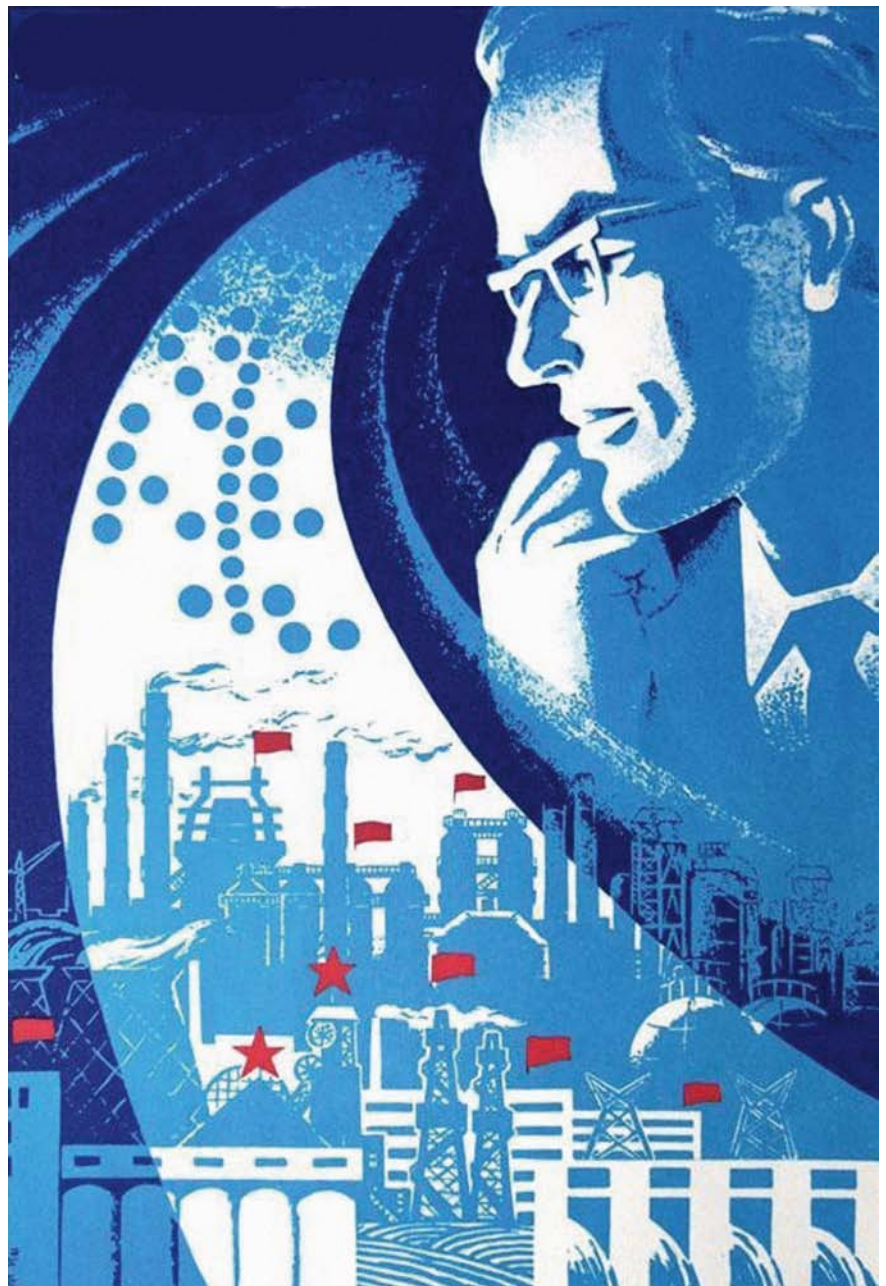


Содержание статей никакого значения не имеет, тем более не имеет никакого значения их общественный резонанс и смысл. Иначе говоря, никакого значения не имеет, читает ли их кто-нибудь. *Учёные пишут не для читателей. Они пишут для отчётов.* Ценится не публикация в журнале с тиражом в 500 экземпляров — ценится наличие в нём отметки: СКОПУС, РИНЦ или ВАК. Это определяет заработную плату и шанс прохождения так называемого конкурса на позицию преподавателя и научного работника.

Многие академические работники считают: имей они большой доход от своей профессии, они почитались бы в обществе больше. Нет! В современном обществе социальный статус приобретается активностью человека в общественном пространстве. И если это имеет место, то доходы становятся уже приложением к успеху.

В упрощённой форме Россия осознала это в 1990-е годы, когда подработка начала давать хорошему преподавателю деньги и уважение. Речь идёт не о коррупции, а о сотрудничестве с фирмами, общественными проектами, органами власти, прессой или качественном донесении знаний на частных уроках. Но тут выяснилось: люди, достигающие социального успеха вне границ формальной деятельности в вузе, не могут преподавать на полторы или две ставки, пусть даже их работа высоко востребована студентами. Эта относительно небольшая категория научных кадров стихийно приблизилась к тому положению, которое должен занимать профессор в России: уважаемый и обеспеченный индивид.

Реформа науки и высшего образования была во многом направлена на то, чтобы пресечь это «буржуазное перерождение» советских и постсоветских кадров. С другой стороны, она должна была внедрить рынок в науку и образование России самым нездоровым образом, вызвав деформацию структур и развитие



моральных пороков. Именно поэтому, если статью какого-то академического работника опубликовал журнал, в том числе и иностранный, с тиражом в несколько тысяч реально читаемых экземпляров или обширной онлайн-аудитории, это официально оценивается не как успех деятельности. Нет, это расценивается как сторонняя бессмысленная активность: реальный успех превращается в академическую скорбь — учёному нет никакого смысла указывать эту публикацию в своих отчётах. Закрытая

бюрократизированная каста, чьи правила закреплены профильным министерством, такого не поощряет. Преподавателю не полагается за это никакой денежной добавки.

Всё это касается и монографий. Не имеет значения, что монография имеет общественный резонанс, в отчётности она занимает такое же место, как и провальная, незамеченная обществом монография сcholasta. Общественный статус учёного не переходит в его академическую карьеру. Академический статус исследований и их обществен-

ное значение противопоставлены. На что это похоже? Джонатан Свифт в третьей части «Путешествий Гулливера» рассказывал об острове Лапута, жители которого занимались лишь теорией, но пренебрегали практикой. Будучи очень просвещёнными, они были оторваны от реальности. Положение в научно-образовательной сфере России едва ли вполне можно описать даже понятием «академическое гетто». Недостаёт свифтовского теоретического просвещения, зато широко представлена узость.

Реформа науки и высшего образования в России базировалась на культуре

узости: узкий специалист должен был прийти на смену будто бы избыточно сведущим кадрам, поскольку неолиберальная концепция будущего предполагала, что преподаватели должны быть живой формой функции озвучивания информации, отделённой от самого знания (отсюда и представление, что кто угодно может что угодно преподавать при наличии текста). Исследователь же не должен выходить за границы, определённые для него и отчасти им самим, области. Эти представления и такая практика оставляли управление образованием и наукой России осо-

бой категории узких специалистов: профессиональных менеджеров, чей профессионализм выражается в готовности управлять чем угодно. Главным было «элитарное образование» и «правильное происхождение» такого управленца.

Отсюда возникло и представление о правильности для науки и образования узкого успеха. *Узкий успех есть выполнение академическим работником всех формальных требований при игнорировании его реального социального успеха.* Последнее важно для ограничения карьерных возможностей такого кадра, так как они выходили бы за границы концепции «прекрасной узости». Широка в разной форме опасна для руководителей подразделений образования и науки, поскольку нарушает застой и выдвигает реальные проблемы и успехи на первый план, тогда как бесконечно господствовать должен формализм. На тарабарском языке.

Такое положение, несомненно, должно радовать правящие круги США, Англии и ЕС, поскольку именно они лоббировали болонскую реформу в РФ. Причём понимали они необходимые им изменения в российской системе науки и высшего образования гораздо глубже и изощрённее, чем критики этих преобразований.

И всё-таки опыт показывает: *коллективные и индивидуальные исследователи в современной российской академической системе выживать могут.* В этом состоит её главная положительная черта, при всех признаках общественного паразитизма.

Коллективное выживание зависит от государственного заказа и запроса, от грантов и работы на рынке с частными заказами. В сфере гуманитарной науки высшая академическая бюрократия с лёгкостью разрушает кафедры и научные школы при помощи их «оптимизации». В сфере технического знания это может быть затруднительно из-за важности работы для различных структур государства и её самокупаемости. Сюда входят система здравоохранения, во-





енное ведомство, различные корпорации с государственным капиталом. Но фундаментальные естественно-научные исследования традиционно имеют для высшей академической бюрократии низкий приоритет и поэтому плохо финансируются.

УЧЁНЫЙ КАК БЕСПРИНЦИПНЫЙ НАЁМНИК «ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ?»

Какова была цель неолиберальных реформ в системе науки и образования? Она должна была создать среду, в которой выживает только наёмный учёный.

Под наёмным учёным следует понимать вовсе не человека на контракте, который при этом заинтересован в увеличении полезного знания как в обществе, так и в академической системе, обеспечивая его прирост. *Наёмный учёный — контрактный специалист в академической сфере, формально образованный работник, для которого договор с нанимателем стоит выше научной истины и пользы для страны.* Истина для наёмного учёного — это то, что ему поручено излагать в учебниках, лекциях и семинарах или доносить публично.

Наёмный учёный не должен иметь собственной научной позиции или она не должна иметь значения для него и академической системы. Поэтому на сайтах российских вузов в биографиях научных и преподавательских кадров зачастую ничего нельзя узнать о том или ином формально высокоранговым (и не только) учёном. Перечисляются его дипломы, конференции, курсы переподготовки, стаж работы в разных институтах, но крайне редко сообщается: какой же является его научная позиция, в чём выражается его вклад в науку? Какое новое знание было получено этим человеком? Это, прежде всего, касается гуманитарной области знания, где существуют диаметрально противоположные взгляды на общественные явления.

Наёмный учёный — контрактный специалист в академической сфере, формально образованный работник, для которого договор с нанимателем стоит выше научной истины и пользы для страны. Обратной стороной создания класса наёмных учёных становится дилетантизм его представителей. Отношение к науке как к ремеслу, характерное для многих работников научно-образовательной сферы в позднем СССР, в реалиях современной России сужается до понимания ремесла как источника заработка.

Обратной стороной создания класса наёмных учёных становится дилетантизм его представителей. Отношение к науке как к ремеслу, характерное для многих работников научно-образовательной сферы в позднем СССР, в реалиях современной России сужается до понимания ремесла как источника заработка, где (в соответствии с неолиберальной доктриной) преподаватель есть лишь средство воспроизведения информации, оказания образовательных услуг. С точки зрения исследований — это средство оказания исследовательских услуг. Эти услуги могут быть любимы. Какими они, решает академическая бюрократия через подстраивание к государственной политике и рынок, за который тоже может работать академическая бюрократия. *Задача наёмного учёного — исполнить. Задача бюрократии — наградить за исполнение и пресечь всякого, кто смеет иметь иную точку зрения, доказывая, например, что Земля круглая, когда имеется указание, что она отныне должна считаться плоской.*

Бюрократия руководит наукой и научно-образовательными учреждениями, не понимая, что есть наука и образование. Неполитическая, «рабочая» бюрократия специфически эффективна. Доказательством этого является расширенное и бесконтрольное воспроизводство ею себя самой.

КРИЗИС УПОТРЕБИМОСТИ: А ЗАЧЕМ НАМ НЫНЕШНЯЯ НАУКА?

Для анализа сложившегося положения подходит схема, разработанная и используемая в России сообществом игропрактиков. Она называется «Конструкторы сообществ практики». У них есть схема «ПОТ: предприниматель — организатор — технолог», которую они используют как универсальную для анализа организации управления любым проектом. Предприниматель отвечает на вопрос «Зачем?». Только он связан с внешней средой и узнаёт, какой запрос есть у рынка. Он отвечает за то, чтобы готовый на выходе продукт использовали. Предприниматель — единственный, кто отвечает за привлечение денег. Технолог отвечает на вопрос «Что?». Главная задача технолога — создать продукт. Он думает о свойствах продукта, исходя из собственного представления о том, каким продукт должен быть. Организатор отвечает на вопрос «Почём?/Сколько будет стоить?». Он думает, сколько ресурсов нужно потратить, считает деньги и время, которые тратятся на создание продукта. Он делает всё, чтобы продукт вышел как можно более дешёвым по затратам и был сделан как можно быстрее.

Каждая из трёх позиций разговаривает с другими на ключевую для них тему:



Следует констатировать, что отрицательный отбор за долгие годы позднесоветского кризиса науки и образования, периода безденежья 1990-х годов и последующих неолиберальных реформ создал систему, которая не способна сама себя исправить или скорректировать. Российское государство вошло в эпоху острого и крайне опасного соперничества со старыми центрами капитализма на Западе. Это диктует проведение контрреформ, изменений в различных сферах для устранения последствий застоя и неолиберальных преобразований. Наука и образование — одна из важнейших сфер, где нужно произвести исправление положения.

— Предприниматель и технолог спорят из-за свойств: технолог хочет больше свойств, а предприниматель только те, что важны для рынка.

— Предприниматель и организатор спорят из-за ресурсов: организатор хочет как можно больше, а предприниматель даёт столько, сколько есть.

— Организатор и технолог спорят из-за сроков: организатор их сжимает, а технолог раздувает.

То, что происходит с языком академических текстов и многих вынужденных действий академических кадров исходя из этой схемы, можно обозначить как «кризис утилитарности». Неясно, зачем нужны именно такие тексты в таком количестве: их не читают не столько из-за их ненужности, сколько из-за невозможности их читать и применять содержащиеся знания из них. Непонятно, зачем нужны отчёты и планы, если это является бесполезным материалом даже для тех, кто всё это требует. Выходит, что ответ на вопрос: «Зачем?» — звучит как: «Чтобы увеличить количество публикаций», «Чтобы выполнить требования по отчётности и её объёмам», «Чтобы формально и детально расписать весь курс занятий». Ясно, что ни о какой содержательной ценности текстов, действий или их бумажных резуль-

татов речи не идёт, а значит, можно писать что угодно.

«Кризис утилитарности» связан с тем, что контроль над системой находится у «организаторов». Организаторы замыкают на себе ресурсы и сжимают сроки. Главное, чтобы показатели росли. Академические показатели в России могут расти, могут стагнировать, могут снижаться. Это не имеет почти никакого отношения к тому, чем реально заняты люди. Это ничего не говорит о том, насколько хорошо (в среднем по стране) ведётся преподавательская работа. Об этом точно ничего не говорит, например, прохождение преподавателями программ переподготовки, специальных курсов и тому подобного. Между тем это даёт валовые показатели, которые чиновники Министерства науки и высшего образования могут докладывать наверх, выдавая их за успешные.

Выходит так:

- 1) чем больше научных статей пишут работники конкретного вуза — тем лучше;
- 2) чем больше индекс Хирша по стране — тем больше можно ресурсов требовать для поддержания работы администраторов всех уровней, а академическая бюрократия невероятно разрослась;
- 3) чем активнее и чаще обновляются и расширяются бюрократические

требования к научным и образовательным учреждениям и их кадрам, тем более результативной может считаться работа высшего управленческого звена и всей системы Министерства науки и высшего образования, а это как бы оправдывает её огромные размеры, её расширение и расширение её вредоносных практик;

- 4) поступают указания от президента и главы правительства по увеличению научных разработок — их фактический саботаж имеет форму увеличивающихся показателей, особенно по полученным грантам, и в итоге если частично результаты и достигаются, то огромные ресурсы расходуются впустую или прямо во вред делу.

Особой проблемой являются попытки сдвинуть нездоровую деформированную академическую систему на рельсы финансовой эффективности. Формы этого различны: приказы академической бюрократии научно-преподавательскому составу добывать гранты, от которых та получает незначительную в сравнении с затратами усилий материальную выгоду, и составлять коммерчески ориентированные проекты там, где это почти невозможно и никому не нужно. *Перекрытый заказ вузами и близкими им структурами друг у друга различных образовательных услуг и курсов будто бы повышения квалификации выглядит как коррупция.*

Администрации вузов крайне редко поощряют индивидуальную научную и общественно значимую деятельность преподавателей и учёных, их ориентацию на личный профессиональный успех в обществе, включая и материальный успех. *Бюрократия видит угрозу в самостоятельности учёных*, так как они могут вернуть себе контроль над процессами в «своих» учреждениях. Известных учёных не просто «прокатить» в конкурсе, то есть уволить на основе неизбрания на должность (имитационной процедуры, едва ли



вообще рабочей в системе наёмного труда), это чревато скандалом, который могут заметить даже в верхних эшелонах государственной власти, и общественным порицанием ранее незаметного произвола.

Идея наёмного труда как отчуждённой формы деятельности слишком укоренена в среде преподавателей и тотально господствует в возвышающейся над ними системе академической бюрократии. Взятничество, продвижение своих подрядчиков и воровство в верхних слоях бюрократии вузов тоже влияет на ситуацию.

К счастью России, точные науки в лучшем положении. В лучшем положении, например, образование и исследования в медицине. Более того, *в медицине существует просто странная для современной российской академической системы ситуация: к преподаванию допущены только люди, которые практикуют и являются мастерами своего дела, обладают опытом, конкретными знаниями и навыками.* Говоря иначе, хирургическим операциям обучает человек, который их делает, а не тот, кто их никогда не делал.

В большой мере в других отраслях преподавания такого нет. Студенты журналистских факультетов, например, жалуются, что большей частью их учат писать статьи или репортажи те люди, которые этим не занимаются и делать этого хорошо не умеют. Зато такие преподаватели имеют академические ранги. Подобное просочилось и в преподавание инженерного дела. В итоге молодые инженеры-металлурги могут не знать долей углерода в стали и чугуне, порой рассказывая на собеседованиях невероятные вещи. Например, о том, что в чугуне содержится 40% углерода. А ведь их учили остепенённые лица.

Поэтому проблемы гораздо серьёзнее, чем это кажется противникам болонской системы с бюрократическими рецептами. Ещё одна комиссия, ещё одно поручение сверху, ещё много указаний министерств оставляют болезни науки и высшего образования в их глубине,

пусть в дипломах выпускников вузов и будет написано слово «специалист» вместо слов «бакалавр» и «магистр». Всё это необходимо изменить.

Следует констатировать, что отрицательный отбор за долгие годы позднесоветского кризиса науки и образования, периода безденежья 1990-х годов и последующих неолиберальных реформ *создал систему, которая не способна сама себя исправить или скорректировать.*

Другая проблема: система науки и высшего образования продолжает меняться в худшую сторону под влиянием спонтанной активности академической и научно-образовательной министерской бюрократии. Российское государство вошло в эпоху острого и крайне опасного соперничества со старыми центрами капитализма на Западе. Это диктует проведение *контрреформ*, изменений в различных сферах для устранения последствий застоя и неолиберальных преобразований. *Наука и образование — одна из важнейших*

сфер, где нужно произвести исправление положения.

Задача настолько сложна, что не может быть решена механическим образом и на основе упрощённых представлений. *Невозможно решить эту задачу через увеличение бюджетных ассигнований на науку и образование, ничего в них качественно не меняя.* Опасными и вредными могут быть сокращения структур и кадров без проникновения в проблематику их работы или имитации оной. *Ещё опасней — самореформирование системы, на которой порой настаивают её высокопоставленные представители.* Необходимо помнить, что образование и наука существуют в России для обеспечения общественного развития.

С одной стороны, они должны стать более полезными государству. С другой — обрести внутренние (не ложные, как ныне) механизмы поддержания активности.

(Окончание следует)







Человек будущего

**В серии «Жизнь замечательных людей»
вышла книга нашего постоянного автора
Михаила Кильдяшова о Павле Флоренском.
Публикуем беседу по поводу этой книги.**

— Андрей Проскуряков. Михаил, для начала расскажите, как вы познакомились с личностью и творчеством священника Павла Флоренского и как это знакомство вылилось в желание написать о нём книгу в легендарной литературной серии?

— Михаил Кильдяшов. Каждый молодой человек, который берётся за поэтическое перо, по моим наблюдениям, годам к двадцати переживает очарование Серебряным веком, причём очаровывается не только поэзией, но и судьбами поэтов, той разнообразной творческой атмосферой, которую породил Серебряный век. В сердце молодого поэта возникает, перефразируя Мандельштама, «тоска по Серебряному веку». У меня было именно так. Потом, если глубоко погружаешься в эпоху рубежа XIX–XX веков, не можешь пройти мимо русской религиозной философии. Для меня Соловьёв, Бердяев, Булгаков, Ильин, Лосский в своё время стали не просто философским открытием, но и первыми шагами к Православной церкви. А ведь и Андрей Белый, и Блок по-своему тоже были религиозными философами, и при этом каждый из философов той поры воспринимался как писатель. Неслучайно Бердяева семь раз номинировали на Нобелевскую премию по литературе.

Но мне как филологу очень хотелось сосредоточиться в Серебряном веке на личности, у которой было бы и философское, и поэтическое наследие. В первую очередь здесь, конечно, возникал Владимир Соловьёв, но его поэзия была изучена уже основательно. Радостью стало для меня узнать, что Павел Флоренский тоже писал стихи, был автором

нескольких самобытных поэтических книг и поэм. О Флоренском-поэте я в итоге написал дипломную работу на филологическом факультете Оренбургского педуниверситета. Именно через поэзию я открыл для себя Флоренского как философа, богослова, учёного, семьянина, подвижника, мученика.

А позже были ещё одна дипломная работа на факультете культурологии об антроподицее (оправдании человека) Флоренского, диссертация об интертекстуальности работ отца Павла, которая позволила мне с особой скрупулёзностью прочесть его собрание сочинений. Теперь я понимаю, что всё это было необходимым приурочиванием к книге в серии ЖЗЛ.

Помню, как часто просматривал на сайте издательства «Молодая гвардия» новинки этой серии, ждал книгу об отце Павле, и было даже как-то обидно оттого, что о таком великом человеке за столько лет не появился том в главной биографической серии страны. От этого и возникло моё дерзновение. Признаюсь, что первую заявку в издательство я написал ещё в 2011 году: меня не отвергли, попросили прислать фрагмент. Но я этого делать не стал: чувствовал, что ещё не готов, чувствовал, что эта книга должна появиться в иную пору. В пору особых испытаний, таких, какие переживает наше Отечество теперь.

— Почему для названия книги вы выбрали цитату отца Павла Флоренского «Нельзя жить без Бога»? Ведь у отца Павла достаточно большое письменное наследие и выбор вполне мог быть иным.

— В серии ЖЗЛ многие книги имеют подзаголовок, который, как правило, ёмко характеризует



героя, подчёркивает его суть. Например, «Игра его была огромна» в книге Захара Прилепина о Леониде Леонове. Мне же хотелось вынести в подзаголовок фразу, которая прозвучала бы как наставление отца Павла нам сегодняшним. «Нельзя жить без Бога» — эти слова Флоренский произнёс не на склоне лет, не с грузом жизненного опыта. Он не занёс их неспешной рукой куда-нибудь в дневник, а буквально выкрикнул ещё совсем юношей, даже не пришедшим в церковь. Эти слова настигли его с небесной высоты летней ночью, кем-то пока неведомым были вложены в уста. Флоренский даже не понял тогда, кому их прокричал: то ли себе самому, то ли всему мирозданию. Но он последовал за этими словами, всем своим земным путём подтвердил, что нельзя жить без Бога. Мне представляется, что наша страна и каждый из нас теперь уподобились такому юноше, который пробудился среди ночи и, томимый духовной жаждой, воскликнул: «Нельзя жить без Бога!»

— **В чём, на ваш взгляд, заключается универсальность личности отца Павла? Как ему удалось добиться таких выдающихся достижений в столь разных областях знания и практической жизни?**

— Флоренский стремился к цельному знанию. Он был убеждён, что невозможно постичь Истину, не преодолев «водоразделов мысли». Человеческое сознание, раздробленное на науку, религию и творчество, виделось ему «царством, разделившимся в самом себе». Отсюда не странные, а промыслительные сближения в наследии Флоренского, когда в работе по геометрии он цитирует «Божественную комедию» Данте, когда, доказывая бытие Бога, приводит логические формулы или когда пишет поэму,

*Каждый человек в своём роду
не обособленная личность, а связующее
звено между поколениями, и родовая связь
прочна настолько, насколько ты готов
продолжать духовную вертикаль рода.
Но как драгоценны суждения Флоренского
о горизонтали рода, о родстве не по крови,
а по духу! В горизонтали рода ты
обретаешь единение со всеми, кого читал,
кем вдохновлялся, даже если не жил с ними
в одну эпоху, не был их современником.*

где возникает образ вечной мерзлоты, которую отец Павел изучал на Дальнем Востоке.

— **Что было ближе Флоренскому: Афины или Иерусалим? Кто, прежде всего, для вас Павел Флоренский: философ или священнослужитель?**

— Да, отец Сергей Булгаков писал, что во Флоренском «встретились и по-своему соединились культурность и церковность, Афины и Иерусалим». Сам же Флоренский, который очень много размышлял о греческих философах, говорил, что среди них есть «христиане до Христа», в первую очередь — идеалист Платон, в чьей душе жила тоска по Божественной Истине, предчувствие её.

Философ и священник во Флоренском нерасторжимы: в этом стремление к цельному знанию, о котором я говорил. Всякая философия, по Флоренскому, без Бога мертва, но и в религии есть много всего, что требует философского осмысления. Неслучайно именно отец Павел был своеобразным третейским судьёй; в пору имяславских споров, когда для разрешения вопросов об имени Божьем нужен был человек, обладающий духовным и молитвенным опытом и одновременно способный изъяснить этот опыт в точных богословских и философских категориях.

— **Обращались ли вы в своей жизни к опыту отца Павла как семьянина?**

— Всех, кто сегодня ищет для себя достойный пример семейного строительства, я призываю обратиться к опыту семьи отца Павла. Уже будучи отцом пятерых детей, он признавался в письме своей жене, что не знает, как отвечать на вопрос: «А сколько у вас детей?» Потому что отец Павел не представлял, как можно дробить семью на отдельные единицы, когда все: родители и дети, муж и жена, братья и сёстры — едины.

Отец Павел в плане семейного строительства — горизонт, который для нас едва ли достигим, но всё же на него надо идти. Когда я познакомился со своей будущей женой, она, ещё не зная моего увлечения Флоренским, однажды принесла мне зачитанную книжечку отца Павла «Детям моим. Воспоминания прошлых дней» и сказала, что это её любимое повествование о семье. Я, конечно, эту книгу тоже знал и с благоговением читал, как Флоренский рассказывает сыновьям и дочерям о собственном детстве, как старается укрепить их через это на всю будущую жизнь.



Ещё я очень проникся философией рода Флоренского, его размышлениями о семейном летописании, о связи предков и потомков. Каждый человек в своём роду не обособленная личность, а связующее звено между поколениями, и родовая связь прочна настолько, насколько ты готов продолжать духовную вертикаль рода. Но как драгоценны суждения Флоренского о горизонтали рода, о родстве не по крови, а по духу! В горизонтали рода ты обретаешь единение со всеми, кого читал, кем вдохновлялся, даже если не жил с ними в одну эпоху, не был их современником.

Благодаря Флоренскому я осознал, как важно воспринять свой род в контексте русского времени и русского пространства, как важно знать те места, с которыми связан твой род. Для меня стало особым знаком, что костромская земля, где я родился, — это исток рода Флоренского по отцовской линии. А Сергиев Посад, в котором прошла большая часть жизни отца Павла, стал для меня духовной родиной.

— **Чем Флоренский выделяется на фоне той великолепной плеяды русских религиозных философов, что просияли в России на рубеже XIX и XX веков?**

— Своим энциклопедизмом: в отличие от большинства религиозных философов, которые были блестящими гуманитариями, Флоренского мы знаем ещё и как физика, математика, инженера, исследователя льда и морских водорослей, как человека, который приблизился к созданию ядерного оружия и компьютера. Но энциклопедизм — это самое очевидное.

Лично для меня после написания книги главными особенностями и достоинствами отца Павла стали его консерватизм и державность. Каждый, кто не будет вырывать из контекста отдельные его высказывания или периоды жизни, увидит, каким патриотом был отец Павел, сколько в нём было социального здоровья, бытийной и бытовой рассудительности. Прочитайте хотя бы его статью «Троице-Сергиева лавра и Россия» — это гимн Отечеству, нашей истории, нашему духу.

В начале Первой мировой войны, когда многие современники хулили русское воинство, Флоренский отправился к линии фронта священником санитарного поезда. Когда после Гражданской войны иные нашли спасение за границей, Флоренский под страхом ареста и смерти, осознавая все возможные опасности, тем не менее остался в России. Он как никто понимал, что чужбина никогда не ста-



нет родиной, был убеждён, что Бог никогда не благословляет покидать в трудное время то, за что ты ответственен перед предками и потомками.

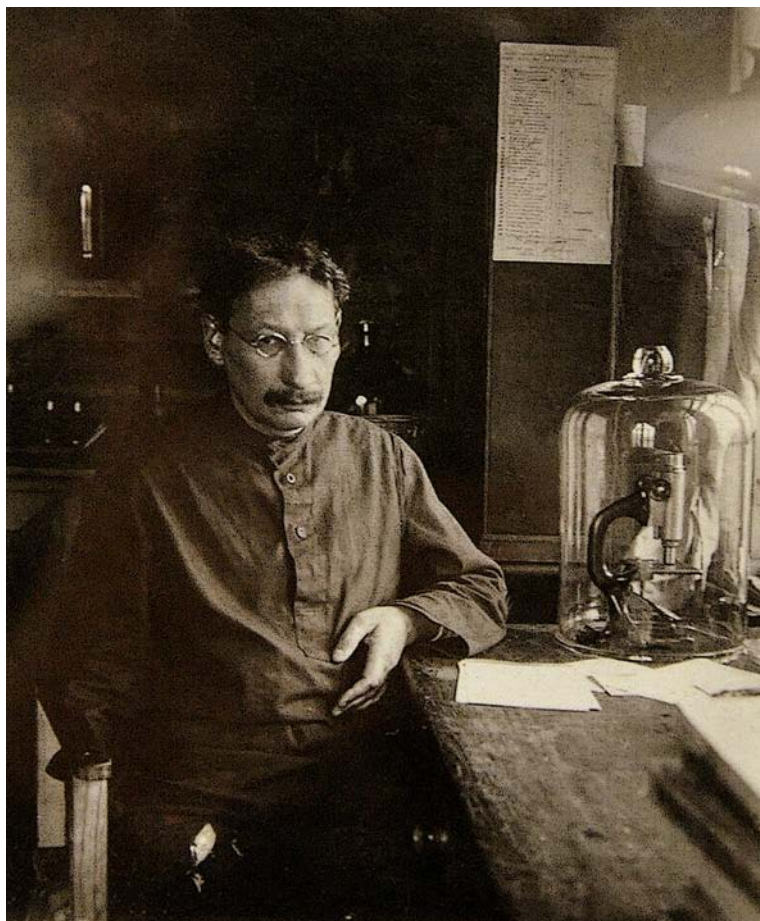
— **Какое событие или период жизни будущего священномученика вы считаете наиболее переломным, повлиявшим на его мировоззрение и дальнейший путь?**

— Я старался написать свою книгу так, чтобы каждая глава, а их больше пятидесяти, заключала в себе какое-либо переломное событие. Это и исторические события: все три русские революции, репрессии, сохранение ризницы Троице-Сергиевой лавры, спасение честной главы преподобного Сергия, работа над планом ГОЭЛРО... И события личной жизни: учеба в Московском университете, а затем в Московской духовной академии, ранняя смерть отца, счастливая женитьба, приобретение дома, рождение детей... Это встреча с самыми разными людьми: одноклассники Эрн, Ельчанинов, гимназический учитель Гехтман, Андрей Белый,

Василий Розанов, друг по духовной академии Сергей Троицкий, духовники-старцы Антоний (Флоренсов) и Авва Исидор, философы Самарин, Новосёлов, Кожевников, художники Фаворский и Нестеров... Работа над книгами: «Столп и утверждение Истины», «Иконостас», «Мнимости в геометрии»... Это и Божьи знамения — события и обстоятельства, которые с самого детства вели Флоренского к церкви: Евангелие, что впервые увидел в тётином комод, увлечение философией Соловьёва, посещение выставки, где была представлена панорама художника Яны Стыки «Голгофа»...

Но главное событие в жизни Флоренского — рукоположение, приятие той благодати, что даётся в хиротонии. Всё в жизни Флоренского было озарено священством: преподавание, научная работа, семейная жизнь. Всё было служением не только ближнему, но прежде всего — Богу.

— Как, по вашему мнению, идеи Флоренского о единстве и единении могут быть полезны нашему современному обществу? Почему именно «единство» отца Павла актуально для нас?



— Ещё в старших классах тифлисской гимназии Флоренский с большим интересом воспринял философию всеединства Владимира Соловьёва, хотя впоследствии не стал абсолютным соловьёвцем. И тем не менее единение всего сущего в Божественном Промысле для Флоренского оказалось определяющим во всём, что он делал. Семья, преподавательская и научная общности, философские кружки, монашеская братия, народ в целом — всё должно стремиться к единению. Дружба — начало, основа единства. Флоренский определял её как «постижение себя через друга в Боге», потому «быть без друга — значит быть вне Бога». Врагу рода человеческого претит единство, потому что, пребывая в нём, люди становятся ближе к Спасителю. Флоренский порицал любые попытки разделения, расторжения. «Церковь — не партия», — говорил он тем, кто желал церковного обновления, кто стремился обособиться, отказаться от апостольского преемства. «Любовью и единением спасёмся» — эти слова преподобного Сергия были очень близки отцу Павлу. Трудный жизненный путь философа и священника показывает нам, как дорого обходится утрата единства, сколько исторических сил нужно положить на его восстановление, сколько бесценного времени потратить.

— Михаил, вы известны читающей публике, в том числе, как исследователь творчества русского писателя и общественного деятеля Александра Андреевича Проханова. Скажите, какие параллели вы могли бы провести между этими, на первый взгляд, такими разными, но вам одинаково близкими личностями?

— Александр Андреевич Проханов — это, наверное, первый человек, который воспринял меня во всей полноте моих творческих возможностей, не разъединяя во мне писателя и филолога, как часто делала это литературная и академическая среда. На страницах прохановской газеты «Завтра» оказались востребованы моё благоговейное отношение к слову, моё понимание русской культуры, моё знание Флоренского и его эпохи, мой научный, преподавательский и литературный опыт. Меня вдохновила мысль Проханова о том, что «XXI веку предстоит вернуть в Россию философский пароход», то есть вознести русскую мысль на ту высоту, которую мы утратили с вынужденной эмиграцией великих умов в первой поло-



вине XX столетия. «Философский пароход» здесь весьма условен, потому что в случае с Флоренским нужно не возвращение, а восхождение гениев-мучеников, которые остались в своей земле и на десятилетия были преданы забвению.

Моя книга о Проханове «Ловец истории», изданная в 2018 году, посвящена творчеству писателя, осмыслению его романов, начиная с самых первых до тех, что были написаны в год издания моей книги. Тогда романов было уже более сорока, и в силу того, что все они предельно автобиографичны, фактически работа над «Ловцом истории» стала для меня первым опытом жизнеописания, который очень пригодился при обращении к жизни Флоренского. Книга о Проханове помогла мне осознать, что биографию любого человека нужно не просто поэтапно излагать, а проживать как собственную жизнь: с эпохой своего героя надо срастаться, с его близкими нужно родниться.

Для меня книга о Проханове и книга о Флоренском стали своеобразной диалогией, потому что в них обеих я пытался понять отношения человека со временем, причём не только как с эпохой, но и как со сверхисторической, метафизической категорией.

Флоренский всегда помогал мне глубже осознать Проханова, а Проханов — Флоренского. Люди разных эпох, мировоззрений и творческих задач, они всё же обнаруживают порой удивительное сходство биографий. И тот и другой — люди патриархальные, многодетные отцы, чьи дети стали достойными продолжателями родительского дела. И тот и другой в молодости собирали фольклор (Проханов — песни, Флоренский — частушки), обожали русскую деревенскую старину, старались всеми силами её сберечь, примирить с напорающей со всех сторон цивилизацией. И тот и другой посмотрели прямо в глаза войне: Проханов узрел семнадцать разных её ликов на всех континентах, Флоренский в пору Первой мировой войны исповедовал, прищипывал раненых, утолял их печали, называл русских солдат «святым воинством», в котором пробудился «ангел народа русского». И Флоренский, и Проханов — люди, наделённые редким даром находить и спланировать единомышленников либо в интеллектуальные сообщества, либо вокруг периодических изданий: «Богословский вестник» времён редакторства Флоренского по своей идейной многогранности и при этом внутренней цель-

И Флоренский, и Проханов — люди, наделённые редким даром находить и спланировать единомышленников либо в интеллектуальные сообщества, либо вокруг периодических изданий: «Богословский вестник» времён редакторства Флоренского по своей идейной многогранности и при этом внутренней цельности каждого номера напоминает журнал «Изборский клуб» и газету «Завтра» Проханова.

ности каждого номера напоминает журнал «Изборский клуб» и газету «Завтра» Проханова. И тот и другой — создатели отечественной техносферы: физик и инженер Флоренский, вдохновенный писатель Проханов каждый по-своему проникали в тайны материи, поэтизировали машину, видели в научном открытии высочайшее проявление вдохновения.

Я часто с болью представлял себе, что Флоренский, генетически наделённый кавказским долголетием, вполне дожил бы до 1960-х, и тогда молодой Проханов мог бы брать у него интервью для «Литературной газеты» или «Литературной России» — возникла бы мощнейшая сумма творческих сил, уникальная преемственность мысли.

Однажды старший внук священника Павла Флоренского, доктор наук, преподаватель Губкинского университета Павел Васильевич Флоренский, большой подвижник в деле возвращения наследия своего деда к читателям, обратился ко мне с просьбой. Он, ровесник Проханова, давний почитатель газеты «Завтра», зная прохановскую страсть к собиранию бабочек, попросил передать для него две бабочки, когда-то пойманные Павлом Васильевичем на Дальнем Востоке. Я печатал со слов Флоренского сопроводительное письмо Проханову и словно ощущал энергию двух могучих реакторов, понимая, что через достойнейшего внука происходит несостоявшийся диалог Флоренского и Проханова, что бабочка русской истории перепархивает с одного дивного цветка на другой.

Мои статьи, эссе, стихи показывают, что самые сокровенные мысли и идеи у меня рождаются при сопряжении священника Павла Флоренского и писателя Александра Проханова, при одновременном осмыслении их историософии. Каждый из них по-своему для меня пример служения, пример созидания.



— Как трагедия мученической кончины священника Павла Флоренского повлияла на его наследие? И, конечно же, нельзя не спросить, почему отец Павел, по-вашему, до сих пор не канонизирован Русской православной церковью?

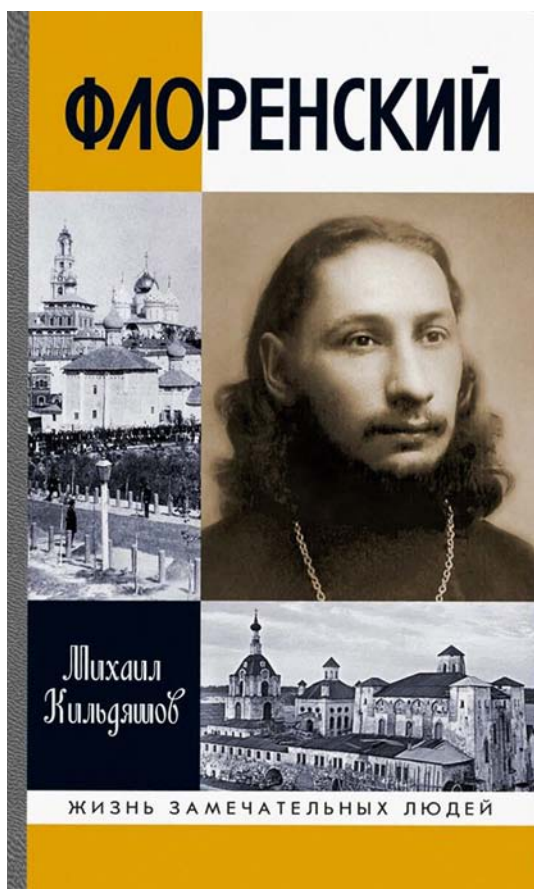
— Павел Васильевич Флоренский очень верно сказал, что его дед после расстрела не был развенчан, никто из недоброжелателей не прикладывал сил для отрицания священника и философа, потому что отрицание всегда пробуждает интерес, сподвигает обратиться к первоисточнику. Флоренский был замолчан. Замолчан на десятилетия, а предание забвению — это жесточайшая форма репрессии. Сам Флоренский в письмах с Соловков говорил, что его идеи опередили время примерно на полвека, но они не нужны обществу. «Ну что ж, тем хуже для общества», — с горечью заключал он. И действительно, Флоренский усилиями детей и внуков вернулся к широко читателю примерно через пятьдесят лет после расстрела. Мне больно оттого, что несколько поколений были лишены возможности вовремя познакомиться с Флоренским. Из-за этого мы потеряли историческое время: нам пришлось открывать в конце XX века то, до чего Флоренский дошёл уже в 20–30-е годы. Но интеллектуальный, духовный, творческий импульс, заданный Флоренским в пору возвращения его наследия, был велик. Я ощущал этот импульс и в своём поколении, когда в начале нулевых работал над диссертацией. Но постепенно интерес стал угасать, и поколение моих студентов уже не испытывало нашего благоговения перед возвращённой литературой и философией, не воспринимало её как terra incognita, потому что всё для них было доступно и не казалось «купленным

Флоренский был замолчан. Замолчан на десятилетия, а предание забвению — это жесточайшая форма репрессии. Сам Флоренский в письмах с Соловков говорил, что его идеи опередили время примерно на полвека, но они не нужны обществу. «Ну что ж, тем хуже для общества», — с горечью заключал он. Но интеллектуальный, духовный, творческий импульс, заданный Флоренским в пору возвращения его наследия, был велик.

дорогой ценой». Потому книгу свою я писал, в том числе, в надежде на пробуждение нового интереса к отцу Павлу и, признаюсь, во многом ради того, чтобы вновь был поставлен вопрос о его канонизации.

Отдельная глава в книге посвящена разбору обстоятельств и суждений, которые стали препятствием для канонизации священника Павла Флоренского. Первое. В ходе следствия он признал свою вину — так, по крайней мере, зафиксировано в протоколах допроса. Но даже если Флоренский пошёл на самооговор и вынужден был лжесвидетельствовать, то сделал он это не ради того, чтобы выгородить себя, а ради того, чтобы остановить маховик следственного дела и спасти тех, кто вместе с ним по этому делу проходил. Второе. Флоренский якобы сотрудничал с советской властью. Но как сотрудничал? В партии не состоял. Доносчиком не был. Да, работал во Всесоюзном электротехническом институте, преподавал во ВХУТЕМАСе, трудился в заключении на опытной мерзлотной станции, изучал на Соловках водоросли — и тем принёс очень много пользы людям и Отечеству на десятилетия вперёд. Вспомним, кстати, что святитель Лука (Войно-Ясенецкий) был лауреатом Сталинской премии за достижения в хирургии. Третье. Использовал термин «магия» применительно к православию. Но важно, что именно Флоренский под ним понимал, как мучительно подбирал он слово для того, чтобы обозначить в православии совокупность действий человека во время непосредственного общения с Богом, когда сотворяется молитва или свершаются таинства. Сохранились воспоминания об этом младшего современника Флоренского Алексея Фёдоровича Лосева. Они опубликованы: в них обстоятельно и доходчиво объясняется, что в «магии» Флоренского нет никакой крамолы. Четвёртое. Общался с представителями Серебряного века, которые позволяли себе идти против православного вероучения, практиковали оккультизм, причисляли себя к антропософам. Да, в молодости Флоренский бывал в их среде, но это совершенно не значит, что он был с ними заодно. Почитайте переписку Флоренского с Мережковскими где он говорит: «Если Вы идёте против Церкви, я вынужден идти против Вас». Почитайте письмо Флоренского медиуму Брюсову, которого он увещевает остановиться и не губить окончательно свою душу.

Я прекрасно понимаю, что процесс канонизации всегда трудный, что здесь необходима обстоятельность. Я человек мирской и,



конечно, не берусь указывать людям в сане. Но, на мой взгляд, нет ни одного обоснованного препятствия для канонизации священника Павла Флоренского.

— **Как вы пришли к тому, что нужно написать молитву священномученику Павлу?**

— Ещё в начале работы над книгой я знал, что завершится она молитвой. Мне представлялось, что писать её я буду долго, в сомнениях, нерешительно подбирая слова. Но в один из вечеров, удивительно для себя самого, составил её на одном дыхании, слова как-то сами сложились в промыслительном порядке. Эта молитва опубликована в самом конце книги. Она напечатана в светской графике и орфографии, но изложена на церковнославянском языке. Больше пятнадцати лет я преподаю церковнославянский в разных учебных заведениях, но тогда мне подумалось, что этот преподавательский труд был ради составления молитвы священномученику Павлу (Флоренскому).

Мне виделось, что молитва, напечатанная на отдельной странице книги, станет завершением последней главы. Но когда впервые взял в руки издание, то поразился тому, что её

вынесли отдельным пунктом в содержание как самостоятельную главу. В этом, как мне представляется, был особый Божественный знак, Божественная воля: наше сегодняшняя молитва отцу Павлу — это продолжение его биографии, продолжение земного в небесном.

Ещё не канонизированного отца Павла я дерзновенно назвал «священномучеником». Но для меня и знаю, что для многих, он именно священномученик. Сегодня как никогда нам необходим такой небесный ходатай, как отец Павел. Его заступничество необходимо и учёным, и священству, и воинам, и писателям, и всем, кто радеет за свои семьи. Соборная молитва пока невозможна, но для келейной — слова уже открылись.

— **Расскажите, пожалуйста, что более всего запомнилось вам из процесса работы над книгой? Над каким этапом жизни Флоренского работать было тяжелее всего?**

— Тяжело давалась глава о дружбе Флоренского и Розанова. Возникший в жизни отца Павла в разные периоды Василий Васильевич никак не вписывался в общий сюжет книги: нарушал хронологию, требовал отступлений, объёмных пояснений. В общем, вёл себя в моей рукописи, как и в жизни: был неуступчивым, несговорчивым, был «неполированным гением». В итоге главу о Розанове пришлось писать, когда всё остальное уже было готово. Казалось, Василий Васильевич сам выбрал себе удобное место в книге и согласился-таки угнездиться в ней.

Но главным испытанием была сцена расстрела Флоренского. Мне важно было написать её в настоящем времени. Мы уже говорили об авторском проживании жизни своего героя. Пришлось проживать и смерть. Не сочтите за преувеличение, но следующие сутки я не мог ничего делать, не мог ни пить, ни есть, был просто раздавлен.

Помню, как где-то на середине рукопись забуксовала. Возникла какая-то тоска, бессилие. Но однажды в Оренбургской духовной семинарии, где больше десяти лет преподаю, я посмотрел на изображение Христа Вседержителя, восседающего на троне, и почему-то впервые заметил, что в отведённой в сторону деснице Спаситель держит книгу. Казалось, что Он показывает её именно мне, говоря: «Книга уже готова, уже есть, уже написана! Только приложи усилие. Потрудись. Закинь мрежи в творческое море». И в душе поселилась уверенность в том, что книга нужна, что она непременно получится.



— С чего бы вы посоветовали начать читать самого отца Павла? Что будет более интересно условным физикам, а что — лирикам?

— Многим представляется, что для чтения Флоренского непременно нужно быть высококолым профессором, нужно обязательно иметь особую подготовку. Но отец Павел очень разный, и каждый в его наследии найдёт для себя что-то драгоценное. Тем, кто просто любит густое русское слово и ищет житейского благоденствия, я горячо рекомендую его «Детям моим» и «Письма с Дальнего Востока и Соловков». Студентам любых гуманитарных факультетов советую прочитать «Столп и утверждение Истины» и «У водоразделов мысли». Это книги-университеты: тот, кто осваивает их, получает знаний сразу на целый диплом. И пусть после первого прочтения вы не всё в них поймёте, но умом и сердцем воспарите. Студенты духовных семинарий и академий не должны пройти мимо «Философии культа»: из неё можно почерпнуть множество идей для богословских и философских исследований. Публицистам, политологам, всем ищущим для России путь в грядущее будет интересен трактат «Предполагаемое государственное устройство в будущем». Каждый параграф трактата актуален сегодня настолько, что кажется, будто его написал Проханов, Дугин или Фурсов. Людям с математическим, физическим, астрономическим складом ума особым откровением покажется работа «Мнимости в геометрии»: работа-загадка, работа-прозрение, работа, которой тесно в земных пределах.

Флоренский и сегодня остаётся человеком будущего. Примером того, каким станет русский человек, когда раскроется в своей благой полноте. Флоренский указывает вершины, на которые нам ещё предстоит взойти. И без чтения книг отца Павла подобного восхождения не случится. Каждый прокладывает к Флоренскому свой путь. У каждого своя отправная точка в движении по его наследию. У каждого своя цепная реакция, когда один труд отца Павла открывает читателю остальные. И главное, что каждый, кто соприкасается с творчеством Флоренского, становится ближе к Богу.

Флоренский и сегодня остаётся человеком будущего. Примером того, каким станет русский человек, когда раскроется в своей благой полноте. Флоренский указывает вершины, на которые нам ещё предстоит взойти. И без чтения книг отца Павла подобного восхождения не случится.

Каждый прокладывает к Флоренскому свой путь. У каждого своя отправная точка в движении по его наследию. У каждого своя цепная реакция, когда один труд отца Павла открывает читателю остальные. И главное, что каждый, кто соприкасается с творчеством Флоренского, становится ближе к Богу.

— Планируете ли вы продолжить исследования жизни и творчества Флоренского? Может быть, есть желание расширить серию ЖЗЛ книгой о другой значимой для вас персоне? Какие у вас творческие планы в этой связи?

— После издания книги о Флоренском у меня уже сложился своеобразный «Театральный роман» — книга о бытовании книги: интервью, беседы, презентации, читательские конференции. Всё это помогает осмысливать проделанную работу и не разлучаться с отцом Павлом.

Книга в серии «ЖЗЛ» для меня стала драгоценным высказыванием, если позволите, откровением о себе самом, о нашем времени. Но с ней моё осмысление Флоренского, конечно, не закончилось, а, напротив, стало ещё более активным: Флоренский в моих статьях, в моих стихах, в моём преподавании.

Флоренский сподвигает говорить и писать о людях, связанных с ним. Недавно в журнале «Наука и религия» вышла моя статья, посвящённая среднему сыну Флоренского Кириллу Павловичу. Сын был равновелик своему отцу как учёный и как гражданин. Последователь отца в естественных науках, любимый ученик Владимира Ивановича Вернадского, он в Великую Отечественную войну воевал под Сталинградом, дошёл до Берлина, был награждён боевыми орденами и медалями. Он первым стал возвращать отцовское наследие читателям.

Что же касается написания новых биографий в серии «ЖЗЛ», замыслы, конечно, есть. И важно сказать, что мне интересны личности, тоже так или иначе сопряжённые с Флоренским. Иван Сергеевич Аксаков — младший сын С.Т. Аксакова, один из лидеров славянофильского движения. Он погребён



в Троице-Сергиевой лавре — редкая честь для мирянина не княжеских или царских кровей. Думаю, что Флоренский, когда жил в Сергиевом Посаде и трудился в Московской духовной академии, часто останавливался перед могилой Ивана Аксакова, кланялся могучему русскому патриоту. Вдохновляет меня художник, писатель и мыслитель Ефим Честняков, родившийся на костромской земле,

где предки Флоренского в нескольких поколениях несли духовное служение.

Но для написания книг в серии «Жизнь замечательных людей» нужна симфония писателя и издателя. Уповаю на то, что по молитвам отца Павла Флоренского мои новые творческие замыслы не окажутся бесплодными.

Беседовал Андрей ПРОСКУРЯКОВ¹

¹ Член Союза писателей России, преподаватель Оренбургской духовной семинарии.



Виталий АВЕРЬЯНОВ, Вардан БАГДАСАРЯН, Максим КАЛАШНИКОВ, Владимир ОВЧИНСКИЙ и др. Транснацизм и мутагенный фашизм.

От оккультной идеологии Третьего рейха до киборгов XXI века. —

М.: Книжный мир, 2024. — 375 с.

Новые 30-е были нами предсказаны. И вот они наступают. Нынешний «криптофашизм» возникает на развалинах Второй глобализации, бурно поднимавшейся примерно с 1980-х. Нас вновь ждёт раздел экономики планеты на макрорегионы, ожесточённая борьба за передел сфер влияния. Фашизм, этот вовсе не ультраправый, а сложный лево-правый гибрид, — это такой строй, который капиталисты «включают» в экстренной исторической ситуации, цепляясь за жизнь и пытаясь удержать своё господство. В то же время как немецкий, так и современный фашизм закодирован в самой сущности западной цивилизации.

Авторы Изборского клуба дают достаточно предметный и конкретный образ новой угрозы естественному развитию человечества — транс-

нацизма. Это особая вера в транснациональное антропологическое превосходство «избранных», уже не расовое, не национальное, а открыто клановое. Однако у «трансов» речь идёт уже не о сверхчеловеке, а о постчеловеке, о решительном вторжении в человеческую природу (трансгуманизм, подчинение масс искусственному интеллекту, новый вид искусственного отбора тех, кто останется жить).

Едва ли не единственным реальным конкурентом глобальной утопии рассматриваются сегодня именно русские. Из этого следует, что нынешней России нужно продолжить внутреннюю мобилизацию, начатую в 2022 году, а вовсе не сворачивать её. Следующая «оттепель» по отношению к Западу, буди она случится, — смерти подобна.



Александр ГАПОНЕНКО, Михаил РОДИН. Как нам обустроить русскую нацию? —

М.: Книжный мир, 2024. — 1100 с.

Авторы рассматривают формирование русской нации как процесс воздействия элит на массы с помощью набора социальных инструментов, институтов и механизмов. Этот технологический подход позволяет понять причины коренных провалов в истории русской нации и обосновать принципы её «обустройства». Русская нация рассматривается как союз равноправных народов — в противоположность российской нации, которая имеет этноиерархическую структуру.

Среди методов исследования использован и англосаксонский конструктивизм, который самими англосаксами был задействован как инструмент разрушения исторической России, тогда

как авторы показывают, какие конструктивные выводы могут быть извлечены из использования враждебных нам способов понимания.

В работе представлен подробнейший исторический обзор путей формирования русской нации, особенно детально рассматривается современный период нашей истории. Главным практическим посылом книги являются предложения по тому, как сегодня нужно строить и консолидировать русскую нацию, как восстановить и усовершенствовать её социальные институты и инструменты, начиная от системы образования и регулирования медиа и заканчивая такими фундаментальными инструментами, как календарь и пантеон национальных героев.



Удерживающие русского зарубежья.

Сборник статей под редакцией Александра ГАПОНЕНКО и Леонида МУХИНА. —

М.: Книжный мир, 2024. — 366 с.

В книге собраны статьи-портреты наших современников, которые за пределами России в условиях жёсткого преследования продолжали оставаться носителями русского духа, удерживали окружающих от угрозы утраты идентичности, давали образцы достойного поведения, свободного творчества, независимого мышления, выступали в роли защитников правды и справедливости. Эти люди образуют неотъемлемую часть галереи героев русской нации. Представлены статьи

о русских героях из Латвии, Литвы, Эстонии и Украины.

В ней публикуются истории Дмитрия Скворцова, Валерия Иванова, Дмитрия Клёнского, Владимира Линдермана, Николая Уварова, Александра Гаврилина и самого Александра Гапоненко, одного из последовательных лидеров русского движения в Прибалтике, постоянного члена Изборского клуба, руководителя его прибалтийского отделения, а также многих других людей, не побоявшихся вступить в борьбу за Высшую Правду.



Хронология мероприятий клуба

26 июля 2024 года

Мотоклуб «Ночные волки» провел у священного Изборского холма в Псковской области грандиозную акцию «Восхождение к Победе», которую можно назвать синтезом нового комплексного жанра, площадного зрелища, состоящего из множества разных элементов, номеров, эффектов. Байк-шоу посетило порядка 7 тысяч человек. Специальным гостем акции явился создатель Изборского холма А. А. Проханов.

В программе шоу 26 июля были задействованы сложные громышающие декорации, разнообразные автомобили и движущаяся техника, в том числе старинная, относящаяся к временам сталинского СССР, фейерверки, неистовые трюки мотокаскадеров и даже самолёт под управлением героя России летчика-космонавта Сергея Крикалёва, совершившего над местом акции круг почёта.

В концертной программе шоу выступила Юлия Чичерина, исполнившая целый ряд песен на стихи Проханова, в том числе в сольной версии, под аккомпанемент духовых инструментов, а также вместе с военным оркестром. Кроме того, выступали группа «ПроДон», группа «Зверобой», другие музыканты, танцевальные коллективы.

В этот день, по свидетельству лидера «Ночных волков» Александра Залдостанова (Хирурга), в священный холм были всыпаны земли из Шахтёрска, Бахмута, Городца, Белгорода, Звенигорода, Краснознаменска Калужской области, Коломны, Калининграда, Сергиева Посада, Зеленограда, Ново-Переделкина, Севастополя, Крыма, Сахалина, Москвы, Красногорска, Нижнего Новгорода, Великого Новгорода, Красноярска, Ульяновска, Чебоксар, Истры, Чехова, Ростова-на-Дону, Южного Урала, Дальнего Востока. Также на холм был доставлен знаковый камень из во-

енного лагеря в Кемерове в честь 376-й Кузбасско-Псковской дивизии, которая освобождала Псков в годы Великой Отечественной войны.

В этот же день от Изборского холма стартовал веломотопробег с участием трёхкратного чемпиона мира по велоспорту паралимпийца Алексея Обыденнова, отстранённого от всех международных стартов за негибаемую патриотическую позицию и нежелание отречься от флага и гимна своей страны. В результате Алексей прошёл более 1700 километров от Изборска до Севастополя, в том числе по вновь освобождённым территориям.

По итогам шоу был создан фильм-репортаж.

Август 2024 года

Дан старт новому масштабному проекту Изборского клуба «Цивилизационная идентичность в мировоззрении, её актуализация в гуманитарном знании и образовании современной России». В цикле се-

минаров и консультаций в офисе клуба на Фрунзенской набережной, а также в онлайн-формате заинтересованные эксперты высказали свои предложения, вопросы и пожелания, касающиеся развития проекта, разработки новой теории цивилизации, включающей такие модели, как традиция-цивилизация, государство-цивилизация, страна-цивилизация, которых явно недостаёт нашему научному и экспертному сообществу, государству Российскому в целом.

В семинарах приняло участие более 25 экспертов из 7 регионов России. Начат сбор материалов для создания коллективного труда, целью которого станут новые концептуальные документы для проведения государственной политики и правового обеспечения административной практики, а также, что особенно важно, учебные пособия для российских вузов.

В семинарах приняли участие постоянные члены клуба В. В. Авьянов (руководитель проекта), В. Э. Багдасарян, М. А. Кильдяшов, ведущие эксперты клуба А. В. Иванов, Р. В. Багдасаров, А. И. Болдырев, А. В. Елисеев, А. Ю. Комогорцев и многие другие.



Александр ЗАЛДОСТАНОВ (Хирург) и Александр ПРОХАНОВ на байк-шоу «Восхождение к Победе» у священного Изборского холма в Псковской области.



Владимир ОДНОРАЛОВ: «Чтобы дух наш вовек не зачах...»



ВОПРОС

Почему эти люди пошли на войну?
Даже грозные песни запели!
На войне им придётся гореть и тонуть
Или гнить в госпитальной постели?

Почему эти люди пошли на войну?
Вопрошанье моё безответно.
Впрочем, всё же имею догадку одну —
Потому, что они не бессмертны.
А бессмертных в войну не втянуть.

РОДНОЙ УГОЛ

Теплый дом, в который мы входили,
Остывает и остыл давно,
И воспоминанья отдалились,
Потускнели, как в немом кино.

Есть ли силы, чтоб вернули прежнее
Ощущенье мира и тепла,
Времени бездонного, безбрежного,
Крепости родимого угла?

СОЛОВЕЙ

Соловей не поёт, не свистит, не воркует,
Не исходит на щёкот, как сказал неизвестный поэт.
Уточню от себя — соловей откровенно ликует,
Каждой майской звезде посылая особый привет.

Это только у нас, у людей, звёзды, в общем,
почти безымянны,
Он же, маленький, помнит звенящие их имена,
Иногда окликает. И вот, что особенно странно, —
В этой вечной поверке алмазная есть новизна!

МОЛИТВА

Такая внезапная жажда,
Как смерть, как любовь, как беда,
Молиться и плакать о каждом,
О каждом, ушедшем туда.

Легко ли, тепло ли, светло ли
Им там, за созвездьем ковша.
Быть может, там в неге и в холе
Вовек пребывает душа?

ОБ АВТОРЕ

Владимир Иванович ОДНОРАЛОВ

Поэт прозаик, очеркист, православный публицист, детский писатель. Родился в 1946 году в Ростовской области. Член Союза писателей России. Автор книг «Окно в сад», «За грибным царём», «Калоши счастья», «Рухляндия и её окрестности», «Свеча Господу», «Светлячки», «Дерево бобра».

Был заведующим литературной частью Оренбургского областного театра кукол. Печатался в журналах, альманахах и газетах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Литературная учёба», «Костёр», «Поэзия», «Мурзилка»,

«Пионерская правда», «Гостиный двор», «День литературы», «Литературная Россия», «Комсомольское племя», «Южный Урал», «Вечерний Оренбург» и другие.

Живой отклик слушателей получила выходившая в 90-е годы на областном радио программа В. И. Одноралова «Возвращение в храм», где велись беседы о возрождении православия и судьбе России.

Лауреат IV Международного литературного форума «Золотой витязь», премий «Облака», Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка», «Оренбургская лира», премий им. С. Т. Аксакова, им. П. И. Рычкова и других.



Но тяжесть вины и ответа
За всё, совершённое тут.
За бедную нашу планету
Молитва, и слёзы текут.

НЕВА

Трудно течь ей покорно и кротко,
И она только в редкие дни
Отражает дворцы и решётки,
А в погожие ночи — огни.
Как река эта редко ликует
В окруженье блистательном их,
Словно долго и глухо тоскует
О песках и болотах своих.

РУБЦОВУ

Я не выпил с ним столько,
Чтоб так называть его — Коля.
Но из наших, из русских — любому он Коля вполне.
Отыскавшийся брат, перешёл он пустынное поле,
Не сгорел, не утоп он в солёной волне.
Как трагично ясны судьбы наших последних поэтов!
Прозвенел — и убит, и не каждому камень иль крест.
Но подобно звезде — путеводным негаснущим светом
Верно светят они всем плутающим душам окрест.
Скачет Коля Рубцов по холмам задремавшей отчизны.
Видит рой саранчи — это новых захватчиков рать.
Как черны их уста, как пиры их похожи на тризны!
Они учат нас жить, не умея людски умирать.
На моём языке не последняя песня пропета,
Не последний младенец ещё голосит на Руси,
Скачет Коля Рубцов — просыпайтесь, встречайте поэта!
Эй, десантник, не спи и в окошке огня не гаси!

АНАТОЛИЮ САВИНОВУ

Жизнь плетётся, а время-то мчится!
С сыновьями ему повезло —
На хорошей машине — проститься
Привезли в родовое село.
И торчит он, как гвоздь, на погосте
В заграничной фуражке смешной.
Здесь рассыпались прадедов кости,
Как вчера здесь простился с женой.

Там поодаль стояла церквушка,
Как старушка мудра и светла.
Но её «за понюх», за полушку
«Комсомольская юность» смела.

Взором долгим он дали голубит
И поэмо, на котором пожил...
Ничего не пропало, что любит,
А точнее сказать, отлюбил.

БАСНЯ

Некто судака поймал случайно,
Но рыбак осудит новичка:
Мол, удачей этой чрезвычайной
Не гордись! Поймал на дурничка!
Соловьиного достойно пенья
Воспоёт он прикорм, грузила,
Надобность везенья и терпенья,
Чтоб законно рыбака пришла.
А поэт проснулся спозаранок,
Что ему там бросилось в глаза?
Ну допустим, что горшок герани
Да старушки старенькой слеза...
Пишет он, забыв про прикорм правил,
С вечной этой дрожью новичка...
А глядишь, и стих изрядный справил,
Так сказать, поймал на дурничка!

КОМАНДИРОВКА

Пролетел по трассе —
Центр — глубинка — центр.
Что привёз я Вассе¹?
Пуд, гектар, процент...
Боль одну да жалость,
Клич известный — пей!
Смертную усталость
От глухих степей.
Нас они не слышат,
Очи наши пьют,
Травами колышут,
Вьюгами поют.
Степь да степь — до неба
Распахнула пасть.
В той степи и мне бы
С ямщиком пропасть.

УСПЕНЬЕ

Всем погибшим в локальных войнах

— Здравствуй, мама. Кончен бой жестокий,
А в бою не каждому везёт.
Тело моё выловил в потоке
Наш лихой комвзвода — вот и всё.
Вот и всё. Душа парит над миром,
Над теплом озябших наших крыш.
Ей вожди понятны и кумиры,
Ей видны и Бёрды, и Париж.



Внятны ей хохла с кацапом споры
И чужое слово, без огня,
И араба каркающий говор,
Наконец, попавшего в меня.
Хорошо, что в баньке перед боем
Крестик твой не позабыл, не снял.
Ах, какая синь меня покоит,
И какой покой меня обнял.
Жалко только – не увижу друга,
В роще за Уралом снегирей,
Золотым девчонкам Оренбурга
Не сорву форштадтскую сирень.
Нету наших девушек красивей...
Но и сини этой краю нет...
Мама, я спасён со всей Россией,
Ты не убивайся обо мне.

ДУБ И ЖИВОПИСЕЦ

Маэстро упрямый и гордый
Являет уменье и нрав —
И живопись спорит с природой
(Конечно же, спор проиграв).
Полотна — всего лишь полотна,
Им рано иль поздно, но тлеть;
А эти деревья свободно
И в небе живут, и в земле.
Растят семена золотые
Для новых каких-то планет,
Что нынче пока что пустыне
В кромешной летят глубине.
Они, несомненно, дозреют,
Сподобятся жизнью цвести,
Их юное солнце согреет,
Такое, как наше, почти.
Готовы их доли под бремя...
Тогда-то с остывшей Земли
Доставит им нужное семя
Пылающий ангел — болид.

* * *

Мы вроде бы жили и были,
Потом я забыл о жене,
Но всё-таки болью и былью
Она оказалась во мне.

А внучкам своим пропел я
(И будущим их мужьям)
Про звёзды над вечною елью,
Которую вырастил сам.

ТАШЛА

Были там одинокие дни
И труды, и забавы святые.
Собираю, к примеру, цветы я –
Долго-долго не вянут они.
Там вода в родниковых ключах
Сохранила старинную силу.
Те, кто пили её, — всю Россию
На покатых держали плечах.
Вышел срок —
смертный сон их сморил.
Нам остались родные могилы,
Да завет их, исполненный силы,
Да страна — от Невы до Курил.
Вот завет: «В заповедных лесах,
По горам, по долам, в разнотравье,
Есть ключи, а вода в них на здоровье,
Чтобы дух наш вовек не зачах».
Но забыли мы много чего.
И течёт нам водичка из крана,
И не надо до солнышка рано
За волшебной спешить, ключевой.
Чужеземные речи журчат
И текут в наши тёплые уши,
Души слабые сушат и душат,
Ах, воды бы испить из ключа!
Потеряли мы ключики эти,
Заповедную воду не пьём.
Что ж мы делаем, сукины дети?
И кому это всё отдаём?!

* * *

Первый снег, а может, и последний,
Лепит прямо в душу и в лицо.
Мыслей гениальных или бредней
Вроде замыкается кольцо.
Мысль сгорит, как порох, как полова,
Снег с водою талою уйдёт.
Может, зря мы поклонились Слову,
И Оно, как призрак, пропадёт?
В мире шестерёнок и пружинок
Я гвоздочка даже не создал,
Но и восхитительней снежинок
Ничего на свете не видал.
Срок придёт — машина станет ломом,
Лебедину песню отсвистит...
А снежинка, созданная Словом,
Снова прямо в душу залетит.

¹ Васса — ответственный секретарь газеты «Ю.У.».



